ЛЕКЦІИ

ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

Приватъ-Доцента В. А. УЛЯНИЦКАГО.

(Курсъ, читанный въ 1896—97 г.)

МОСКВА.
Типографія Общество распространенія полезныхъ книгъ.
Моховая, противъ манежа, д. ихъ. Гагарина.
1900.

УЧЕНІЕ О ПОДДАНСТВѢ И ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ.

Положеніе отдѣльныхъ лицъ въ международныхъ отношеніяхъ. Субъектами международнаго права признаются государства, входящія въ составъ международнаго союза. Они одни только являются членами этого союза, и потому только подданные этихъ государствъ пользуются полнымъ покровительствомъ международнаго права и установленныхъ правовыхъ нормъ международнаго общенія цивилизованныхъ государствъ. *Дикари*, *кочевники* и т. п. будутъ пользоваться въ международной сферѣ лишь покровительствомъ международной морали и общихъ правовыхъ принциповъ, выработанныхъ правосознаніемъ цивилизованнаго человѣчества подъ вліяніемъ религіи, цивилизаціи и т. п. Объясняется это тѣмъ, что международное право, какъ высшая форма общеніе людей, выработанная цивилизованными народами подъ вліяніемъ сознанія необходимости *правильныхъ*, т. е. упорядоченныхъ и строго регулированныхъ взаимныхъ сношеній, основано въ сущности на всестороннемъ, точно выраженномъ или же предполагаемомъ *соглашеніи извѣстной группы государствъ*, *состоящихъ на одномъ приблизительно уровнѣ культуры* и поэтому *солидарныхъ* между собою относительно примѣненія въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ одинаковыхъ или однородныхъ правовыхъ и культурныхъ нормъ. *Взаимность есть основаніе международнаго права* и правильныхъ международныхъ отношеній. Только подъ условіемъ взаимнаго соглашенія фактическія отношенія обращаются въ правильныя юридическія. Эта взаимность имѣетъ мѣсто и въ отношеніяхъ государствъ къ ихъ поданнымъ въ международной сферѣ. Самыя эти отношенія вытекаютъ *изъ признанія взаимной равноправности* государствъ, ихъ независимости и изъ *потребности* правильнаго взаимнаго общенія. Таково единственное юридическое основаніе правоваго положенія отдѣльнаго лица въ средѣ международной. Въ настоящее время, по общему правилу, иностранцы пользуются тѣми же гражданскими правами, какія предоставлены собственнымъ подданнымъ государства. Иностранцу предоставляется государствомъ пользованіе гражданскими правами *для того*, чтобы, по принципу взаимности, его подданнымъ представлено было пользованіе такими же правами въ оте-

чествѣ этого иностранца, такъ какъ въ противномъ случаѣ не имѣло бы никакого разумнаго основанія уравненіе иностранцевъ, не несущихъ никакихъ обязанностей по отношенію къ государству, пользующихся всѣми благами государственной жизни и свободныхъ отъ многихъ тягостей ея (напр. воинской повинности) съ подданными, которые ради государственной охраны ихъ безопасности, гражданскихъ правъ и интересовъ несутъ различныя обязанности и жертвы относительно отечественнаго государства. *Въ области международнаго правоваго общенія юридическое положеніе лица обусловливается, такимъ образомъ, юридической принадлежностью его къ извѣстному государству на правахъ подданства ему.*

Каждое государство въ международныхъ отношеніяхъ пользуется суверенитетомъ территоріальнымъ и суверенитетомъ личнымъ въ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ. Первый заключается въ томъ, что государству принадлежитъ исключительно верховенство и независимость въ предѣлахъ своей территоріи, что никакая другая государственная власть здѣсь не дѣйствительна. *Независимость въ отношеніи населенія состоитъ въ правѣ государства на самостоятельное регулированіе своихъ юридическихъ отношеній къ лицамъ*, живущимъ въ его предѣлахъ, будутъ-ли это подданные или иностранцы. Относительно иностранцевъ эта независимость государства смягчается требованіями международнаго общенія, сознаніе необходимости котораго постепено усиливалось въ международныхъ отношеніяхъ и въ настоящее время возведено въ принципъ. Но условія пріобрѣтенія и потери подданства опредѣляются самимъ государствомъ, потому что подданство предполагаетъ особыя политическія юридическія и нравственныя связи государства съ лицомъ—подданымъ. По общему правилу, *подданство возможно только одному государству* *)

*) Обязанности, возлагаемыя государствомъ на лицо вслѣдствіе подданническихъ отношеній во многихъ случаяхъ бываютъ такого рода, что исключаютъ всякую возможность служенія двумъ государствамъ,—напр. обязанности по отбыванію воинской повинности. Если бъ даже допустить возможность для лица быть *de jure* подданнымъ двухъ государствъ, то *de facto* онъ можетъ нести обязанности только по отношенію къ одному,—къ тому, въ предѣлахъ и подъ властью котораго онъ въ данный моментъ пребываетъ, а отсюда возможность для него самыхъ непріятныхъ послѣдствій въ случаѣ напр. войны. Впрочемъ нѣкоторыя законодательства допускаютъ возможность двойнаго подданства.—Точно такъ же недопустимо съ точки зрѣнія права и *безподданство*. При установившемся въ современномъ государствѣ принципѣ гражданской равноправности подданныхъ и иностранцевъ, безподданные. эти международные бродяги (vagabouds internationaux) по мѣткому опредѣленію Лорана, пользующіеся правами и свободные отъ обязанностей, налагаемыхъ подданствомъ, являлись бы какимъ то особымъ привиллегированнымъ сословіемъ въ государствѣ Сверхъ того, въ настоящее время, когда во многихъ государствахъ (Франція, Италія, Бельгія, Голландія, Швеція и др.) личный статутъ иностранца, т. е. его дѣеспособность, семейное наслѣдственное право,—опредѣляется въ междун. сферѣ его національнымъ законамъ, а не мѣстожительствомъ (domicile), явленіе безподданства или двуподданства особенно нежелательно въ интересахъ правоваго порядка въ общественныхъ отношеніяхъ.

Поэтому переходъ въ подданство другаго государства (натурализація, укорененіе), по общему правилу, влечетъ потерю прежняго. Вопросъ о перемѣнѣ подданства извѣстному государству и объ утратѣ его относится къ области международнаго права, такъ какъ связанъ съ измѣненіями юридическаго положенія лица въ международной сферѣ.

Отношеніе подданства лица къ извѣстному государству обусловливается не однимъ только пребываніемъ этого лица въ предѣлахъ территоріи даннаго государства,—подданные и заграницею пользуются защитою отечества и его заграничныхъ органовъ (консуловъ, дипламат. агентовъ) и въ извѣстныхъ отношеніяхъ подлежатъ дѣйствію отечественныхъ законовъ. Отношеніе это основано на извѣстныхъ *юридическихъ связяхъ* между поданнымъ и государствомъ, выражающихся цѣлымъ рядомъ специфическихъ взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ. Въ виду признаваемой правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ необходимости международнаго общенія, выражающагося и въ признаніи за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ права на свободу передвиженія, *значеніе физической, территоріальной связи подданаго съ государствомъ необходимо должно было умалиться въ наше время, а юридическій моментъ этой связи, наоборотъ,—усилиться* всѣстѣ съ развитіемъ значенія личности гражданина, какъ дѣятельнаго фактора въ жизни государства.

Поэтому первымъ будетъ подлежать нашему разсмотрѣнію вопросъ о юридическомъ значеніи переселеній подданныхъ одного государства въ другое въ области международныхъ отношеній, о томъ вліяніи, какое оказываетъ переселеніе на юридическое положеніе лица въ международной сферѣ. Необходимость правильнаго международнаго общенія и конкретныя жизненныя условія, вызывающія фактическія перемѣны въ составѣ населенія государства вслѣдствіе переселеній отдѣльныхъ его гражданъ, вызвали необходимость государственнаго и международнаго регулированія вопросовъ, касающихся этихъ переселеній, поскольку послѣднія влекутъ за собою измѣненіе подданническихъ отношеній переселенца.

Отсюда два рода вопросовъ: 1) о выселеніи изъ государства (эмиграція) и о переселеніи въ государство (иммиграція), и 2) объ условіяхъ, установляемыхъ государствомъ для затрудненія или же облегченія ихъ.

Разсматривая эмиграцію, какъ выселеніе подданнаго изъ отечества *безъ намѣренія возвратиться* въ него и разсматривая это явленіе въ жизни различныхъ народовъ съ исторической точки зрѣнія, можно констатировать фактъ, что

какъ самая эмиграція, такъ и ограничительныя, вообще говоря, мѣры, принимавшіяся обыкновенно до самаго послѣдняго времени государствами въ видахъ противодѣйствія ей, вызывались и служили всегда *выраженіемъ внутреннихъ экономическихъ и политическихъ* условій и порядковъ государственной жизни европейскихъ народовъ. Экономическія условія, условія соціальнаго (религіознаго и культурнаго) и политическаго строя во всѣ времена вызывали въ тѣхъ или другихъ личностяхъ стремленіе искать лучшихъ, болѣе легкихъ или симпатичныхъ условій внѣ отечества; съ другой стороны, подъ вліяніемъ господствующихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, лежавшихъ въ основѣ своего государственнаго строя средневѣковыхъ государствъ и монархій дореволюціоннаго періода, какъ-то: фискальнаго взгляда на подданныхъ, значенія, которое придавалось количеству населенія, наконецъ прикрѣпленія населенія къ землѣ,—выработалась цѣлая система государственныхъ мѣръ относительно эмиграціи, направленныхъ къ принудительному закрѣпленію существующихъ между государствомъ и подданными отношеній въ формѣ ли совершеннаго воспрещенія выселеній, или же въ видѣ установленія крайне стѣснительныхъ для выселенцевъ условій (денежныхъ вычетовъ, какъ бы въ возмѣщеніе государству убытковъ отъ переселенія, gadella emigrationis, detraetus personalis).

Новые взгляды на отношенія гражданина къ государству (въ особенности договорная теорія возникновенія государствъ) и на права человѣка, провозглашенные публицистикой и философіей XVIII в. и новыя экономическія теоріи (особенно Ад. Смита) разрушили старыя понятія, господствовавшія въ дореволюціонный періодъ. Какъ во многихъ другихъ вопросахъ, законодательство первой французской революціи и здѣсь прокладываетъ путь новымъ взглядомъ въ практическую жизнь. Французская конституція 1791 г. провозглашаетъ принципъ свободы переселеній. Враждебная Франціи дѣятельность эмигрантовъ временно парализуетъ примѣненіе этого принципа и даже вызываетъ опять поворотъ къ старымъ порядкамъ. Но въ новѣйшее время, когда правительственныя сферы и народное сознаніе вполнѣ освоились съ болѣе правильнымъ взглядомъ на задачи государства и отношеніе его къ подданнымъ, измѣнились и получили раціональную постановку и взгляды законодательства на эмиграцію. За исключеніемъ Россіи, всѣ современныя цивилизованныя государства признаютъ, что *право переселенія есть неотъемлемое право каждаго гражданина* и что *каждый гражданинъ свободенъ выйти изъ подданства*. Существующіе еще

въ нѣкоторыхъ государствахъ пробѣлы и недомоловки восполняются международными договорами.

Впрочемъ, само собою разумѣется, что эмиграція съ обоюднаго соглашенія, такъ сказать, государства и подданнаго обставляется и въ наше время *извѣстными условіями, коренящимися въ ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ:* государство требуетъ отъ выселенца предварительнаго исполненія имъ лежащихъ на немъ относительно государства въ моментъ эмиграціи обязанностей. Такъ большинствомъ европейскихъ законодательствъ запрещается эмиграція гражданина, не отбывшаго свою воинскую повинность; съ другой стороны, несоблюденіе выселяющимися постановленныхъ въ законѣ для свободнаго выселенія условій, признается дѣяніемъ преступнымъ. Нужно однако замѣтить, что даже *неразрѣшенная эмиграція* еще не влечетъ за собою неизбѣжно измѣненія подданическаго и гражданскаго положенія эмигранта: она можетъ имѣть послѣдствіемъ извѣстныя, невыгодныя для него послѣдствія (лишеніе извѣстныхъ правъ въ видѣ наказанія), *но не влечетъ сама по себѣ измѣненія подданнической связи.* Совершенно ли она прямо *съ намѣреніемъ не возвращаться* въ отечество (cum animo non revertendi) или же лишь *безъ опредѣленнаго намѣренія вернуться* (sine animo revertendi), во всякомъ случаѣ, по общему правилу, самый *фактъ* эмиграціи до формальнаго перехода эмигранта въ другое подданство производитъ лишь временную *фактическую* пріостановку нормальныхъ подданическихъ отношеній и связей эмигранта съ его отечествомъ, и возстановленіе ихъ всегда считается во власти эмигранта, такъ какъ въ силу общепринятой практики всякое государство обязано принимать обратно своихъ подданныхъ. (Поэтому, напр., хотя по Германскому закону 1870 года, 10-лѣтнее отсутствіе за границей влечетъ за собою утрату германскаго подданства отсутствующимъ, но если онъ не перешелъ въ это время въ чужое подданство, его подданническія отношенія *могутъ быть* возстановлены *даже безъ возвращенія* его на родину, въ силу простого заявленія его объ этомъ, а въ случаѣ его *возвращенія*, ему *не можетъ быть отказано* въ этомъ возстановленіи подданства).

Въ законодательной практикѣ отдѣльныхъ государствъ возможны, конечно, отступленія. Такъ, Россія не признаетъ своими подданными лицъ, выселившихся sine animo revertendi. Напр., *партія саратовскихъ колонистовъ въ* 1877—78 гг. переселилась въ Бразилію, желая избѣжать воинской повинности; но потомъ они рѣшили возвратиться. По дорогѣ они остановились въ Гамбургѣ, не имѣя средствъ ѣхать далѣе

въ Россію. Возникъ вопросъ, кто долженъ помогать имъ возвратиться? Россія отказалась отъ помощи, ссылаясь на утрату ими русскаго подданства, вслѣдствіе того, что колонисты выѣхали изъ нея sine animo revertendi. Германское правительство также не считало себя обязанымъ содержать ихъ на свой счетъ и доставило ихъ на русскую границу, послѣ чего они водворены были на старыхъ мѣстахъ.

Итакъ, *фактическій перерывъ нормальныхъ подданическихъ отношеній вслѣдствіе одного факта эмиграціи, самъ по себѣ не признается вообще достаточнымъ юридическимъ основаніемъ для прекращенія юридическихъ подданическихъ отношеній.* Кромѣ указанныхъ выше основаній здѣсь имѣютъ мѣсто и соображенія практической политики: въ международныхъ отношеніяхъ, говоритъ проф. Мартенсъ, не должно быть состоянія безподданства. Каждое лицо должно знать, какіе законы опредѣляютъ его правосостояніе и какое правительство обязано, при надобности, оказать ему помощь и покровительство. Съ другой стороны, необходимо устранить возможность пользоваться выгодами государственной жизни, не неся никакихъ обязанностей ни относительно страны, въ которой лицо живетъ, ни по отношенію съ своей родинѣ.

Фактъ эмиграціи получаетъ юридическое значеніе въ международной сферѣ *лишь въ связи* съ государственными постановленіями *объ утратѣ* правъ подданства, *объ исключеніи* изъ него или *отказѣ* отъ него. Подъ извѣстными, отечественнымъ законодательствмъ эмигранта, предписанными условіями (паспортными записки въ консульскія *матрикулы*, т. е. списки подданныхъ) онъ можетъ всю жизнь оставаться подданымъ своего отечества, даже не бывая въ немъ, но за то, съ другой стороны, утрата подданства вслѣдствіе *отказа* отъ него *въ связи съ переходомъ* эмигранта въ чужое подданство имѣетъ своимъ *необходимымъ* юридическимъ *послѣдствіемъ удаленіе* изъ предѣловъ прежняго отечественнаго государства. Утрата подданства или отказъ отъ него, выражающійся въ выдѣленіи лица изъ юридическаго государственнаго организма и въ прекращеніи подданническихъ юридическихъ отношеній между нами *необходимо сопровождается* предшествующимъ или послѣдующимъ выселеніемъ такого лица изъ предѣловъ отечественнаго государства. Такъ, германское законодательство, во избѣжаніе фиктивнаго увольненія изъ подданства, предписываетъ, чтобы получившій увольненіе отъ германскаго подданства гражданинъ обязательно выселился изъ Германіи въ 6-ти-мѣсячный срокъ. *Выходъ изъ подданства безъ эмиграціи, но съ натурализаціею* въ подданствѣ другого государства возмо-

женъ лишь (для женъ и дѣтей) въ случаѣ возстановленія подданства или измѣненія его въ связи съ брачнымъ и семейнымъ положеніемъ, или же при перемѣнѣ территоріальной государственной власти вслѣдствіе перехода территоріи къ другому государству.

Кромѣ *отказа* (добровольнаго отъ подданства государству возможна *утрата* его (невольная), *Невольная утрата подданства* наступаетъ, *въ силу закона*, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) какъ послѣдствіе *семейнаго положенія*: жена при бракѣ переходитъ въ подданство государству, которому принадлежитъ ея мужъ (Св. Зак. IX, 1028); дѣти малолѣтнія слѣдуютъ подданству отца *). 2) Въ видѣ *наказанія:* при вступленіи лица на иностранную государственную (особенно военную) *службу* безъ согласія отечественнаго правительства (Германія, Италія, Франція, Венгрія и др.) Юридическая связь между подданнымъ и государствомъ выражается въ извѣстныхъ обоюдныхъ обязанностяхъ (напр.—защита отечества). Нарушеніе этихъ обязанностей само по себѣ признается достаточнымъ для разрыва отношеній подданства, а поступленіе на службу другаго государства будетъ нарушеніемъ упомянутыхъ обязанностей. Впрочемъ нужно замѣтить, что всупленіе на иностранную государственную службу въ огромномъ большинствѣ случаевъ *обусловливается* натурализаціей, а въ Германіи напр. ipso facto влечетъ ее за собой. 3) Вслѣдствіе *эмиграціи* sans esprit de retour (Франція до 1889 г., Австрія, Бельгія) или *пребыванія внѣ отечества въ теченіи свыше указаннаго отечественнымъ законодательствомъ срока* (обыкновенно—10 лѣтъ) лицо также утрачиваетъ подданство (Германія, **) Венгрія); по австрійскому закону доказательствомъ эмиграціи признается переходъ въ другое подданство. Признаніе указанныхъ условій выѣзда изъ отечества условіемъ утраты подданства, *независимо* отъ пріобрѣтенія новаго, неизбѣжно должно вести къ случаямъ безподданства, къ неопредѣленности правъ и обязанностей лица въ международномъ оборотѣ ***. 4) Тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ случаѣ *перехода лица въ чужое подданство*. Совмѣщеніе подданства двумъ государствамъ невозможно. Совре-

*) По русск. законамъ (Св. Зак. IX, 1015) натурализація не распространяется, на дѣтей, рожденныхъ до натурализаціи отца или матери-вдовы.

**) Какъ мы уже замѣтили выше, германскій законъ 1870 г. устанавливаетъ въ этомъ случаѣ собственно не безповоротную потерю подданства, а только предположеніе объ ней, которое всегда можетъ быть устранено опровергающимъ его заявленіемъ заинтересованнаго лица.

***) Относительно 2-го и 3-го условій нужно однако замѣтить, что въ новѣйшихъ законодательствахъ о подданствѣ замѣчается похвальная тенденція къ сокращенію числа условій, влекущихъ за собою утрату подданства безъ пріобрѣтенія новаго. Такъ французскій законъ 1889 г. въ видахъ предупрежденія безподданства отмѣнилъ одно изъ условій прекращенія подданства,—выселеніе san esprit de retour.

менное международн. право ставить необходимымъ условіемъ правомѣрнаго добровольнаго выхода изъ подданства переходъ въ новое подданство: добровольная и полная натурализація дѣеспособнаго (по законамъ его отечества) лица въ иностр. государствѣ, ео ipso влечетъ за собою утрату его прежняго подданства, а первоначальное подданство ни въ какомъ случаѣ *не утрачивается* до пріобрѣтенія новаго. Принципъ этотъ провозглашенъ былъ впервые французскою конституціею 1791 г., и усвоенъ былъ затѣмъ большинствомъ законодательствъ (онъ не принятъ въ Германіи и Россіи). Только при этомъ условіи возможно предупрежденіе появленія двуподданства [1]). Условія натурализаціи, влекущей за собою утрату подданства по французскому законодательству: чтобы она была полная, добровольная, чтобы лицо было юридически дѣеспособнымъ и чтобы натурализація не была совершена in fraudem legis, напр. для уклоненія отъ воинской повинности [2]), для полученія развода за границей и т. п. Въ новѣйшее время заключено значительное число международныхъ трактатовъ (между прочимъ въ 1894 г. конвенція между Россіею и Германіею) коими договаривающіяся стороны обязуются принимать къ себѣ тѣхъ изъ бывшихъ своихъ подданыхъ, которые, утративъ свое первоначальное подданство, не пріобрѣли новаго [3]). Какъ выходъ изъ подданства, такъ и *утрата* (невольная) подданства недолжны быть признаваемы до перехода лица въ другое подданство [4]). 5) *Переходъ государственной территоріи* подъ власть другого государства, вслѣдствіе завоеванія или уступки, для оставшагося въ предѣлахъ ея населенія, влечетъ утрату прежняго подданства. Такой утратѣ не подвергаются лица, которыя воспользуются представляемымъ въ такихъ случаяхъ, для всѣхъ желающихъ, правомъ оптированія (joptioniss)

---

1) Нѣкоторыя законодательства (Германское, Австрійское, С. Штатовъ) сохраняютъ подданство за гражданами, натурализованными въ другихъ государствахъ а так. обр. открываютъ возможность совмѣщенія различныхъ подданствъ.

2) Уклоненіе отъ воинской повинности признается преступленіемъ, наказуемымъ уголовнымъ законамъ. Наказанію за него можетъ быть подвергнуто въ случаѣ возвращенія на родину и лицо, вышедшее съ этою цѣлью изъ подданства. По Итальянскому закону утрата подданства не освобождаетъ отъ обязанности военной службы. По французскомъ закону натурализація за-границей француза, подлежащаго воинской повинности влечетъ за собой утрату французскаго подданства въ томъ только случаѣ, если она была разрѣшена французскимъ правительствомъ.

3) По германскому военному закону 1874 г. даже *уволенный* изъ германск. подданства, но не пріобрѣвшій новаго, по возвращеніи въ отечество разсматривается какъ германскій подданный.

4) По справедливому замѣчанію Коркунова не должно быть собственно *выходом* изъ подданства, а непремѣнно *переходъ*; нельзя допускать *утраты* или *оставленія* подданства, а только *перемѣну*. Вмѣсто увольненія изъ подданства слѣдовало бы установить только дозволеніе на переходъ въ иностранное подданство и прекращеніе подданства связать съ укорененіемъ въ иностранномъ государствѣ.

въ пользу собранія подданства отечественному государству. Однако, въ такомъ случаѣ, эти лица должны выселиться изъ перешедшей во власть другого государства области.

Русское законодательство. Ст. 325 Улож. о нак. гласитъ: „кто, отлучаясь изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства, или вступитъ въ подданство иностранной державы, то за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ отечества изгнанію, или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе". Вслѣдствіе неудачной редакціи этой статьи, казалось бы, что наше законодательство не допускаетъ выхода изъ русскаго подданства и признаетъ безусловно преступнымъ вступленіе въ чужое подданство. Въ дѣйствительности однако это не совсѣмъ такъ. Если принять во вниманіе, что 325 ст. помѣщена въ IV раздѣлѣ въ главѣ VII, озаглавленной: „*о недозволенномъ* оставленіи отечества", то изъ этого ясно, что всѣ статьи этой главы устанавливаютъ наказуемость предусмотриваемыхъ ими дѣяній лишь подъ условіемъ совершенія ихъ *безъ дозволенія*. Въ этомъ же смыслѣ разъяснена эта статья и Кас. Деп. Пртвит. Сената. Такимъ образомъ, ст. 325 Улож. о нак. установляетъ наказуемость только *недозволеннаго* выхода изъ русскаго подданства, а въ Учрежденіи Комитета министровъ (ст. 32, прим. 2) намѣченъ и самый порядокъ испрошенія дозволенія и на выходъ изъ подданства. По изд. 1886 г. прошеніе о томъ подается министру внутр. дѣлъ, который представляетъ его чрезъ Комитетъ министровъ на Высочайшее разрѣшеніе, а по изд. 1892 г. „Министру внутреннихъ дѣлъ, при представленіяхъ въ Комитетъ министровъ объ увольненіи изъ подданства Россіи, представлено присовокупляетъ удостовѣреніе что къ испрашиваемому увольненію не встрѣчается препятствій по уставу о воинской повинности". На основаніи послѣдней редакціи можно бы было предположить, что рѣшеніе вопроса зависитъ отъ Комитета Министровъ, но такъ какъ по ст. 59 Учр. Ком. Мин. „никакое заключеніе Комитета не приводится въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока оно не разсмотрѣно Государемъ Императоромъ и не удостоено Высочайшаго утвержденія", то въ сущности выходъ изъ подданства возможенъ лишь съ Высоч. разрѣшенія. Затѣмъ, въ силу ст. 3 уст. о воинск. пов., увольненіе лицъ мужскаго пола, имѣющихъ отъ роду, болѣе 15 лѣтъ допускается „лишь по совершенномъ отбытіи ими воинской повинности или же по вынутіи жеребья, освобождающаго ихъ отъ военной службы". Наконецъ, лицамъ, оста-

вившимъ подданство Россіи и выѣхавшимъ изъ ея предѣловъ воспещенъ обратный пріѣздъ въ качествѣ иностранныхъ подданыхъ до истечинія пятилѣтняго срока со дня выѣзда ихъ за границу.—Вопросъ о вліяніи увольненія изъ русскаго подданства на семью уволеннаго совершенно не затронутъ нашимъ законодательствомъ *). Сверхъ того наше законодательство объ утратѣ подданства не удовлетворяетъ основнаго требованія современнаго права, что опредѣляя порядокъ оставленія подданства, государство и въ своихъ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ международнаго союза должно стремиться къ тому, чтобы ето подданые, эмигрирующіе изъ отечества, не оказались въ положеніи двуподданныхъ или безъ подданныхъ.

Всѣ подобные виды утраты подданства вступаютъ въ полную силу и дѣйствіе лишь въ международной сферѣ, внѣ предѣловъ отечественнаго государства поэтому устанавливающіе ихъ національные законы и распоряженія, для того, чтобы быть дѣйтвительными, должны быть осуществимы въ международной сферѣ, безусловное значеніе и силу они имѣютъ лишь въ томъ случаѣ, когда не затрогиваютъ свободу воли другого государства. Поэтому, а также въ виду указанныхъ уже соображеній,—1) что въ международной жизни всякое лицо предполагается находящимися въ подданствѣ извѣстному государству, 2) что утрата подданства получаетъ въ международной сферѣ дѣйствительное значеніе лишь въ моментъ принятія лицомъ новаго подданства, 3) что никакое государство не обязано принимать у себя подданныхъ чужого государства, недобровольно въ него переселяющихся, — въ виду этихъ соображеній, а также основного принципа современныхъ междун. отношеній—суверенитета государствъ, *обязанность государства принимать своихъ подданныхъ должна б. прпзнана безусловною въ международной сферѣ*, а съ другой стороны, юридическая сила экспатріаціи обусловливается принятіемъ исключеннаго изъ подданства лица въ число гражданъ другого подданства. Хотя нѣкоторыя государства и признаютъ возможность для своихъ гражданъ утраты ихъ подданства или исключенія изъ него, однако нельзя навязывать другому государству обязанности принимать у себя такихъ, лишенныхъ правъ отечественнаго гражданства лицъ. (По этому же всѣ почти современныя цивилизованныя государства отказались отъ практиковавшагося въ старыя времена *изгнанія* своихъ подданныхъ, какъ политической карательной мѣры).

*) Иностранное законодательство въ статьѣ Гессена въ Ж. Юр. Общ. 1876 г. №9.

Иммиграція и натурализаціи. Эмиграціи и выходу изъ подданства соотвѣтствуетъ въ обратномъ порядкѣ иммиграція и принятіе подданства (натурализація). Подобно тому, какъ имиграція не соотвѣтствуетъ простому выбытію изъ отечества, а предполагаетъ намѣреніе не возвращаться въ него, такъ и понятіе иммиграціи не тождественно съ прибываніемъ въ предѣлахъ неотечественнаго государства. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, моментомъ, опредѣляющимъ юридическій характеръ пребыванія лица въ чужомъ государствѣ, является прежде всего личная воля, *намѣреніе* лица (его animus). Лицо вступаетъ въ государство либо *фактически*, становясь вслѣдствіе этого въ подчиненіе лишь территоріальному верховенству государства на положеніи иностранца, либо оно вступаетъ въ *органическую связь* съ нимъ всѣмъ своимъ юридическимъ существомъ, становится органическимъ членомъ государства и подчиняется въ своемъ правовомъ положеніи всему политическому и юридическому строю и порядку этого государства.

Въ исторіи случаи иммиграціи мы видимъ съ давнихъ временъ, но случаи принять иммигрантовъ въ число гражданъ государства являются лишь какъ рѣдкія исключенія: государства подъ вліяніемъ меркантильной политики охотно принимали богатыхъ иммигрантовъ или такихъ, которые могли оказать пользу государственной промышленности, а государства военныя—людей, способныхъ къ военной службѣ, но такое допущеніе и даже поощреніе иммиграціи не отождествлялось съ предоставленіемъ иммигрантамъ правъ гражданства (служилые иноземцы Московскаго государства). Иммигрантъ лишь сливался съ массой столь же безправнаго, какъ и онъ, населенія. Даже особаго юридическаго акта принятія иммигранта въ составъ государства не требовалось въ эту эпоху господствующаго феодальнаго принципа территоріальной власти (jus soli),—вслѣдствіе территоріальнаго принципа власти, верховныя права территоріальнаго господина распространялись безраздѣльно и на территорію, и на ея населеніе, какъ туземное, такъ и пришлое (подъ условіемъ лишь разрѣшенія на поселеніе). По мѣрѣ усиленія государственнаго монархическаго принципа и образованія сплоченныхъ государственныхъ организмовъ, мы видимъ зародыши юридическаго опредѣленія отношеній иммигранта къ представителю и главѣ государства (а, слѣдовательно, и къ государству). Таковы старыя французскія lettres de naturalitè или lettres de dèclaration de naturalitè. Въ Россіи, пріѣзжавшіе по вызову правительства переселенцы должны были приносить присягу въ подданствѣ, но за то получили осо-

быя привилиегіи въ видѣ льготъ отъ податей и разнаго рода повинностей и т. д. Но и здѣсь еще нельзя признать актовъ правильнаго, юридически организованнаго въ государственномъ и международномъ смыслѣ *перехода* отдѣльныхъ лицъ изъ одного подданства въ другое въ международной сферѣ. Для того чтобы натурализація могла получить указанный нами смыслъ и характеръ, необходимо было, чтобы общія понятія права гражданства и подданства, т. е. не только фактической, но и юридической принадлежности извѣстнаго лица къ извѣстному государству, вполнѣ выработались въ жизни и сознаніи всѣхъ государствъ международнаго союза; это было необходимо уже въ виду указанной нами тѣсной внутренней связи между институтомъ натурализаціи и вопросомъ о подданствѣ. Дѣйствительно, лишь по мѣрѣ вымиранія феодальныхъ и восточныхъ принциповъ территоріальной власти, коммунальнаго и провинціальнаго строя общественной и государственной организаціи, идея гражданства и подданства постепенно развивается и переходитъ отъ узкой идеи территоріально-вотчиннаго подчиненія общиннаго или провинціальнаго гражданства къ высшему типу, основы которому положены французской революціей,—къ типу, отвѣчающему взглядамъ и потребностямъ современной государственной и международной жизни. Со второй половины нынѣшняго вѣка мы уже находимъ въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ цѣлый рядъ законоположеній, на основаніи которыхъ въ большинствѣ государствъ международнаго союза регулируется *юридическій* переходъ изъ одного подданства въ другое.

Вопросъ натурализаціи, какъ и подданства, есть вопросъ преимущественно внутренняго государственнаго и административнаго права; международнаго же права онъ касается по стольку, по скольку вліяетъ аа юридическое положеніе лица въ международной сферѣ. Натурализація иностранцевъ допускается подъ извѣстными, конечно, условіями, всѣми современными государствами. Такъ какъ отношеніе подданства сопряжено съ извѣстными взаимными правами и обязанностями государства и его подданнаго, то отсюда очевидно, что *для установленія* такого отношенія необходимымъ условіемъ является *взаимное соглашеніе сторонъ*. Подобно тому, какъ государство не имѣетъ права принуждать пребывающаго на его территоріи иностранца вступить въ подданническія къ себѣ отношенія, точно также иностранецъ не имѣетъ права требовать отъ государства, въ которомъ онъ пребываетъ, чтобы оно приняло его въ число своихъ подданныхъ. Можно указать лишь весьма немного случаевъ, когда, въ силу

принятой законодательной практики, пріобрѣтеніе подданства происходитъ *помимо непосредственной воли сторонъ*, преимущественно въ силу общепринятыхъ принциповъ семейнаго права. Такъ женщина, при *вступленіи въ бракъ*, переходитъ въ подданство государству, которому принадлежитъ мужъ. (Но измѣненіе имъ подданства послѣ брака не вліяетъ необходимо на подданство жены). Несовершеннолѣтнія *дѣти* слѣдуютъ подданству родителей: рожденныя въ законномъ бракѣ—подданству отца, въ незаконномъ — матери. Тоже правило распространяется на усыновленныхъ. Впрочемъ, какъ бы въ видѣ поправки, нѣкоторыя законодательства допускаютъ возвращеніе въ прежнее подданство, напримѣръ, вдовы, утратившей его вслѣдствіе брака съ иностранцемъ, въ случаѣ возвращенія ея на родину. Такое правило имѣетъ мѣсто въ законодательствѣ Россіи, Франціи, Голландіи. Допускается также возвращеніе въ прежнее подданство достигшихъ совершеннолѣтія дѣтей лица, перемѣнившаго подданство во время ихъ малолѣтства (Франія) и т. п.

Какъ уже было замѣчено, государство не можетъ быть обязано принять въ составъ своихъ подданныхъ иностранца вслѣдствіе лишь заявленнаго послѣднимъ желанія вступить въ подданство ему,—такъ какъ съ переходомъ въ подданство иностранецъ пріобрѣтаетъ *право* на *пребываніе* въ государствѣ и на его *защиту*, то государство вольно принять его или отказать въ пріемѣ, какъ это принято въ законодательствѣ Германіи, Австріи, Венгріи и Россіи. Тѣмъ не менѣе возможны и ограниченія этого права государства, прежде всего въ силу его же собственнаго законодательства или *самоограниченія воли*. Такъ во французскомъ и англійскомъ законодательствахъ до нынѣ признается принципъ jus soli въ томъ смыслѣ, что за всякимъ ребенкомъ, рожденнымъ на французской или англійской территоріи (или кораблѣ) признается *право* на французское или англійское подданство по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Или ребенку, отецъ котораго перемѣнилъ подданство, предоставляется, иногда, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, возвратиться въ подданство отечественнаго государства. Далѣе, на основаніи субъективнаго права, иностранецъ можетъ требовать принятія въ подданство государства вслѣдствіе поручерной *ему должности на государственной* или военной *службѣ*, какъ это узаконено во Франціи и Германіи, или же на основаніи долговременнаго (въ теченіе указаннаго закономъ срока) пребыванія въ государствѣ. Это послѣднее условіе субъективнаго права на натурализацію, впрочемъ, выходитъ изъ употребленія въ новѣйшихъ европейскихъ законодательстватъ. Нако-

нецъ, государство обязано признавать подданнымъ себѣ *населеніе пріобрѣтенной* имъ мирнымъ или военнымъ путемъ *территоріи*, т. е. всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по рожденію или пребыванію въ этой территоріи, находились до присоединенія ея въ подданическихъ отношеніяхъ къ уступившему ее государству. Съ другой стороны, и населеніе такой территоріи переходитъ de jure въ подданство пріобрѣтающаго государства, за исключеніемъ лицъ, воспользовавшихся правомъ выбора подданства (option) для того, чтобы сохранить старое подданство, съ обязательствомъ, впрочемъ, выселиться изъ уступленной его отечественнымъ государствомъ территоріи.

Если въ указанныхъ случаяхъ натурализація въ смыслѣ принятія иностранца въ составъ государственныхъ подданныхъ является какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ предъ шествовавшаго юридическаго положенія иностранца, за то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ оно обставляется различными, опредѣленными законодательствомъ пронимающаго государства, условіями. Большинство европейскихъ законодательствъ ставятъ пріемъ иностранца въ подданство государства *въ зависимость отъ слѣдующихъ условій*:

1) отъ *личнаго* юридическаго, соціальнаго и экономическаго *положенія* иностранца: отъ его возраста и юридической дѣеспособности, отъ его экономической самостоятельности (т. е. возможности содержать себя на собственныя средства своимъ трудомъ) отъ его юридической нравственной безупречности (судебной неопороченности) и т. п.

2) отъ *пребыванія или переселенія*, или же *хозяйственнаго обзаведенія* (établissement) въ предѣлахъ принимающаго государства въ теченіе извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго, законами его опредѣленнаго времени. Это условіе встрѣчается въ большинствѣ законодательствъ (Франціи, Англіи, Бельгіи, Италіи, Россіи), различающихся лишь сроками. Иногда самое поселеніе съ цѣлью послѣдующей натурализаціи обусловливается предварительнымъ разрѣшеніемъ властей (въ Россіи и Франціи),—въ такомъ случаѣ теченіе назначеннаго для натурализаціи срока поселенія считается лишь со времени офиціальнаго разрѣшенія такого поселенія. Эти сроки по общепринятой практикѣ могутъ быть совершаемы въ уважительныхъ случаяхъ. Германія и Австрія не опредѣляютъ срока обязательнаго поселенія натурализуемаго.

3) Пріемъ иностранца въ подданство ставится въ зависимость отъ государственныхъ *отношеній иммигранта къ его отечественному государству*. Это условіе встрѣчается

сравнительно рѣже въ законодательной практикѣ. Лишь немногія законодательства (напр. Швейцарское и Венгерское) и немногіе международные трактаты требуютъ, для разрѣшенія иностранцу натурализаціи, документальнаго свидѣтельства объ увольненіи его изъ подданства отечественному государству или объ отбытіи имъ воинской повинности въ своемъ отечествѣ. Въ Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи это условіе не требуется. Германія, хотя и выдаетъ увольнительныя свидѣтельства своимъ эмигрирующимъ подданнымъ, но отъ эмигрирующихъ иностранцевъ требуетъ ихъ, подобно Австріи, въ томъ только случаѣ, когда имѣетъ съ ихъ отечествомъ картель о дезертирахъ (т. е. договоръ о непринимании дезертировъ). Между Австріей и Германіей существуетъ за то взаимное соглашеніе о непріемѣ въ подданство обоюдныхъ неуволенныхъ подданныхъ. Наконецъ Англія, Швеція, Испанія не признаютъ свою натурализацію дѣйствительной по отношенію къ прежнему отечеству натурализованнаго, если по его законамъ она не признается дѣйствительной; напр. русскій подданный, натурализованный въ Англіи безъ разрѣшенія со стороны Россіи на такую натурализацію, не пользуется защитой англійскихъ законовъ, если онъ возвратится на жительство въ Россію.

4) Наконецъ, принятіе въ подданнство зависитъ отъ соблюденія со стороны натурализуемаго извѣстныхъ *формальностей, символически закрѣпляющихъ юридическое отношеніе* новаго подданства: принесенія присяги на подданство (въ Россіи, Италіи, Австріи, Франціи, Англіи), или принятія документа о натурализаціи (въ Германіи и Бельгіи), или отреченія отъ прежняго подданства (въ С. Штатахъ) и т. п.

Лишь въ случаѣ удовлетворенія эмигрантомъ требуемыхъ законодательствомъ принимающаго государства условій, онъ формально принимается въ подданство *компетентными государственными органами*. Въ этомъ отношеніи въ государственной практикѣ существуетъ *три системы*: а) производство по вопросамъ о принятіи въ подданство предоставляется исключительной *компетенціи исполнительной власти*; этотъ порядокъ принятъ въ Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи; б) или натурализація совершается *законодательнымъ порядкомъ* для каждаго отдѣльнаго лица,—въ Бельгіи, Голландіи, Румыніи; в) или, наконецъ, право натурализаціи принадлежитъ *законодательной и исполнительной власти сообща*. Въ пользу второй и третьей системы приводится то соображеніе, что вступленіе иностранца въ число членовъ государства возможно лишь съ согласія организован-

наго представительства этого государства, т. е. народнаго представительства.

Обращаясь къ *юридическимъ послѣдствіямъ натурализаціи* и къ установляемымъ ею юридическимъ отношеніямъ между натурализованнымъ и принявшимъ его государствомъ, нужно замѣтить, что натурализація не всегда имѣетъ *непосредственнымъ* послѣдствіемъ уравненіе натурализованнаго съ природными гражданами государства, т. е. гражданами, пользующимися всѣми политическими и гражданскими правами, установленными для нихъ отечественнымъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ мы видимъ *три системы*:

1) Вслѣдствіе натурализаціи натурализованный пріобрѣтаетъ ipso jure *полную равноправность* съ природными гражданами государствъ. Эта система практикуется въ Германіи, Австріи, Франціи, Россіи.

2) Вступленіе натурализованнаго *въ гражданскую полноправность совершается постепенно*, въ зависимости отъ особыхъ условій. Напр., въ С. Штатахъ натурализованный пріобрѣтаетъ политическія права только по истеченіи извѣстнаго времени, въ продолженіи котораго лицо пребываетъ въ званіи гражданина. Подобное правило тамъ имѣетъ дѣйствіе и по отношенію къ природнымъ гражданамъ: требуется пребываніе въ теченіе 7 лѣтъ въ предѣлахъ Штатовъ для того, чтобы лицо могло быть избрано въ депутаты вовсѣтъ для избранія въ сенаторы, и никогда натурализованный не можетъ быть избранъ въ президенты.

3) *Натурализація совершается постепенно*, въ видѣ цѣлаго ряда актовъ, постепенно расширяющихъ правоспособность натурализованнаго и завершающихся предоставленіемъ ему гражданскаго полноправія и равноправности съ природными гражданами. Такая постепенность натурализаціи практикуется въ Англіи, Бельгіи, Италіи и Даніи (2 степени), Испаніи (4 степени). Въ Англіи различается натурализація въ силу особаго парламентскаго акта, при которой натурализованный получаетъ всю полноту политической правоспособности: право назначенія въ парламентъ, въ тайный совѣтъ, въ высшія придворныя должности,—отъ натурализаціи административнымъ путемъ, на основаніи закона о натурализаціи 1870 г. (Сверхъ того особое положеніе, среднее между положеніемъ иностранца и натурализованнаго, даетъ денизація (denization); она не сообщаетъ политическихъ правъ и не обусловливается выходомъ изъ отечественнаго подданства). Въ Бельгіи и Италіи различается полная (большая) и малая (ординарная) натурализаціи; только первая со-

общаетъ натурализованному всѣ политическія и гражданскія права природнаго подданнаго. Она дается за особенныя заслуги. Тѣ же двѣ степени съ тѣми же послѣдствіями существовали и во Франціи до 1867 г.

Натурализація въ Россіи опредѣлена *закономъ* 1864 г. (Св. Зак. IX, 1010—1031), значительно затруднившимъ натурализацію иностранцевъ въ Россіи [1]). Натурализація имѣетъ личный характеръ (какъ во Франціи, Бельгіи) съ тѣмъ лишь изъятіемъ, что она распространяется сама собою и на жену натурализуемаго; дѣти же его, рожденныя до натурализаціи, могутъ быть приняты въ русское подданство только по собственному ихъ желанію по достиженіи ими совершеннолѣтія. Главное условіе для натурализаціи въ русскомъ подданствѣ— *предварительно пятилѣтнее водвореніе* въ Россіи съ вѣдома и разрѣшенія губернатора, при чемъ срокъ водворенія считается только со времени полученія водворительчаго свидѣтельства. Самое продолжительное пребываніе въ Россіи, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, безъ полученія водворительнаго свидѣтельства отъ мѣстнаго губернатора, не даетъ права на укорененіе. Безусловно не допускается натурализація замужнихъ женщинъ отдѣльно отъ мужей (Св. Зак. IX ст. 1014). По истеченіи пятилѣтняго срока водворенія, иностранцу продоставляется право подать министру внутреннихъ дѣлъ просьбу о натурализаціи, при чемъ онъ долженъ представить удостовѣреніе о поселеніи и свидѣтельство объ образѣ жизни. Въ просьбѣ можетъ быть отказано безъ объясненія причинъ. Пятилѣтній *срокъ пребыванія сокращается или* совершенно *не требуется* въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для лицъ, въ какомъ-либо отношеніи полезныхъ или оказавшихъ Россіи особенныя заслуги; 2) для совершен-

---

[1]) Наше законодательство объ условіяхъ подданства до изданія закона 1864 г. руководствовалось господствовавшимъ въ прежнія времена взглядомъ на всякое увеличеніе количества населенія, какъ на безусловную выгоду для государства. Поэтому, для полученія иностранцемъ русскаго подданства законъ не ставилъ никакихъ ограничительныхъ условій: не требовалось ни матеріальной обезпеченности и судебной неопороченности, ни опредѣленной продолжительности пребыванія въ Россіи. Вступленіе въ подданство совершалось принятіемъ присяги, къ которой иностранцы приводились властью губернскаго правленія. Распространеніе или нераспространеніе натурализаціи на дѣтей зависѣло отъ усмотрѣнія натурализуемаго. Сверхъ того, натурализуемые пользовались особыми преимуществами сравнительно съ коренными подданными: имъ однимъ предоставлялось право свободнаго выхода изъ русскаго подданства, а Уставъ о податяхъ предоставлялъ имъ свободу отъ платежа подушной въ теченіе двухъ лѣтъ. Законъ 10 февр. 1864 г. составляетъ первый шагъ къ нѣкоторому ограниченію свободы доступа въ русское подданство. Ограниченіе это явилось логическимъ слѣдствіемъ реформъ того времени: освобожденіе крестьянъ, судебная и земская реформы доставили всѣмъ русскимъ гражданамъ извѣстныя публичныя права, а вслѣдствіе этого явилась необходимость болѣе разборчиваго отношенія къ натурализуемымъ въ Россіи иностранцамъ. Въ настоящее время разрабатывается новый законопроектъ о натурализаціи. (Критику его см. въ статьѣ проф. Коркунова въ Журн. Мин. Юст. 1895 г. № 10 и Гессена къ Журн. Петерб. Юрид. Общ. 1896 г. № 9).

нолѣтнихъ дѣтей натурализующихся въ Россіи иностранцевъ и для иностранцевъ, родившихся и воспитанныхъ въ Россіи [1]) или хотя и родившихся за-границей, но получившихъ образованіе въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; они имѣютъ право быть допущенными губернскимъ правленіемъ къ принесенію присяги на подданство въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія [2]); 3) всегда могутъ быть приняты въ русское подданство иностранцы, состоящіе на русской государственной службѣ, и 4) русскія подданныя, бывшія въ замужествѣ за иностранцами (и ихъ дѣти по достиженіи совершеннолѣтія) могутъ по расторженіи брака или овдовѣвъ вернуться въ русское подданство; онѣ обязательно принимаются безъ всякихъ формальностей и условій, установленныхъ для натурализаціи иностранцевъ (Св. Зак. IX, 1026). Во всѣхъ другихъ случаяхъ присяга составляетъ необходимое условіе для дѣйствительности натурализаціи. Натурализованный въ Россіи иностранецъ получаетъ всѣ гражданскія и политическія права и обязанности природнаго русскаго подданнаго (IX, 1030) [3]). О прекращеніи прежняго подданства нашъ законъ ничего не говоритъ. Если иностранецъ, испрашивающій натурализацію, подданный государства, съ которымъ Россія имѣетъ конвенцію объ исполненіи взаимными подданными воинской повинности, то онъ обязанъ представить удостовѣреніе отъ надлежащаго начальства, что повинность эта имъ отбыта или что онъ отъ нея свободенъ. Иностранцы, не пользующіеся правами привиллегированныхъ сословій (дворянства, почетнаго гражданства, купечества) по укорененіи обязаны приписаться къ сельскому или городскому обществу [4]).

---

1) Относительно дѣтей, рожденныхъ отъ русской подданной въ иностранномъ государствѣ не имѣется никакихъ указаній.

2) Слѣд. по минованіи призывнаго возраста.

3) Закономъ 1864 г. прекращено право, предоставлявшееся прежде натурализованнымъ оставлять русское подданство. (Св. Зак. XIV, уст. насл. 486).

4) Наше законодательство опредѣляетъ только порядокъ вступленія въ подданство иностранцевъ и вовсе не касается условій возможнаго установленія подданства рожденіемъ и узаконеніемъ. Между тѣмъ съ изданіемъ закона 1891 г. о правѣ узаконенія дѣтей, прижитыхъ до брака ихъ родителей, вопросъ о возможномъ (вслѣдствіе опредѣленія подданства дѣтей по подданству родителей) вліяніи узаконенія на измѣненіе подданства узаконяемыхъ дѣтей можетъ, по справедливому замѣчанію Коркунова, вызвать немало затрудненій. Такъ какъ въ законѣ 1891 г. нѣтъ никакихъ оговорокъ относительно мѣста рожденія узаконяемыхъ и относительно добрачной національности ихъ матери, то слѣдуетъ признать за русскими подданными право узаконить своихъ дѣтей, прижитыхъ до брака съ ихъ матерью, хотя бы внѣ Россіи и хотя бы отъ иностранной подданной. А если такъ, то узаконеніе оказывается однимъ изъ способовъ сообщенія русскаго подданства иностранцамъ.—Но кромѣ того является и еще болѣе затруднительный вопросъ: могутъ ли, основываясь на законѣ 1891 г. иностранцы узаконить своихъ прижитыхъ въ Россіи и отъ русской подданной дѣтей, и тѣмъ самымъ переводить ихъ въ иностранное подданство? Этотъ вопросъ возникъ уже въ нашей судебной практикѣ и московскимъ окружнымъ судомъ и судебною палатою рѣшенъ былъ отрицательно, но рѣшеніе это сенатъ призналъ неправильнымъ, ссылаясь

Разрѣшеніе вопросовъ, возникающихъ изъ перемѣны гражданиномъ подданническихъ отношеній къ своему отечеству не рѣдко осложняется и затрудняется на практикѣ различіемъ, а иногда и прямымъ противорѣчіемъ принциповъ, принятыхъ въ этомъ отношеніи различными законодательствами, такъ какъ всякій casus перемѣны подданства необходимо распадается на двѣ части (выходъ и вступленіе), изъ коихъ каждая подчиняется въ дѣйствительности, т. е. на практикѣ, законодательству другого самостоятельнаго государства. Неизбѣжныя при существующемъ нынѣ разногласіи законодательствъ, въ случаѣ строгаго ихъ примѣненія, коллизіи эти устраняются въ наше время въ большинствѣ случаевъ при помощи международныхъ конвенцій и соглашеній, иногда значительно отступающихъ отъ принятыхъ внутренними законодательствами договаривающихся сторонъ принциповъ.

Въ виду невыгоднаго вліянія *коллизій законодательствъ* на юридическое положеніе лица, наука международнаго права пытается принципіально разрѣшить эти возможныя противорѣчія путемъ разрѣшенія вопроса о томъ, какое законодательство должно быть принимаемо въ международной сферѣ за критерій правомѣрности акта, измѣняющаго подданническія отношенія лица. Вопросъ этотъ разрѣшается нѣкоторыми писателями такимъ образомъ, что они отдаютъ преимущество одной которой нибудь сторонѣ акта. *Чаще всего преимущество они отдаютъ натурализаціи*, а выходу изъ подданства придаютъ второстепенное значеніе, ссылаясь на принципъ свободы эмиграціи.

Въ случаѣ конфликта между условіями, какія ставитъ отечественное законодательство эмигранта для выхода изъ подданства и правами, созданными для него законодательствомъ новаго отечества, служащій объектомъ этого конфликта фактъ перемѣны подданства можетъ разсматриваться съ троякой точки зрѣнія и соотвѣтственно этому создать для заинтересованнаго лица троякое, мѣстными условіями опредѣляемое юридическое положеніе.

1) Если выселившееся вопреки (съ нарушеніемъ) условіямъ и ограниченіямъ отечественнаго законодательства, и слѣдовательно *не вышедшее правомѣрнымъ путемъ* (rite) изъ подданства лицо остается безвыѣздно въ предѣлахъ новаго своего отечества и если перемѣна подданства окончательно

на то, что по 995 ст. IX т. иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подлежатъ дѣйствію русскихъ законовъ, а слѣд. и законъ 1891 г. распространяется и на иностранцевъ. (Критику этого рѣшенія Сената см. въ ст. Коркунова въ Ж. Мин. Юст. 1895 г. № 10 стр. 82 сл.).

совершена въ международной сферѣ вступленіемъ такого лица *въ полное подданство* новому государству, то натурализованное такимъ образомъ лицо вступаетъ всѣмъ своимъ юридическимъ существомъ, со всѣми своими правами и обязанностями, въ полное подчиненіе законодательству и юридическому строю своего новаго отечества. Международный характеръ института натурализаціи ничѣмъ не отражается на его новомъ подданическомъ юридическомъ положеніи.

2) Если у натурализованнаго лица имѣются и затѣмъ еще *извѣстныя юридическія отношенія къ отечественному государству* (обязанности по отбыванію воинской повинности, семейныя отношенія, отношенія по опекунству или попечительству и т. п.), то совершенная *съ нарушеніемъ отечественнаго законодательства* натурализація въ чужомъ государствѣ не оказываетъ никакого вліянія *на личныя права и обязанности* натурализованнаго *въ его отечественномъ государствѣ*: натурализація съ точки зрѣнія послѣдняго считается какъ бы не существующею. Лицо остается попрежнему подчиненнымъ *личному суверенитету* отечественнаго государства, законодательство послѣдняго остается господствующимъ критеріемъ его гражданскаго положенія и, *въ случаѣ возвращенія* его въ прежнее отечество, первоначальныя юридическія отношенія между нимъ и отечественнымъ государствомъ возстановляются со всѣми ихъ временно пріостановленными послѣдствіями.

3) Наконецъ, если такое лицо, находящееся въ сомнительномъ подданствѣ, вступитъ *въ предѣлы третьяго государства* и его правовой сферы, то вопросъ о его подданствѣ будетъ зависѣть исключительно отъ юридическихъ взглядовъ, принятыхъ этимъ государствомъ. Это государство рѣшаетъ вопросъ о томъ, признаетъ ли оно такое эмигрировавшее изъ отечества лицо окончательно утратившимъ свое первоначальное подданство и правильно натурализованнымъ въ другомъ государствѣ, или же нѣтъ. Рѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ можетъ имѣть для заинтересованнаго лица весьма важное значеніе по отношенію къ его семейнымъ и имущественныаъ правамъ, въ примѣненіи къ нему торговыхъ или таможенныхъ правъ, въ вопросѣ о выдачѣ, выселеніи изъ предѣловъ государства и т. п.

Юридическія отношенія находящагося за границею подданнаго къ отечественной государственной власти.

Мы уже замѣтили, что физическое удаленіе подданнаго изъ отечественныхъ предѣловъ не измѣняетъ само по себѣ юридическаго его положенія какъ подданнаго,—*юридическая связь* между поданнымъ и отечественнымъ государствомъ

прекращается лишь съ установленіемъ новой юридической связи подданнаго съ другимъ государствомъ. Поэтому и по удаленіи изъ предѣловъ отечества подданный остается подчиненнымъ отечественно государственной власти, личному верховенству ея,—взаимныя ихъ права и обязанности въ существѣ своемъ не измѣняются. Между прочимъ, подданный подчиняется всѣмъ законамъ и распоряженіемъ отечественнаго государства въ особенности въ сферѣ личныхъ его правъ. Но такъ какъ положеніе лица, находящагося въ международномъ оборотѣ, опредѣляется не только отечественными его законами, но и принципами международнаго общенія, то *повиновеніе отечественному праву* имѣетъ здѣсь мѣсто по столько, *по сколько фактически возможно и совмѣстно* съ существующими въ мѣстѣ его пребыванія и обязательными для иностранцевъ законами.

Эта обязанность повиновенія отечественному государству подданныхъ, пребывающихъ внѣ отечества, признана и международнымъ правомъ и санкціонирована цѣлымъ рядомъ конвенцій. Такъ, изъ международнаго признанія обязательности правильнаго отбыванія отечественной воинской повинности поданными возникъ рядъ международныхъ конвенцій и картелей *о выдачѣ дезертировъ*, при чемъ иностранное государство оказываетъ даже содѣйствіе отечественному къ привлеченію подданныхъ послѣдняго къ отбыванію воинской повинности. Сюда же относится отчасти и практикуемое всѣми государствами запрещеніе подданнымъ вступать въ службу иностраннаго государства безъ разрѣшенія отечественного правительства. Впрочемъ по общему правилу иностранное государство не вмѣшивается въ отношенія государства къ его подданнымъ и потому не обязано содѣйствовать принужденію къ исполненію послѣдними ихъ обязанностей относительно отечественнаго *).

Обязанности повиновенія подданныхъ, пребывающихъ за границею, отечественному государству соотвѣтствуетъ обязанность отечественнаго государства *оказывать имъ защиту* и *принять ихъ обратно* въ случаѣ желанія подданныхъ вернуться въ отечество. Та и другая обязанность государства служитъ выраженіемъ и является послѣдствіемъ существующей между нимъ и подданнымъ юридической связи. Охраною своихъ подданныхъ въ чужихъ государствахъ. содѣйствіемъ ихъ интересамъ въ сферѣ междун. общенія государство оказываетъ услугу интересамъ всего человѣчества, такъ какъ этимъ содѣйствіемъ оно способствуетъ укрѣпленію въ

*) Напр. въ случаѣ вызова иностранца отечественнымъ государствомъ для отбыванія воинской повинности и т. п. если нѣтъ особаго соглашенія.

междун. общеніи идеи международной солидарности интересовъ. Государства отказываютъ въ своемъ покровительствѣ лишь такимъ своимъ подданнымъ, которые своимъ поведеніемъ оказались бы недостойными его или, вслѣдствіе правонарушенія, утеряли бы право на него.

Обязанность защиты государствомъ своихъ подданныхъ, находящихся за границею прекрасно формулирована Блюнчли. Онъ различаетъ два случая:

1) если *само чужое государство нарушило* по отношенію къ нимъ *правила международнаго права*: напр., обращаетъ иностранцевъ въ рабство, принуждаетъ къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, отнимаетъ имущество, нарушаетъ заключенные для защиты торговли и иностранцевъ трактаты и т. п.

2) и если это государство *не защитило ихъ противъ оскорбленій или посягательства на ихъ права со стороны третьихъ лицъ*, хотя оно само непосредственно и не виновато въ этомъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ,—говоритъ Блюнчли,—отечество оскорбленнаго въ правѣ требовать отъ чужого государства прекращенія несправедливостей, удовлетворенія и вознагражденія обиженнымъ и, если нужно, то гарантій противъ подобныхъ злоупотребленій на будущее время. Но особеннаго вниманія и осторожности заслуживаетъ второй изъ указанныхъ случаевъ. Если лицо оскорбляется въ своей личности или имуществѣ не самимъ государствомъ, т. е. его органами (чиновниками) или народомъ, поощряемымъ къ этому самимъ правительствомъ, а частными лицами, на которыхъ исключительно и падаетъ вина правонарушенія (напр. разбойниками), то отечество оскорбленныхъ съ своею защитою отступаетъ на второй планъ и о возстановленіи нарушеннаго права и наказаніи виновныхъ должно озаботиться то государство, въ предѣлахъ котораго совершено правонарушеніе. Такъ какъ этому государству принадлежитъ *исключительная* юрисдикція на своей территоріи, то оно можетъ запретить чужому государству несвоевременное вмѣшательство въ устройство своего юридическаго порядка. Поэтому подданный чужого государства долженъ, если онъ оскорбленъ или потерпѣлъ убытки, обратиться съ просьбою о защитѣ *прежде всего* къ властямъ государтва, въ которомъ живетъ. Только тогда, когда ему будетъ *отказано въ защитѣ*, а не ранѣе, онъ можетъ просить о вмѣшательствѣ своего отечества. Здѣсь слѣдуетъ остерегаться двухъ крайностей: во 1-хъ, той, чтобы чужеземные подданные не оставались за границей безъ всякой защиты отъ притѣсненій и злоупотребленій и, во 2-хъ, той, чтобы государство не дозво-

ляло себѣ неумѣстнаго вмѣшательства въ юридич. порядокъ и администрацію другого ради своихъ подданныхъ, часто взывающихъ къ дипломатической помощи тамъ, гдѣ они, наравнѣ съ другими частными лицами, имѣютъ право лишь на обыкновенную юридическую защиту мѣстныхъ властей. Въ такомъ излишнемъ усердіи защищать своихъ подданныхъ не рѣдко основательно упрекали Англію. Въ первомъ случаѣ рискуетъ безопасность частныхъ лицъ за границей; во второмъ — опасность угрожаетъ принципу равноправности и юридич. самостоятельности государствъ. Никакое государство не обязано безусловно принять иностранца, но разъ допустивши его на свою территорію, оно *обязано уважать въ его лицѣ члена другого государства*. Уже въ XVIII в. извѣстный публицистъ Ватгель формулировалъ признанный уже тогда международною практикою принципъ, основанный на юридическомъ равенствѣ всѣхъ цивилизованныхъ, стоящихъ въ международномъ общеніи государствъ, что какъ скоро государство принимаетъ иностранца, оно тѣмъ самымъ обязывается защищать его наравнѣ съ своими собственными подданными и представлять ему полную, на сколько это зависитъ отъ него, безопасность.

Что касается обычныхъ *способовъ защиты подданныхъ* въ чужомъ государствѣ. то сюда относятся въ постепенной градаціи; дипломатическіе запросы, представленія, репрессаліи, реторсіи, военныя экзекуціи, наконецъ—въ крайнихъ случаяхъ—война, причемъ государственными агентами для этихъ мѣръ (кромѣ войны) являются консулы и дипломатическіе агенты. Отказъ въ правосудіи (deni de justice) признавался законнымъ поводомъ къ войнѣ публицистами XVI и XVII в. Актъ о натурализаціи 1868 г. Соедин. Штатовъ угрожаетъ реторсіями за оскорбленіе американскихъ гражданъ *).

---

1) Часто вызывали защиту государства коммерческія и финансовыя предпріятія его подданныхъ и въ особенности случаи несостоятельности какого-либо государства въ уплатѣ процентовъ и погашеніи долга по заключеннымъ имъ внѣшнимъ займамъ (такіе случаи были съ Турціей, Египтомъ). Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы бумагъ, выпущенныхъ иностраннымъ государствомъ не рѣдко настаивали передъ своими правительствами о вмѣшательствѣ въ ихъ пользу не только дипломатическимъ путемъ, но даже мѣрами принужденія. По одному изъ такихъ требованій англійское правительство въ 1818 г. высказало мнѣніе, что отдавая свои капиталы иностранному правительству съ цѣлью финансовой спекуляціи, заинтересованныя лица должны имѣть въ виду рискъ, присущій всякой финансовой спекуляціи независимо отъ контрагентовъ. Такого же взгляда держится и французское правительство; ни Англія, ни Франція не считаютъ себя обязанными заступаться за своихъ подданныхъ, которые ввѣрили свои капиталы чужому государству и потерпѣли отъ его банкротства. Такъ, напр.—фирма Беринг въ 1890 г потерпѣла банкротство оттого, что потеряла свои капиталы въ банкротство Аргентинской республики; Англія, однако, отказалась защищать Беринга. Также въ случаѣ коммерческихъ предпріятій, устраиваемыхъ подданными въ чужомъ государствѣ (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, постройка заводовъ) они вызываютъ дѣятельное заступничество своего правительства только въ томъ случаѣ, если интересы подданныхъ будутъ нарушены вопреки законамъ той стороны.

Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное о взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ подданнаго, находящагося внѣ отечества, и его отечественнаго государства, мы можемъ сказать, что *обязанностью повиновенія* подданнаго отечественному законодательству и государственной власти и *обязанностью* послѣднихъ *охранять права* подданныхъ за границею ограничиваются эти взаимныя отношенія. Государство не имѣетъ непосредственной юрисдикціи надъ своими подданными, находящимися съ другомъ государствѣ, если только послѣднее не представляютъ ему, въ видѣ исключенія, этого права; напр. дипломатическія агенты (посланники и послы) пользуются въ извѣстныхъ предѣлахъ юрисдикціею надъ соотечественниками; договорами европейскихъ государствъ съ мусульманскими и другими полуцивилизованными государствами установлено право юрисдикціи въ пользу консуловъ и дипломатическихъ агентовъ европейскихъ державъ.

Юридическія отношенія иностранца къ чужому государству, въ предѣлахъ котораго онъ пребываетъ, опредѣляются степенью международнаго общенія этого государства, а такъ какъ международное общеніе развивалось исторически, то, чѣмъ далѣе пойдемъ въ глубь временъ, тѣмъ рѣзче различіе въ положеніи иностранцевъ сравнительно съ подданными государства.

1) Враждебность, политическая, культурная и религіозная исключительность и замкнутость, характеризующія международныя отношенія государствъ, особенно древняго міра, влекли за собою совершенное закрытіе иностранцамъ доступа въ предѣлы государства: вслѣдствіе религіозной нетерпимости или изъ политическ. опасеній, заставлявшихъ смотрѣть на иностранца, какъ на человѣка вреднаго, опаснаго, нѣкоторыя двевнія теократіи, Китай и другія государства дальняго Востока запрещали доступъ къ себѣ.

Вторую стадію международныхъ отношеній представляютъ фактическія, неразвитыя и не регулированныя сношенія. Въ этой стадіи иностранцы допускаются въ чужое государство, но занимаютъ въ немъ *исключительное* положеніе. Либо ограничено ихъ полноправіе, либо они ставятся въ обособленное положеніе, либо, напротивъ, имъ предоставляются исключительныя льготы, при помощи коихъ они привлекаются къ общенію или даже къ переселенію. Въ случаяхъ, когда они пользуются лишь *терпимостью*, мы видимъ крайнее ограниченіе ихъ правъ; для нихъ необходима охрана боговъ или церкви (какъ въ Средніе вѣка), потому что самъ по себѣ иностранецъ не пользуется признаніемъ своей личности. *Обособленіе* иностранцевъ ведетъ къ признаію личной системы

правъ, примѣнявшейся особенно въ средніе вѣка. Наконецъ, *исключительное льготное положеніе*, обусловленное вліяніемъ тѣхъ или другихъ особенностей государства, вызванныхъ историческими, географическими, экономическими и духовными условіями жизни народа или политическими соображеніями, создаетъ для иностранцевъособое привиллегированное положеніе. Такъ, подъ вліяніемъ сознанія обусловленной историческими условіями культурной отсталости Московскаго государства и его безсилія собственными средствами наверстать потерянное, русское правительство въ эпоху преобразованій призываетъ иностранцевъ, привлекаетъ ихъ къ переселенію въ Россію обѣщаніемъ и предоставленіемъ различныхъ льготъ и привиллегій. Изъ желанія увеличить населеніе имперіи и усилить экономическія средства страны (культурой пустопорожнихъ земель) и въ XVIII в. Екатерина II привлекла въ Россію колонистовъ, предоставляя имъ селиться въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Россіи и притомъ пользоваться еще нѣкоторыми льготами по отбыванію воинской повинности, по платежу налоговъ, религіозной свободой и даже самоуправленіемъ.

3) Дальнѣйшее развитіе международныхъ сношеній и укрѣпленіе сознанія ихъ необходимости и пользы вызываетъ ихъ регулированіе; являются международныя соглашенія объ охранѣ иностранцевъ, прежде всего, въ той сферѣ, въ которой необходимость и польза общенія всего сильнѣе чувствуется,— въ сферѣ торговыхъ сношеній (договоры о безопасности и свободѣ торговли даже на случай войны). Это уже переходная ступень къ третьему періоду международныхъ отношеній — международному общенію, къ третьему фазису въ развитіи правъ иностранцевъ—къ *международному признанію правъ личности иностранца даже независимо отъ государства*, которому онъ принадлежитъ (уничтоженіе droit d'aubaine et de detraction, т. е. права государства на извѣстную часть наслѣдства, остающагося по смерти иностранца, современъ французской революціи 1790 г.)

Съ точки зрѣнія современнаго политическаго правосознанія очевидно, что какъ совершенное недопущеніе иностранцевъ на государственную территорію и ихъ безправіе, такъ и предоставленіе имъ особыхъ льготъ, особо привиллегированнаго, даже сравнительно съ подданными, положенія, представляютъ собою два явленія, одинаково ненормальныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, они могутъ при извѣстныхъ условіяхъ считаться лишь цѣлесообразными, какъ политическое средство, какъ временная *политическая мѣра*, не имѣющая ничего общаго съ правомъ.

Такимъ образомъ, наука международнаго права можетъ считаться лишь съ принятою *въ наше время* у цивилизованныхъ государствъ Европы *практикою* положительнаго государственнаго и международнаго права, т. е. установленною внутренними законодательствами и трактатами, въ особенности о торговлѣ и мореплаваніи. Основные общепринятыя принципы этой практики выработались *на основаніи двухъ началъ*, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались всѣ вообще институты международнаго права: началъ *государственнаго суверенитета* и *международнаго общенія*.

Съ точки зрѣнія современной государственной практики, чисто-физическое вступленіе иностранца въ предѣлы чужого государства, въ предѣлы сферы его территоріальной власти, безусловно подчиняетъ его этой территоріальной власти. Объясняется это, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ силу современнаго политическаго правосознанія цивилизованныхъ народовъ государство, существованіе государственнаго организма предполагаетъ наличность извѣстныхъ общественныхъ отношеній, лежащихъ въ основѣ этого политическаго организма. Поэтому вступленіе лица въ это политическое организованное общество естественно предполагаетъ извѣстныя условія. Подъ вліяніемъ все болѣе развивающагося сознанія необходимости и пользы международнаго общенія значительно облегченъ нынѣ доступъ иностранцамъ въ чужое государство, но основной принципъ отъ этого не измѣняется,—иностранецъ все-таки не входитъ органически въ общественно-политическій организмъ чужого государства, онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ членъ этого государства и остается въ немъ на положеніи *гостя*. Отсюда, прежде всего, то необходимое различіе между подданнымъ и иностранцемъ, что первый имѣетъ *естественное право пребывать* въ предѣлахъ своего государства *и возвращаться* въ него, а государство *обязано принять его*, между тѣмъ какъ допущеніе иностранца въ предѣлы государства въ качествѣ гостя зависитъ отъ воли и усмотрѣнія государственной власти. Въ прежнія времена право государства на недопущеніе иностранцевъ признавалось безусловно; въ настоящее время нѣкоторые публицисты (напр.: Блюнчли, Моль) безусловно отрицаютъ право на безусловное запрещеніе доступа иностранцамъ, но и эти публицисты признаютъ, однако, право государства на запрещеніе доступа *отдѣльнымъ* иностранцамъ (даже по политическимъ соображеніямъ, по мнѣнію Блюнчли). Въ дѣйствительности, основной принципъ государственнаго суверенитета въ этомъ отношеніи остается въ полной силѣ и въ настоящее время, но подъ вліяніемъ признанія всѣми ци-

вилизованными государствами необходимости международнаго общенія принцинъ этотъ практикою и международными соглашеніями (торговыми и др. трактатами) настолько *ограниченъ*, что безусловное недопущеніе иностранцевъ цивилизованнымъ государствомъ представляется совершенно немыслимымъ и невозможнымъ. Замѣтимъ, что относительно нѣкоторыхъ государствъ Востока (напр. Китая) европейскія государства силою добились допущенія ихъ гражданъ.

Впрочемъ въ разсматриваемомъ нами вопросѣ слѣдуетъ различать 2 случая: 1) *свободу въѣзда* въ извѣстное государство и 2) *свободу поселенія* въ немъ. Всѣ международные трактаты признаютъ общій принцинъ свободы въѣзда, поселенія и выѣзда иностранцевъ. Но на практикѣ эта свобода нѣсколько съуживается. Право въѣзда или доступа иностранца въ цивилизованное государство подвергается иногда незначительнымъ ограниченіямъ лишь для *отдѣльныхъ* лицъ изъ соображеній политическихъ, полицейскихъ (напр. для нищихъ, преступниковъ, анархистовъ и т. п.). Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ ограниченіе его мыслимо только ради политическихъ и санитарныхъ цѣлей (въѣздъ изъ зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями мѣстностей)*). *Болѣе значительнымъ ограниченіемъ* подчиняется право иностранца на *поселеніе* въ чужомъ государствѣ и на участіе, такимъ образомъ, въ его культурной и экономической жизни; такъ какъ въ этомъ случаѣ иностранецъ становится въ извѣстныя общественныя, юридическія и даже политическія отношенія къ государству и его подданнымъ, такъ какъ онъ вступаетъ, по крайней мѣрѣ частью, въ органическую связь съ государствомъ и его населеніемъ, то въ этомъ случаѣ невозможно отрицать право государства на опредѣленіе этихъ отношеній къ чуждому ему въ другихъ отношеніяхъ лицу—иностранцу. Обыкновенно условіями допущенія иностранца къ поселенію ставятся: экономическая самостоятельность, нравственная (судебная) безупречность и т. п., предъявленіе удостовѣренія отечественныхъ властей (legitimationspapier), санитарнаго паспорта и т. п. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ сверхъ этого требуется еще спеціальное правительственное разрѣшеніе на поселеніе (autorisation á établir le domicile во Франціи, Баваріи, Бельгіи). По *русскому законодательству*, иностранцы всѣхъ вообще націй имѣютъ право свободнаго пріѣзда и пребыванія въ Россіи, а равно и выѣзда изъ оной, на основаніи правилъ, установленныхъ въ уставѣ о паспортахъ (Св. Зак. IX ст. 991), но

---

1) Германск. законъ 1888 г. о паспортахъ для въѣзда въ Эльзасъ и Лотарингію.

иностранцы изъ евреевъ не допускаются къ переселенію въ Россію или вступленію въ россійское подданство (ст. 992).

Принципъ допускаемыхъ международнымъ правомъ стѣсненій въ этомъ отношеніи таковъ: равенство въ отношеніи государства ко всѣмъ чужимъ народамъ съ исключеніемъ національныхъ, индивидуальныхъ преимуществъ.

Мы замѣтили выше, что пока юридическая связь подданства между гражданиномъ и государствомъ не порвана, гражданинъ обязанъ повиновеніемъ отечественному государству, а послѣднее въ свою очередь обязано оказывать ему защиту, и что эти отношенія между гражданиномъ и его отечественнымъ государствомъ исключаютъ всякое вмѣшательство посторонняго государства. Но международное право допускаетъ исключеніе изъ этого нормальнаго положенія, именно оно допускаетъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ защиты чужимъ государствомъ подданнаго противъ его отечественнаго государства, — въ силу признаваемаго международнымъ правомъ *права убѣжища для политическихъ преступниковъ* и въ силу современныхъ трактатовъ о выдачѣ преступниковъ. Принципъ невыдачи государственныхъ преступниковъ до 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія былъ общепризнаннымъ, какъ въ теоріи, такъ и въ международной практикѣ, онъ сохраняется въ силѣ и въ настоящее время относительно лицъ, виновныхъ лишь въ *государственныхъ преступленіяхъ*, т. е. такихъ, въ которыхъ преступникъ, имѣя умыселъ ниспровергнуть или измѣнить существующій государственный или соціальный строй, пользуется для достиженія этой цѣли чисто политическими средствами, хотя и недозволенными законодательствомъ страны, но *не составляющими преступленій противъ общаго права*. Такъ какъ международный союзъ государствъ одинаково признаетъ всякія формы государственнаго устройства, такъ какъ самыя эти формы въ отдѣльныхъ государствахъ подвергаются измѣненіямъ и потому не могутъ претендовать на абсолютную ихъ международную охрану, такъ какъ, поэтому, лицо, признаваемое преступникомъ въ данномъ государствѣ вслѣдствіе установленнаго въ этомъ государствѣ политическаго строя, не можетъ считаться таковымъ въ государствѣ, которое само пользуется или стремится къ осуществленію политическихъ идеаловъ, вызвавшихъ преслѣдованіе противъ этого лица въ его отечествѣ, такъ какъ, такимъ образомъ, дѣяніе политическаго преступника, представляя опасность лишь для мѣстнаго юридическаго порядка его отечественнаго государства, а не для общаго юридическаго порядка, подобно преступленіямъ противъ общаго права, которыя представляютъ

абсолютную опасность при *всякомъ* юридическомъ и политическомъ строѣ, то въ виду всѣхъ этихъ соображеній принцинъ невыдачи чисто политическихъ преступниковъ сохраняется въ полной неприкосновенности и современнымъ международнымъ положительнымъ правомъ *). Но, съ другой стороны, преступленія противъ общаго права (убійство, поджогъ и т. п.), совершенныя хотя бы подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ и цѣлей и не во время возстанія или междоусобной войны, ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на международную охрану.

Большая часть современныхъ международныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ содержитъ постановленіе, что лицо, выданное отечественному государству за совершенное имъ обыкновенное преступленіе, не подлежитъ въ государствѣ, которому оно выдано, суду и наказанію за совершенное имъ ранѣе его выдачи политическое преступленіе или проступокъ, или за дѣяніе, имѣющее связь съ такимъ (политическимъ) преступленіемъ или проступкомъ; оно не подлежитъ также суду и наказанію за преступленіе или проступокъ, не предусмотрѣнный договоромъ о выдачѣ и не упомянутый въ требованіи о выдачѣ. (Договоры Германіи съ Италіею 1871 года, Россіи съ Австріею 1874 года, съ Бельгіею 1872 года, съ Англіею 1886 года—выдача допускается только за общія преступленія, съ Италіею 1871 г., съ Пруссіею 1885 г. и съ Баваріею 1885 г.—выдача за преступленія противъ особы государя и членовъ его семейства и за общія преступленія, хотя бы совершенныя съ политическою цѣлью; съ Люксембургомъ 1892 г. — выдача допускается лишь при совершеніи общаго преступленія противъ государя или членовъ его дома; съ С.-Штатами 1887 и 1893 г.—выдача допускается только при убійствѣ, покушеніи или соучастіи въ убійствѣ государя или главы государства или членовъ ихъ семействъ; то же въ договорѣ съ Нидерландами 1893 г.; съ Швейцаріею 1873 г.—выдача допускается только за общія преступленія).

Юридическое положеніе иностранца въ чужомъ государствѣ. Въ силу международныхъ договоровъ иностранецъ либо *уравнивается въ правахъ съ подданными* государства, либо иностраннымъ подданнымъ представляются права, признаваемыя государствомъ за *„наиболѣе благопріятствуемыми имъ народами“* (nation la plus favorisée — обычное мѣрило правъ иностранныхъ подданныхъ въ трактатахъ). Подъ урав-

*) Особое мѣсто занимаютъ, конечно, преступленія противъ общаго права, совершенныя во время возстанія или междоусобной войны и, притомъ, какъ послѣдствія несомнѣнно политическаго преступленія.

неніемъ иностранцевъ съ подданными подразумѣвается лишь уравненіе въ общихъ гражданскихъ правахъ, но не *публичныхъ*. Ограниченіе это не требуетъ особаго поясненія,— оно вытекаетъ изъ самаго понятія государственнаго союза, какъ особаго національно-политическаго организма, предполагающаго особыя юридическія, историческія и политическія связи между подданными и государствомъ, не существующія и невозможныя внѣ подданническихъ отношеній. Между тѣмъ такъ называемыя общегражданскія права коренятся *въ личности человѣка*, признаваемой всѣми цивилизованными народами независимо отъ принадлежности лица къ тому или другому государственному союзу. Въ отличіе отъ политической правоспособности, степень гражданской правоспособности подданныхъ находится обыкновенно въ зависимости не столько отъ индивидуальнаго политическаго строя государства, сколько отъ степени его культурнаго развитія, отъ степени близости его къ типу современнаго цивилизованнаго государства, а этотъ типъ все болѣе обобщается, все болѣе приближаются къ нему и уравниваются между собою современныя государства. Поэтому, съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, личность человѣка и присущія ей основныя, такъ сказать, права пользуются охраною государства независимо отъ того, будетъ ли лицо природный подданный его или иностранецъ. Поэтому за иностранцами признается право совершать всякаго рода юридическія сдѣлки, дозволяемыя и природнымъ подданнымъ,—вступать въ бракъ, владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ*), пріобрѣтать и отчуждать его всѣми закономъ дозволяемыми способами, заниматься торговлею и промышленностью, имѣть заводы, фабрики и т. п. При этомъ иностранецъ наравнѣ съ подданными государства пользуется, конечно, охраною своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ предъ мѣстными судами и властями, а отсюда, изъ этой защиты, оказываемой государствомъ иностранцу, возникаютъ извѣстныя обязательства послѣдняго по отношенію къ этому государству.

Укажемъ нѣкоторыя частности.

Относительно *уголовной юрисдикціи* государства иностранецъ, пребывающій на его территоріи, вполнѣ приравнивается къ подданному. Въ области уголовнаго права дѣй-

*) За послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ замѣчается тенденція къ нѣкоторому ограниченію гражданскихъ правъ иностранцевъ. Такъ у насъ, въ Мексикѣ и въ С.-Штатахъ иностранцы ограничены въ правѣ владѣнія недвижимостью. Но эти ограниченія объясняются соображеніями земельной политики и, слѣд., имѣютъ чисто политическій характеръ. Въ Англіи до 1870 г. и въ С. Штатахъ съ 1887 запрещается пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ иностранцами, а въ Норвегіи по закону 1888 г. пріобрѣтеніе ихъ допускается только съ разрѣшенія правительства.

ствуетъ территоріальный принципъ, — иностранецъ судится по законамъ и судебнымъ порядкамъ мѣста его пребыванія.

Въ области *частнаго права и гражданскаго судопроизводства* до новѣйшихъ временъ права иностранцевъ значительно ограничивались и лишь за послѣднее время путемъ международныхъ договоровъ — торговыхъ, о брачномъ правѣ, о судебной помощи, объ исполненіи судебныхъ приговоровъ чужого государства, о правѣ бѣдности и т. п. — цивилизованныя государства стремятся сгладить существующія еще къ невыгодѣ иностранцевъ отличія въ ихъ положеніи отъ положенія туземцевъ и уравнять права всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ государства. Примѣръ: отмѣна cautio judcatum soevi (обезпеченіе иска залогомъ) въ видѣ условія, обязательнаго только для иностранцевъ *). Впрочемъ это уравненіе ставится обыкновенно въ зависимость отъ условія *взаимности*, лежащаго вообще въ основаніи всего международнаго договорнаго права; условіе это, конечно, примѣнимо и въ обратномъ смыслѣ возмездія (реторсіи). Такъ, по французскому законодательству „Code Napoleon“ иностранцу предоставляется пользованіе въ предѣлахъ Франціи такими гражданскими правами, какія обезпечены договорами за французами въ иностранномъ государствѣ (въ отечествѣ иностранца). Такимъ образомъ французское законодательство разсматриваетъ уравненіе иностранца съ подданнымъ въ области частнаго права, какъ особую милость, а не какъ право. Голландское законодательство 1838 г. признало уже эту равноправность иностранцевъ съ подданными, но съ сохраненіемъ за государствомъ права дѣлать исключеніе изъ нея, хотя взаимности оно и не требуетъ. Наконецъ, итальянскій кодексъ 1866 г. провозглашаетъ принципъ безусловной равноправности: „иностранецъ пользуется равными гражданскими правами съ подданнымъ“. Этотъ принципъ принятъ и институтомъ международнаго права на Оксфордской сессіи 1880 г.

Наконецъ, въ области *административнаго* (полицейскаго) права, обязательныя для подданныхъ распоряженія территоріальной власти въ видахъ народнаго благосостоянія, полиціи безопасности и народнаго здравія, призрѣнія бѣдныхъ и т. п. обязательны и для иностранцевъ, пребывающихъ въ предѣлахъ государства, если имъ не предоставлены въ этомъ отношеніи особыя привиллегіи. За то на иностранцевъ рас-

*) Во Франціи cautio jud. solvi въ началѣ 1895 г. возстановлена, но дѣйствіе этого отвода устраняется по началу взаимности; то же въ Германіи; въ Австріи, Англіи и Швейцаріи такой отводъ существуетъ, но въ видѣ общей мѣры, а не направленной исключительно противъ иностранцевъ.

пространяются и выгоды, устанавливаемыя въ пользу населенія этими распоряженіями (напр. германское законодательство признаетъ обязательное для государства вспомоществованіе недостаточнымъ иностранцамъ).

Наибольшее значеніе для иностранцевъ, пребывающихъ въ чужомъ государствѣ, представляетъ обыкновенно *право торговли и промысловъ*. Это право поэтому регулируется обыкновенно международными договорами о торговлѣ и судоходствѣ, не исключающими впрочемъ возможности особыхъ административныхъ распоряженій территоріальной власти. По общему правилу, относительно права торговли и промысловъ иностранцы уравниваются съ подданными, т. е. не облагаются никакими особыми сборами. Исключеніе дѣлается обыкновенно лишь относительно двухъ промысловъ: каботажнаго судоходства и рыбной ловли. *Каботажъ*, т. е. судоходство побережное изъ порта въ портъ одного государства и въ предѣлахъ одного моря, предоставляется обыкновенно исключительно подданнымъ, хотя, въ видѣ взаимности нѣкоторыя государства разрѣшаютъ его подданнымъ тѣхъ государствъ, которыя въ свою очередь разрѣшаютъ его ихъ подданнымъ. *Рыболовство* въ территоріальныхъ и внутреннихъ водахъ также разрѣшается обыкновенно лишь подданнымъ.

Относительно *политич.* правъ: права сходокъ и собраній, свободы слова и печати иностранцы изъ политич. соображеній обыкновенно ограничиваются сравнительно съ туземцами.

Въ области *финансовой* они, напротивъ, уравниваются,— это впрочемъ, вполнѣ справедливо въ виду все болѣе укрѣпляющейся равноправности иностранцевъ съ подданными: пользуясь юридической защитой и другими выгодами государственной охраны своей личности и имущества, они должны участвовать наравнѣ съ подданными и въ матеріальныхъ жертвахъ на государственную администрацію. т. е. относительно платежа установленныхъ податей и налоговъ. Но такъ какъ иностранцы освобождаются отъ воинской повинности государству, то нѣтъ основаній подвергать ихъ и налогамъ и сборамъ, связаннымъ съ этою повинностью и вообще носящимъ политическій характеръ (чрезвычайные военные налоги, принудительные займы, военныя реквизиціи и т. п.)

Во всѣхъ вопросахъ признаваемой государствомъ правоспособности иностранцевъ и государственной охраны ихъ, господствующій, общепризнанный принципъ—это равноправность всѣхъ иностранцевъ въ государствѣ независимо отъ принадлежности къ той или другой національности, признаніе за ними наивысшей мѣры правъ, допускаемой государствомъ для иностранныхъ подданныхъ (nation la plus favorisée).

Исключительное положеніе занимаютъ въ силу международной практики и права иностранцы, за которыми признается *право внѣземельности* или экстерриторіальности. Право это установлено историческими традиціями, обычаемъ и договорами на основаніи взаимныхъ соглашеній государствъ для коронованныхъ особъ и ихъ семействъ, для дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ къ тому государству, въ которомъ они пребываютъ, и для военныхъ кораблей и войскъ въ чужихъ водахъ и на чужой территоріи.

Особое положеніе и особыя отношенія устанавливаются также между государствомъ и пребывающими на его территоріи иностранцами въ томъ случаѣ, когда послѣдніе нашли въ этомъ государствѣ убѣжище въ качествѣ *политическихъ эмигрантовъ* изъ своего отечества. Въ силу господствующей международной практики всякое государство имѣетъ право давать у себя убѣжище такимъ иностранцамъ, насколько оно не обязано противнымъ въ силу особыхъ договоровъ, такъ называемыхъ *договоровъ о выдачѣ*. Но оказывая политическому эмигранту убѣжище и защиту, государство принимаетъ на себя нѣкоторую нравственную обязанность по отношенію къ отечеству эмигранта. Именно, оно не должно допускать, чтобы иностранцы-эмигранты пользовались этимъ убѣжищемъ и безопасностью своею отъ преслѣдованія отечественной государственной власти для совершенія непріязненныхъ дѣйствій противъ своего отечественнаго государства, съ которымъ пріютившее ихъ государство находится въ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ; оно не должно, напр., допускать на своей территоріи составленія иностранцами заговора противъ отечественнаго правительства, дѣятельной агитаціи съ цѣлью нарушенія въ ихъ отечествѣ существующаго государственнаго строя и т. п. Поэтому, особенно въ случаяхъ политическихъ неурядицъ въ сосѣднемъ государствѣ и въ случаѣ, если государство дало у себя убѣжище политическимъ эмигрантамъ изъ этого государства, принявшее ихъ государство обязано принять мѣры къ пресѣченію ихъ враждебной противъ отечества дѣятельности. Съ этой цѣлью государство въ подобныхъ случаяхъ требуетъ удаленія ихъ внутрь страны отъ границъ того государства, которому иностранцы угрожаютъ, или даже прямо интернируетъ ихъ, назначаетъ имъ опредѣленныя мѣста для ихъ свободнаго пребыванія. Если же эта мѣра оказывается почему-либо недостаточною, (напр. изъ интереса самосохраненія государства, сохраненія мирныхъ отношеній съ сосѣднимъ государствомъ), то государство можетъ прибѣгнуть даже къ изгнанію подобныхъ иностранцевъ изъ предѣловъ своей территоріи. Въ этомъ случаѣ государство

поступаетъ согласно тому же принципу, на основаніи котораго нейтральное государство не пропускаетъ черезъ свою территорію войскъ воюющихъ державъ, а въ случаѣ вступленія ихъ на его территорію, обезоруживаетъ ихъ.

Въ силу дѣйствующаго русскаго законодательства положенія иностранцевъ въ Россіи опредѣляется слѣдующимъ образомъ *).

1) Иностранцы имѣютъ свободный *пріѣздъ въ Россію*, если они для пропуска въ Имперію снабжены паспортами отъ россійскихъ посольствъ, миссій или консульствъ, при иностранныхъ державахъ находящихся. Паспорты на въѣздъ въ Россію не выдаются: a) лицамъ, коимъ поименно воспрещенъ правительствомъ въѣздъ въ наши предѣлы: b) лицамъ, коихъ, по собственнымъ свѣдѣніямъ посольствъ, миссій и консульствъ, они имѣютъ основательную причину признавать неблагонадежными, и c) цыганамъ, шарманщикамъ, разносчикамъ аптечныхъ матеріаловъ гипсовыхъ фигуръ и вообще людямъ праздношатающимся. Кромѣ того, воспрещенъ въѣздъ въ предѣлы Россіи евреямъ, не имѣющимъ средствъ существованія. Духовные же выходцы изъ Турціи, кромѣ паспорта отъ пребывающаго въ Константинополѣ русскаго посла, должны имѣть дозволеніе на жительство и переѣзды въ Имперіи отъ Св. Синода.

2) *Пребываніе* иностранцевъ въ Россіи не ограничено ни мѣстомъ, ни срокамъ. Исключеніе изъ сего установлено только для выходцевъ изъ Кореи Китая и для евреевъ. Первымъ воспрещено селиться въ пограничныхъ съ Кореею и Китаемъ мѣстностяхъ (изъ соображеній политическихъ—безопастности нашей азіатской границы). Пребываніе же иностранцевъ-евреевъ ограничено общей чертой осѣдлости евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ иностранцевъ-евреевъ, которые получили установленное разрѣшеніе на производство въ Россіи торговли, а равно иностранныхъ банкировъ и главъ значительныхъ торговыхъ домовъ.

Въ Россійской имперіи *имѣютъ дѣйствіе только русскіе законы*. Иностранные законы примѣняются лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: a) когда актъ совершенъ въ иностранномъ государствѣ по существующимъ тамъ законамъ и несходно съ обрядами совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, и b) къ наслѣдованію въ движимыхъ имуществахъ послѣ подданныхъ тѣхъ государствъ, съ которыми заключены конвенціи о наслѣдствахъ (заключены: съ Германіею, Испаніею, Италіею, Швеціею, Франціею).

---

*) См. Мышъ „Объ иностранцахъ въ Россіи“ 1888 г.

4) *Судебныя рѣшенія* иностранныхъ судовъ не имѣютъ исполнительной силы въ Россіи при отсутствіи по сему предмету трактата съ правительствомъ той державы, гдѣ рѣшеніе постановлено.

5) Находясь въ Россіи, иностранцы лично и по имуществу подлежатъ дѣйствію россійскихъ законовъ и пользуются общею ихъ защитою и покровительствомъ. Они поэтому пользуются свободою вѣры, могутъ вступать во всякіе договоры и обязательства, завѣщать свое имущество иностранцамъ или русскимъ подданнымъ, пріобрѣтать наслѣдство по закону и завѣщанію на основаніи общихъ правилъ, для коренныхъ подданныхъ дѣйствующихъ, усыновлять подкидышей или непомнящихъ родства получать отъ русскаго правительства привиллегіи на изобрѣтенія и открытія и пр., Впрочемъ, право на пріобрѣтеніе въ собственность, владѣніе или пользованіе покупкою, по наслѣдству или найму недвижимыхъ имуществъ въ губерніяхъ, перечисленныхъ Высочайшимъ указомъ 14 марта 1887 г., именно—въ губерніяхъ западной полосы Россіи внѣ портовыхъ и городскихъ поселеній, воспрещено (по политическимъ соображеніямъ). Также воспрещено пріобрѣтеніе иностранцами недвижимыхъ имуществъ въ Туркестанскомъ краѣ и ограничено право пріобрѣтенія ими земельной собственности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Крымскаго полуострова. Иностранцамъ воспрещено также завѣдываніе недвижимыми имуществами въ качествѣ управляющихъ или повѣренныхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

6) Въ отношеніи права на производство *торговли и промысловъ*, аренды и устройства фабрикъ и заводовъ, иностранцы, кромѣ евреевъ, сравнены съ природными подданными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, предоставленныхъ исключительно русскимъ подданнымъ. Сюда относятся: a) производство золотаго и вообще горнаго промысла на материкѣ Приморской области и принадлежащихъ къ ней островахъ и на о. Сахалинѣ; b) судоходство по Каспійскому морю; c) каботажное судоходство, т. е. перевозъ товаровъ или пассажировъ изъ одного русскаго порта въ другой, на томъ же морѣ лежащій; d) должность шкиперовъ. Въ нѣкоторыя лоцманскія общества и артели грузовщиковъ принимаются лишь русскіе подданные.

7) Иностранцы пользуются правомъ *судебной защиты*, въ качествѣ истца или отвѣтчика, наравнѣ съ русскими подданными. Но въ отношеніи истцовъ принято *) правило, въ силу котораго привлеченный иностранцемъ къ суду отвѣтчикъ можетъ предъявить противъ истца-иностранца, не со-

*) Уст. гражд. судопр. ст. 571 п. 5.

стоящаго въ русской службѣ и не владѣющаго въ Россіи недвижимостью, отводъ объ обезпеченіи судебныхъ издержекъ (cautio judicatum solvi) на случай отказа въ искѣ. Въ силу Высоч. утвер. 11 марта 1896 г. мнѣнія Государ. Совѣта статья 571 Уст. гражд. судопр. дополнена вторымъ примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: „означенный въ п. 5 сей ст. отводъ не можетъ быть предъявляемъ противъ подданныхъ тѣхъ государствъ, съ которыхъ по закону или на основаніи заключенныхъ съ Россіею трактатовъ или конвенцій *) русскіе подданные освобождены отъ представленія обезпеченіи издержекъ по дѣлу и тѣхъ убытковъ, которые можетъ понести отвѣтчикъ".

Относительно иностранныхъ акціонерныхъ обществъ гражданскій кассаціонный департаментъ Сената разъяснилъ, что они, въ качествѣ истцовъ, не могутъ пользоваться у насъ правомъ судебной защиты, если по этому предмету не заключено конвенціи между Россіею и правительствомъ того государства, гдѣ акціонерное общество учреждено. (Такія конвенціи заключены: съ Франціею, Австріею, Германіею, Бельгіею, Италіею, Греціею).

8) Согласно принятому повсемѣстно правилу и нашъ законъ запрещаетъ принимать иностранцевъ, не вступившихъ въ русское подданство, на *государственную службу*. Впрочемъ изъ этого правила допущены исключенія; такъ, иностранцы могутъ быть принимаемы въ службу ученую и учебную, а также по искусственной части вѣдомствъ горнаго, монетнаго и соляного (механиковъ, мастеровъ, художниковъ). Недоступны иностранцамъ и должности по выборамъ, — городскимъ, земскимъ и т. п. за исключеніемъ должностей членовъ комитета по бракованію товаровъ при Петербургскомъ портѣ и членовъ архангельскаго коммерческаго суда, Петербургскаго биржеваго комитета и должностей биржевыхъ и корабельныхъ маклеровъ и диспашеровъ при Одесскомъ портѣ.

9) Въ отношеніи *уголовной отвѣтственности*, иностранцы, находясь въ Россіи, подлежатъ общеустановленнымъ законамъ. Но для нихъ существуетъ и особое наказаніе—высылка за границу по судебному приговору. Иностранцы могутъ быть подвергнуты высылкѣ за границу и въ административ-

*) По торгов. договору Россія съ **Швейцаріею** 1872 г., съ **Германіею** 1894 г. и **Даніею** 1895 г. обоюдные подданные должны имѣть свободный доступъ къ судамъ и пользоваться въ судебныхъ дѣлахъ тѣми же правами и преимуществами, какъ и туземные подданные. **Франція** заключила съ Россіею въ 1896 г. соглашеніе о взаимномъ освобожденіи русскихъ и французскихъ истцевъ отъ обязанности cautio judicatum solvi. См. по этому вопросу статью Энгельмана, Отводъ по необезпеченію истцомъ иностранцемъ издержекъ по дѣлу и убытковъ отвѣтчика (въ Ж. Мин. Юст. 1896 г. № 10).

номъ порядкѣ, если поведеніе ихъ неодобрительно. Въ томъ и другомъ случаѣ высылка производится по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ.

Юридическое отношеніе иностранца къ чужому государству естественно прекращается съ прекращеніемъ основныхъ элементовъ этого отношенія: 1) *съ прекращеніемъ пребыванія* иностранца въ предѣлахъ территоріальной власти чужого государства, или же 2) *съ прекращеніемъ согласія чужого государства* на продолженіе этого отношенія. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, физическое удаленіе иностранца является впрочемъ необходимымъ условіемъ прекращенія правоотношенія. Въ первомъ случаѣ оно будетъ добровольное, во второмъ — принудительное.

Право добровольнаго безпрепятственнаго удаленія иностранца изъ чужого государства не можетъ быть оспариваемо и въ настоящее время признается всѣми законодательствами. Но подобно тому, какъ государство имѣетъ право требовать отъ своихъ подданныхъ при удаленіи ихъ изъ отечества очищенія себя отъ всякихъ лежащихъ на нихъ повинностей, точно такое же право принадлежитъ ему и относительно удаляющихся изъ его предѣловъ, иностранцевъ.

Принудительное удаленіе иностранца возможно въ двухъ видахъ: 1) *выдачи* и 2) *изгнанія*. Различіе между этими двумя видами удаленія то, что при выдачѣ всегда имѣются въ виду интересы юридическаго строя другого государства, и потому она предполагаетъ *непремѣнно взаимное соглашеніе* двухъ государствъ въ области ихъ государственно-правого строя или международнаго правового порядка (выдача политическихъ или обыкновенныхъ преступниковъ), между тѣмъ какъ изгнаніе обусловливается лишь *индивидуальными соображеніями*, потребностями и мотивами изгоняющаго государства. Потому выдача иностранца (отечественному государству) совершается лишь въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ международною практикою случаяхъ и только по требованію заинтересованнаго государства. Право и обязанность выдачи иностранца опредѣляется и внутренними законодательствами, и международными договорами государства. Право изгнанія, напротивъ, опредѣляется лишь внутренними законодательствами государствъ, при чемъ правительство изгоняющаго государства предполагается дѣйствующимъ по собственной иниціативѣ; международной обязанности изгнанія не существуетъ и трудно представить себѣ ея возможность. (Споръ Германіи съ Швейцаріею относительно Ausweisungspflicht и Ausweisungsrecht на основаніи германо-швейцарскаго Niederlassungsvertrag въ 1889 году).

Съ юридической точки зрѣнія принципіальная основа права изгнанія та же, что и права государства на недопущеніе иностранца въ свои предѣлы. Точно также какъ иностранецъ не можетъ претендовать на безусловное право допущенія его въ чужое государство, онъ не можетъ претендовать и на безусловное право пребыванія въ этомъ государствѣ. Въ этомъ отношеніи формальное право государства безусловно. Отечественному государству иностранца можетъ въ случаѣ несправедливаго или слишкомъ жестокаго, по его мнѣнію, примѣненія этого права другимъ государствомъ принадлежать лишь право на репрессивныя или реторсіонныя мѣры. Въ случаѣ примѣненія права изгнанія къ иностранцамъ въ значительныхъ размѣрахъ и не смотря на существующіе у государства съ ихъ отечествомъ договоры, регулирующіе юридическое положеніе и взаимное общеніе ихъ взаимныхъ подданныхъ, отечественное изгнанныхъ государство можетъ конечно потребовать объясненія мотивовъ такого мѣропріятія со стороны изгнавшаго государства. Впрочемъ, въ международной практикѣ признаются достаточными мотивами изгнанія иностранцевъ: соображеніе внѣшней безопасности, изгнаніе въ видѣ репрессаліи или реторсіи, опасность, представляемая иностранцемъ для государственнаго порядка, нарушеніе иностранцемъ государственныхъ интересовъ и наконецъ, изгоняются обыкновенно нищіе, безпаспортные и бродяги *). Эти мотивы допускаютъ и нѣкоторые публицисты, напр. Holtzendorf. Впрочемъ, постановленія внутреннихъ законодательствъ по вопросу объ изгнаніи иностранцевъ чрезвычайно разнообразны. (См. у Bulmerincq, Völkerrecht, § 36 стр. 238 сл).

Оно можетъ быть послѣдствіемъ судебнаго рѣшенія; это наиболѣе правомѣрный видъ примѣненія права изгнанія. Въ Голландіи, въ Австріи высылка иностранца является всегда необходимымъ слѣдствіемъ обвинительнаго противъ него судебнаго приговора по уголовному дѣлу. Далѣе, высылка можетъ быть постановлена высшею административною властью государства. Наконецъ въ видѣ реторсіи или репрессаліи она можетъ быть постановлена только высшею правительственною государственною властію.

Необходимое условіе права высылки иностранца — чтобъ онъ не былъ приравненъ къ подданнымъ относительно права пребыванія въ государствѣ, въ противномъ случаѣ, — если это право гарантировано ему государственнымъ законодательствомъ — право государства на изгнаніе иностранца есте-

*) Конвенціи о взаимной высылкѣ подданныхъ послѣдней категоріи у Россіи съ Австріей, Германіей и Швеціей.

ственно ограничивается (напр. въ Бельгіи: относительно иностранца, которому разрѣшено пребываніе или если онъ женатъ на бельгійкѣ и имѣетъ дѣтей отъ нея, рожденнымъ въ Бельгіи; тоже относительно иностранца, рожденнаго въ Бельгіи и имѣющаго право просить о принятіи въ бельгійское подданство и т. п. Это послѣднее ограниченіе имѣетъ мѣсто и во Франціи, Италіи, Голландіи).

Болѣе частое примѣненіе изгнанія въ наше время является послѣдствіемъ болѣе широкой свободы доступа иностранцамъ въ чужое государство.

ПОСОЛЬСКОЕ ПРАВО.

Органами взаимнаго общенія государствъ являются въ междун. сферѣ дипломатическіе агенты. *Дипломатическими агентами называются оффиціальныя, облеченныя особыми правомочіями лица, служащія представителями государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.* Ихъ задача—охранять вытекающіе изъ основныхъ а договорныхъ правъ высшіе *политическіе интересы* государствъ въ междн. общеніи и содѣйствовать мирному разрѣшенію возникающихъ во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ спорныхъ вопросовъ. Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности дипломатическихъ агентовъ, какъ представителей государствъ въ международномъ общеніи, образуетъ такъ наз. *посольское право*.

Институтъ посольскаго права неизвѣстенъ древности, не сознававшей необходимости правильнаго международн. общенія. Лишь въ случаѣ неизбѣжныхъ фактическихъ сношеній между государствами и народами *временно*, въ извѣстныхъ случаяхъ отправлялись ради извѣстной, опредѣленной временной цѣли посольства, пользовавшіяся при этомъ извѣстною охраною (обыкновенно религіозною). Но эти сношенія и эти посольства носили случайный характеръ и не могли быть поэтому построены на прочныхъ правовыхъ началахъ (римское jus feciale—совокупность нравилъ и обрядностей, а не юридическихъ нормъ). Возникновеніе института дипломатическихъ агентовъ въ качествѣ *постояннаго* организованнаго учрежденія относится лишь къ XV в. Родина его — Венеція. Процессъ объединенія европейскихъ государствъ, развитіе монархическаго абсолютизма съ его завоевательною политикою и учрежденіе постоянныхъ армій значительно способствовали развитію и укрѣпленію института постояннаго дипломатическаго представительства государствъ: диплома-

тическіе агенты нужны были государствамъ прежде всего какъ „политическіе шпіоны“, чтобы слѣдить за вооруженіями, политическими замыслами и т. п. другъ друга *). Къ XVII вѣку институтъ постоянныхъ посольствъ окончательно вошелъ въ общее употребленіе у всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ одной только Россіи, и развитіе культурнаго и экономическаго общенія между европейск. цивилизованными народами постепенно повліяло и на измѣненіе первоначальнаго характера дипломатическихъ агентовъ. Такъ какъ народы нецивилизованные до послѣдняго времени не сознавали потребности въ постоянномъ общеніи съ народами цивилизованными, то иниціатива учрежденія у нихъ дипломатическихъ агентовъ всегда принадлежала этимъ послѣднимъ, которые иногда даже силою добивались (напр. относительно Китая) разрѣшенія на учрежденіе своихъ постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ въ государствахъ нецивилизованныхъ.—Культурная и религіозная обособленность Московскаго государства въ XV—XVII столѣтіяхъ, его недовѣріе и принципіальная враждебность къ иностранцамъ объясняютъ, почему оно не посылало и не соглашалось принимать постоянныхъ дипломатическихъ представителей, — всѣ русскія посольства и западныя посольства въ Московскомъ государствѣ носили временный, случайный характеръ. Первыя русскія постоянныя посольства при западно-европейскихъ государствахъ и въ Турціи учреждены были Петромъ В. Въ другихъ азіятскихъ государствахъ (Персіи, Китаѣ, Японіи, Бухарѣ) они учреждены лишь въ XIX вѣкѣ.

Право посольства дѣлится на активное и пассивное. *Активнымъ* правомъ посольства называется право государства, какъ члена международнаго общенія, *назначать* своихъ представителей при другихъ государствахъ *съ правами и преимуществами*, признаваемыми цивилизованными государствами за дипломатическими агентами. *Пассивное* право посольства есть право государства *принимать* къ себѣ представителей иностранныхъ державъ *съ обязанностью признавать за ними* установленныя международною практикою права и преимущества.

Нѣкоторые писатели (напр. Геффтеръ) утверждаютъ, что принятіе посольства не есть обязанность государства, а лишь вопросъ пользы. Противъ этого справедливо возражаютъ (Мартенсъ, Даневскій), что такой взглядъ основанъ на *преувеличеніи идеи суверенитета и независимости государствъ. Если же стать на точку зрѣнія начала правоваго общенія*

*) См. Таубе, I. 352.

между народами, обязывающаго ихъ, какъ членовъ высшаго порядка, сознательно стремящихся при его посредствѣ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, къ поддержанію постоянныхъ правильныхъ взаимныхъ отношеній, органами которыхъ являются дипломатическіе агенты, *то объ отказѣ принимать и посылать ихъ не можетъ быть и рѣчи*.

Активное посольское право принадлежитъ stricto jure только государствамъ независимымъ, пользующимся полнымъ суверенитетомъ.

Осуществленіе активнаго права посольства принадлежитъ *представителю верховной власти* государства: монарху, президенту республики, по личному ихъ усмотрѣнію или подъ контролемъ или съ согласія народнаго представительства; напр. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки — президенту съ согласія сената. Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ національнаго законодательства страны и отъ ея конституціи. Въ союзныхъ государствахъ (Bundesstaat) обыкновенно члены ихъ не пользуются отдѣльнымъ представительствомъ. Впрочемъ, въ настоящее время Германская имперія имѣетъ въ другихъ государствахъ своихъ пословъ наряду съ посланниками отъ отдѣльныхъ ея государствъ (напр. Баваріи, Вюртемберга) и въ этомъ отношеніи подходитъ подъ типъ союза государствъ (Staatenbund). Иногда въ виду мѣстныхъ условій начальникамъ отдаленныхъ провинцій или колоній представляется государствомъ активное право посольства. Такъ вице-король Индіи и Туркестанскій ген.-губернаторъ пользуются правомъ самостоятельныхъ дипломатическихъ сношеній съ среднеазіятскими владѣніями, но, конечно, подъ личною отвѣтственностью передъ своими правительствами.

При *междуусобной войнѣ* ни одна партія не обладаетъ этимъ правомъ, пока она фактически не захватила въ свои руки верховной власти въ странѣ. Съ другой стороны, монархъ лишившійся престола не можетъ претендовать ни на активное, ни на пассивное право посольства.

Пассивное посольское право, т. е. право принимать дипломатическихъ агентовъ, принадлежитъ въ принципѣ всякому государству, обладающему активнымъ посольскимъ правомъ.

Полунезависимыя государства не имѣютъ ни активнаго, ни пассивнаго права посольства. Представительство ихъ политическихъ интересовъ въ международной сферѣ присвоивается ихъ сюзереннымъ державамъ. Но ради своихъ политическихъ интересовъ великія державы назначаютъ обыкновенно къ полунезависимымъ государствамъ (напр. въ Болгарію) генеральныхъ консуловъ съ спеціальнымъ званіемъ *диплома-*

тическихъ агентовъ (consuls généraux et agents diblomatiques); de jure такіе агенты не пользуются впрочемъ особыми противъ генеральныхъ консуловъ правами.

Какія лица могутъ быть посылаемы и должны быть; слѣдовательно, принимаемы въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ? Изъ обязанности принимать пословъ вообще не слѣдуетъ еще обязанность принимать въ качествѣ посла всякое назначенное въ качествѣ посланника лицо. Цѣль дипломатич. агентуры—охраненіе интересовъ общенія посредствомъ поддержанія добрыхъ отношеній между государствомъ посылающимъ и державою, принимающею посла. Поэтому установился обычай предварительно освѣдомляться у правительства, при которомъ долженъ состоять агентъ, желаетъ ли оно принять такое-то лицо въ качествѣ агента.

Отказъ въ принятіи даннаго лица въ качествѣ посла допускается относительно: *1) подданнаго страны, къ которой аккредитуется дипломатическій агентъ*; особыя права и привиллегіи посольскаго званія легко могутъ оказаться несовмѣстными съ правами государства относительно своего подданнаго (напр. относительно судебной его отвѣтственности), 2) лица, *опозореннаго* судомъ, или 3) лица, завѣдомо *враждебно* относящагося къ правительству, къ которому его желаютъ послать, или занимающаго такое общественное положеніе, которое дѣлаетъ принятіе его неудобнымъ для мѣстной власти. Напр., въ 40-хъ годахъ Русское правительство отказало въ согласіи принять посломъ отъ Англіи лорда Пальмерстона. На томъ же основаніи Италія не приняла въ 1885 г. въ качествѣ посланника С. Штатовъ Кейлея, а Австрія не приняла его на томъ основаніи, что онъ состоялъ въ гражданскомъ бракѣ съ еврейкою. Папа отказалъ въ 1875 г. принять къ качествѣ германскаго посла кардинала кн. Гогенлоэ, такъ какъ кардиналы подчинены папѣ.

Каждо егосударство можетъ назначить къ другому пословъ въ количествѣ, которое сочтетъ нужнымъ. Въ прежнія времена государства иногда пользовались правомъ посылать коллективныя посольства, но въ настоящее время посылаютъ всегда одного посла, за исключеніемъ конгрессовъ и конференцій,—что объясняется сложностью задачъ, подлежащихъ разрѣшенію этихъ междун. собраній. Въ 1882 г. въ Вѣнѣ состоялъ посломъ гр. Головкинъ, но туда же былъ посланъ Татищевъ, чтобы тайно отъ перваго вести переговоры о восточномъ вопросѣ. Иногда державы назначаютъ одного уполномоченнаго къ нѣсколькимъ государствамъ; напр. Франція посылаетъ одного къ 5 республикамъ центральной Америки; Россія одного же къ нѣсколькимъ мелкимъ германскимъ го-

сударствамъ; Китай посылаетъ къ нѣсколькимъ великимъ державамъ одного посла, избирающаго себѣ мѣсто пребыванія въ одной изъ нихъ (въ Лондонѣ). Случается также, хотя рѣже, что одно лицо—посолъ отъ нѣсколькихъ государствъ (всегда незначительныхъ и имѣющихъ общіе международные интересы).

Начало дипломатической миссіи. Моментъ, съ котораго данное лицо должно быть разматриваемо въ качествѣ дипломатическаго агента, слагается stricto jure изъ моментовъ *назначенія* и *признанія* государствомъ, къ которому оно аккредитовано. Послѣдній моментъ выражается врученіемъ посланникомъ въ торжественной аудіенціи государю или главѣ правительства *кредитивной грамоты* (lettre de crèance) полученной посланникомъ отъ его государя и правительства. Только съ представленія кредитивной грамоты (содержащей указанія на имя, рангъ и предметъ полномочій аккредитуемаго лица) дипломатическій агентъ de jure вступаетъ во всѣ свои права и преимущества. Но *практика* относитъ этотъ моментъ ко времени назначенія даннаго лица и его выѣзда за границу, при чемъ права его на независимость и личную неприкосновенность уважаются и другими государствами. Самыя церемоніи пріема (торжественной ауедіенціи) дипломатическихъ агентовъ различны по обычаямъ даннаго государства и отчасти по рангу агента. Кромѣ кредитивной грамоты всякій посланникъ имѣетъ обыкновенно *инструкціи* (всегда тайныя) и такъ называемое *уполномочіе* (plein pouvoir) на извѣстныя спеціальныя дѣйствія (напр., заключить миръ или трактахъ). Для посланниковъ, назначаемыхъ на конгресъ, полномочіе замѣняетъ кредитивную грамоту. Паспортъ и, въ военное время, проѣздной листъ (sauf-conduit для проѣзда чрезъ территорію воюющаго государства) не имѣютъ никакого значенія для государства, при которомъ аккредитованъ дипломатическій агентъ, а только для третьихъ государствъ (для удостовѣренія личности агента).

Оканчивается дипломатическая миссія фактически—смертью посланника, или юридически. Нормальные юридическіе способы прекращенія миссіи: исполненіе спеціальнаго порученія (напр., заключенія трактата, поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ государя), истеченіе срока полномочія (въ случаѣ срочной миссіи), отозваніе посланника; ненормальные (особенные): отказъ мѣстнаго правительства продолжать съ нимъ дипломатич. сношенія, разрывъ дипломатическихъ сношеній или война между государствами пославшимъ и принявшимъ дипломатическаго агента, а также въ случаѣ смерти, отреченія отъ престола или изгнанія госу-

даря или главы государства въ государствѣ, пославшемъ или принявшемъ посла.

По принятому обычаю, въ случаѣ нормальнаго прекращенія миссіи посланникъ получаетъ отъ главы государства прощальную аудіенцію, въ которой вручаетъ свою *отзывную грамоту*, но пользуется всѣми правами дипломатическаго агента до выѣзда изъ государства.

Ранги дипломатическихъ агентовъ. Для прекращенія частыхъ споровъ о правѣ первенства или предсѣданія дипломатическихъ агентовъ Вѣнскій конгресъ 1815 г. издалъ регламентъ о рангахъ дипломатическихъ агентовъ. Онъ установилъ для нихъ три класса: 1) *послы* (ambassadeurs) и папскіе уполномоченные (легаты и нунціи); 2) *посланники* и полномочные министры (envoyès et ministres); 3) *повѣренные въ дѣлахъ*, аккредитованные къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ. Протоколъ Ахенскаго конгресса 1818 г. дополнилъ эти разряды внесеніемъ еще 4-го — *министровъ резидентовъ*, поставленныхъ ниже 2-го и выше 3-го класса. Но о какомъ-либо юридическомъ различіи между дипл. агентами разныхъ классовъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Юридически *всѣ они равны*, обладаютъ безусловно одними правами, привиллегіями и функціями, и вся разница между ними въ ихъ почетныхъ церемоніальныхъ правахъ. На основаніи Вѣнскаго регламента, „только послы и папскіе представители почитаются представителями своихъ государей“ т. е. *личности* монарха, а не только государства. Они назначаются обыкновенно только между первоклассными, т. наз. великими державами. Несмотря на свой второстепенный рангъ, „посланники“ являются въ настоящее время наиболѣе употребительнымъ классомъ дипл., агентовъ между государствами. За исключеніемъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, дипл. агенты всѣхъ остальныхъ классовъ аккредитуются отъ государя къ государю или отъ главы государства. Каждое государство само опредѣляетъ классъ своего представителя; обыкновенно при этомъ слѣдуютъ началу равенства или взаимности.

Первенство дипломатическихъ агентовъ каждаго класса между собою опредѣляется по времени *официальнаго извѣщенія* ими о своемъ прибытіи правительству, при коемъ они акредитованы.

Права постоянныхъ дипломатич. агентовъ присвоиваются и дипломатич. агентамъ, посылаемымъ государствами съ временными политическими или церемоніальными порученіями, напр. для представительства на конгрессахъ, для извѣщенія о вступленіи на престолъ новаго государя и т. п.

Державы иногда посылаютъ своихъ агентовъ за границу со *спеціальными порученіями*,—таковы военные агенты при посольствахъ, агенты для устройства займа, торговыя агенты и т. п., но они не признаются диплотическими агентами и не пользуются ихъ преимуществами.

Иностранные дипломатическіе агенты, состоящіе при одномъ правительствѣ образуютъ *дипломатическій корпусъ*. Не будучи корпораціей или юридическимъ лицомъ, дипломатическій корпусъ выступаетъ однако иногда коллективно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается интересовъ, всего международнаго союза. Такія коллективныя вмѣшательства дипломатическаго корпуса имѣютъ тѣмъ большее нравственное и даже юридическое значеніе, что дипломатическій корпусъ по своему составу долженъ служить органомъ, выражающимъ солидарность интересовъ, тенденцій и понятій, связывающихъ европейскія цивилизованныя государства въ одно цѣлое.

Права и привиллегіи дипломатическихъ агентовъ дѣлятся обыкновенно на *основныя права*, необходимыя для полнаго и безпрепятственнаго осуществленія посланникомъ своихъ функцій, и на *второстепенныя почетныя права и привиллегіи*. Съ давнихъ временъ дипл. агенты пользуются значит. правами и привеллегіями и находятся подъ особою охраною междун. права. Въ періодъ династической политики эти права и привиллегіи были почти безграничными и являлись источникомъ нескончаемыхъ пререканій не только между самими посланниками, но даже между государствами. Въ настоящее время основныя права дипломатич. агентовъ сводятся къ ихъ *независимости* и вытекающей изъ нея *неприкосновенности*; въ связи съ послѣднею стоитъ внѣземельности, экстерриторіальность, т. е. *неподсудность* уголовнымъ и гражданскимъ судамъ страны мѣста ихъ пребыванія, неприкосновенность ихъ жилища и неподчиненность мѣстной администраціи Гуго-Гроцій впервые построилъ „священныя права“ посланниковъ на юридической фикціи внѣземельности, по которой дипломатическій агентъ (и государь), пребывая въ чужой странѣ, разсматривается какъ бы продолжающимъ пребываніе на своей территоріи, а слѣдовательно признается изъятымъ изъ-подъ дѣйствія законовъ и властей мѣста его пребыванія. Въ настоящее время въ такой фикціи нѣтъ никакой надобности *), такъ какъ для цивилизован. государствъ неприкосновенность дипломатическихъ агентовъ вытекаетъ изъ требованій самого международнаго общенія, которое должно

*) Она и невѣрна: дипл. агенты обязаны соблюдать мѣстные законы.

гарантировать за оградами ихъ постоянныхъ сношеній (дипломат. агентами) положеніе, могущее создать имъ *физическую и юридическую возможность для полнаго и безпрепятственнаго осуществленія ихъ предназначенія*. Въ этихъ цѣляхъ необходимо признать за дипломатическими агентами независимость, а послѣдняя ведетъ къ ихъ неприкосновенности.

Неприкосновенность посланниковъ признавалась даже въ древности. Но тамъ она не носила юридич. характера. Въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ она является общепризнаннымъ началомъ международн. права, какъ для мирнаго [1]), такъ и военнаго времени и охраняется внутренними законодательствами всѣхъ народовъ. По нашему Уложенію оскорбленіе иностраннаго дипломатич. агента наказуется заключеніемъ въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ [2]). Неприкосновенность распространяется не только на личность посланника, но и на его жилище, экипажъ и дипломатическую переписку и архивъ посольства. Неприкосновенность дипломатич. агента не тождественна съ безнаказанностью: государство отказывается отъ юрисдикціи надъ нимъ лишь въ предположеніи что онъ не злоупотребить своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и что въ случаѣ противнаго его отечественное государство привлечетъ его къ отвѣтственности: это не только право, но обязанность отечественнаго агенту государства. Поэтому возможны и исключенія изъ общаго правила о неприкосновенности дипломатическаго агента, напр. если посланникъ дозволяетъ себѣ вмѣшательство во внутреннія дѣла государства, въ которомъ онъ пребываетъ, а тѣмъ болѣе въ случаѣ какихъ-либо враждебныхъ его дѣйствій противъ этого государства или его правительства, и вообще въ случаѣ преступленія его противъ государственнаго порядка, (напр. участіе въ заговорѣ, въ политич. агитаціи противъ мѣстн. правительства). Но даже въ этихъ случаяхъ провинившійся дипл. агентъ не подлежитъ мѣстному суду, а лишь удаляется изъ государства. Такъ, Петръ I арестовалъ голландскаго резидента Дебіе, а затѣмъ потребовалъ отъ Гол. Штатовъ его отозванія по обвиненію его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ русскими подданными и во вмѣшательствѣ въ внутреннія дѣла Россіи. Въ 1744 г. былъ высланъ изъ Петербурга французскій посланникъ марк. Шетарди по обвиненію въ подстре-

1) Съ момента въѣзда посланника въ предѣлы государствъ, въ которомъ онъ аккредитованъ, если на принятіе его послѣдовало согласіе правительства, къ которому онъ назначенъ, если оно увѣдомлено о его отправленіи и если онъ заявилъ свой польскій характеръ.

2) Французская судебная практика не допускаетъ даже доказательства приписываемыхъ дипломат. агенту обвиняемымъ предосудительныхъ дѣяній.

кательствѣ народа къ бунту. Въ 1871 г. правительство С. Штатовъ потребовало отозванія русскаго посланника въ Вашингтонѣ Катакази по обвиненію его во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла С. Штатовъ.

Въ подобныхъ случаяхъ происходитъ столкновеніе двухъ правъ: права государства и правительства на самосохраненіе и охрану существующаго порядка и права дипломат. агентовъ на неприкосновенность, требуемаго интересами высшаго порядка. Эта коллизія правъ и разрѣшается въ случаяхъ менѣе важныхъ, напр. совершенія посломъ обыкновеннаго преступленія, требованіемъ объ его отозваніи и пріостановкою съ нимъ дипломатическихъ сношеній; въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напр. при участіи въ возстаніи или заговорѣ,—препровожденіемъ его за границу, не причиняя ему однако иныхъ насилій и не касаясь его архива и оффиціальной переписки. [1])

Уголовная неподсудность дипломат. агентовъ мѣстнымъ судамъ за общія преступленія противъ частныхъ лицъ, признана и теоріей, и международной практикой, какъ послѣдствіе ихъ неприкосновенности: они отвѣтственны только передъ своимъ правительствомъ и судами своего государства. Въ нашемъ законодательствѣ принципъ этотъ выраженъ въ 229 ст. Уст. угол. суд. и 171 ст. Улож. о нак.: дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ лицъ, принадлежащихъ къ посольствамъ и миссіямъ иностранныхъ державъ, возбуждаются не иначе, какъ по дипломатическомъ сношеніи съ начальствомъ обвиняемаго.

Гражданская неподсудность дипломат. агентовъ мѣстнымъ судамъ также вытекаетъ изъ начала неприкосновенности и необходимой свободы дѣйствій посланника [2]), но должна быть истолковываема въ болѣе ограничительномъ смыслѣ, чѣмъ неподсудность уголовная, такъ какъ подчиненіе гражданскимъ судамъ и ихъ рѣшеніямъ принципіально мало затрогиваетъ личную свободу и независимость лица. Принципъ гражданской неподсудности дипломат. агентовъ признается и судебною практикою европейскихъ государствъ. Такъ, по 225 ст. Уст. гр. суд. иски, предъявляемые къ лицамъ, принадлежащимъ къ иностраннымъ посольствамъ или миссіямъ не подлежатъ вѣдомству русскихъ судебн. установленій; денежныя требованія русскихъ подданныхъ къ такимъ лицамъ, должны

1) Въ этомъ случаѣ, по выраженію Гроція, государство поступаетъ non per modum poenae sed naturalis defensionis.

2) Французская судебная практика и германское законодательство держатся принципа подсудности посланниковъ и вообще находящихся на службѣ за границею чиновниковъ отечественному суду на томъ основаніи, что ихъ domicil въ отечествѣ, а за границею они находятся лишь въ служебной временной командировкѣ.

быть обращаемы въ министерство иностранныхъ дѣлъ,— „которое обязано имѣть настояніе объ удовлетвореніи оныхъ“ [1]). Впрочемъ практика допускаетъ слѣдующія *изъятія* изъ принципа гражданской неподсудности: 1) если дипломат. агентъ мѣстный подданный), 2) если онъ дѣйствуетъ какъ частное лицо, напр. въ качествѣ душеприказчика, опекуна и т. п.; 3) если онъ принимаетъ участіе въ коммерческомъ предпріятіи (тогда взысканія падаютъ на него, какъ на купца); 4) если онъ владѣетъ недвижимою собственностью въ странѣ мѣста своего пребыванія (тогда онъ отвѣчаетъ по всѣмъ искамъ, падающимъ на его недвижимое имущество).

Дипломатическій агентъ не имѣетъ права самовольно, безъ особаго разрѣшенія своего правительства отказаться отъ этого права. Поэтому, въ силу принятой практики, судъ не имѣетъ права принять къ своему разсмотрѣнію иска, вчиненнаго посланникомъ, безъ спеціальнаго на то разрѣшеніе своего правительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ дипломатическій агентъ обязанъ бы былъ и отвѣчать по встрѣчному иску противной стороны и нести всѣ послѣдствія такого косвеннаго признанія имъ своей подсудности мѣстному суду.

Уголовная и гражданская неподсудность распространяются и на *членовъ оффиціальнаго персонала* посольствъ: совѣтниковъ, секретарей и атташе (прикомандированныхъ чиновниковъ), правителя канцеляріи и переводчиковъ, если они подданные иностраннаго государства, а не мѣстные подданные.

Неприкосновенность посольскаго дома. Право неприкосновенности дипл. агента распространяется и на его жилище, въ смыслѣ изъятія его изъ подъ юрисдикціи мѣстной территоріальной власти, *насколько это изъятіе не противорѣчитъ общественной и государственной безопасности* страны, въ которой посланникъ аккредитованъ.

Въ прежнія времена, въ силу фикціи экстерриторіальности право это понималось въ самомъ широкомъ смыслѣ безусловнаго изъятія изъ подъ мѣстной юрисдикціи; мало того, фикція внѣземельности распространялась (до конца XVII в.) не только на домъ, но на цѣлый кварталъ, гдѣ жилъ посланникъ. Изъ этой же фикціи возникло и дальнѣйшее послѣдствіе—*право убѣжища* (droit d'asile), т. е. изъятіе изъ-подъ мѣстной юрисдикціи и всякаго лица, даже мѣстнаго подданнаго, укрывшагося отъ преслѣдованія мѣст-

---

1) Въ Австріи существуетъ для разбирательства предъявленныхъ въ дипл. агентамъ претензій особое присутственное мѣсто: Obersthofmarschallamt.

1) Однако, Парижскій судъ въ 1875 г. объявилъ подобное дѣло себѣ неподсуднымъ на томъ основаніи, что франц. подданный признанъ былъ правительствомъ въ качествѣ посланника иностраннаго государства.

ныхъ властей и закона въ зданіи иностраннаго посольства или въ экипажѣ посланника. Неизбѣжныя злоупотребленія правомъ убѣжища противорѣчащимъ и праву территор. верховенства и достоинству государствъ привели постепенно къ отмѣнѣ этого права. Въ силу новѣйшей практики посланникъ обязанъ по требованію мѣстныхъ властей выдать преступника скрывшагося въ посольствѣ, въ противномъ же случаѣ мѣстныя власти могутъ насильно осуществить свое право, но, конечно, съ соблюденіемъ личной неприкосновенности посланника. Но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ жилище дипломат. агента признается закрытымъ для доступа мѣстныхъ властей безъ особаго разрѣшенія агента. Въ случаѣ совершенія преступленія въ зданіи посольства постороннимъ персоналу посольства лицомъ виновный судится мѣстнымъ судомъ и по мѣстнымъ законамъ. (Дѣло Никитченко и Бальша 1867 г. у Мартенса II, 46).

Осенью 1895 г. китайское посольство въ Лондонѣ заманило въ зданіе посольства одного проживавшаго въ Лондонѣ китайца (Сунъ-Янгъ-Сенъ), обвинявшагося въ государственномъ преступленіи противъ китайскаго правительства. Посольство намѣривалось тайкомъ отправить его въ Китай для совершенія надъ нимъ казни. Но китайцу удалось дать знать одному знакомому о своемъ заключеніи; объ немъ сообщено было англійскому правительству и послѣднее потребовало отъ посольства немедленнаго освобожденія заключеннаго подъ угрозой примѣненія принудительныхъ въ случаѣ отказа мѣръ.

Второстепенныя права и преимущества дипл. агентовъ. Къ числу этихъ правъ, не имѣющихъ прямого значенія для отправленія дипл. агентомъ своихъ функцій и предоставляемыхъ агентамъ болѣе изъ уваженія къ ихъ положенію относятся между прочимъ: 1) имѣвшее значеніе въ прежнія времена *право* имѣть при посольствѣ *свою церковь и совершать въ ней богослуженіе* по обрядамъ своего вѣроисповѣданія, при чемъ право посѣщенія церкви предоставляется, и всѣмъ соотечественникамъ посланника. Въ настоящее время, съ повсемѣстнымъ признаніемъ вѣротерпимости въ цивилизованныхъ государствахъ это право утратило свое прежнее значеніе и имѣетъ значеніе лишь на Востокѣ. Состоящіе при посольской церкви священнослужители пользуются на основаніи практики привиллегированнымъ положеніемъ. 2) Принципъ независимости и неприкосновенности дипл. агентовъ не требуетъ освобожденія ихъ *отъ платежа податей*, повинностей и таможенныхъ пошлинъ: они должны быть безусловно свободны только отъ тѣхъ податей и налоговъ, платежъ которыхъ предпо-

лагаетъ подданическія отношенія облагаемаго лица къ государству. Таковы, именно, прямые личные налоги. Таможенныя пошлины, какъ падающія на вещи, а не на лицо, въ принципѣ должны уплачиваться дипломатическими агентами, но въ силу давняго обычая и *взаимности* государства допускаютъ въ этомъ отношеніи значительныя льготы въ пользу посланниковъ, разрѣшая имъ свободу отъ пошлинъ съ вещей, которыя они привозятъ съ собою *при своемъ назначеніи* и облагая получаемые ими послѣ того заграничные предметы по принципу взаимности съ назначившими ихъ государствами. Дипломатич. агенты обязаны нести мѣстные налоги по владѣнію недвижимыми имуществами, если владѣютъ таковыми. 3) Въ прежнія времена дипл. агентамъ предоставлялось право *суда и наказанія* надъ подчиненнымъ персоналомъ посольства, но въ современныхъ государствахъ они не пользуются ни гражданскою, ни тѣмъ болѣе уголовною юрисдикціею, — имъ принадлежитъ лишь дисциплинарная власть надъ подчиненнымъ имъ персоналомъ.

Обязанности дипл. агента состоятъ въ поддержаніи мирныхъ отношеній государства, при которомъ онъ акредитованъ къ отечественному государству, въ предупрежденіи всякихъ между ними несогласій и въ содѣйствіи мирному разрѣшенію послѣднихъ въ случаѣ ихъ возникновенія. При возможности въ настоящее время весьма быстрыхъ телеграфическихъ и желѣзнодорожныхъ почтовыхъ сношеній личная иниціатива и сообразительность дипломат. агентовъ утратила важное значеніе, какое она имѣла въ прежнія времена: они являются обыкновенно лишь исполнителями полученныхъ ими предписаній своего правительства; поэтому ихъ главная задача—лишь давать своему правительству точныя свѣдѣнія о политическомъ положеніи государства, въ которомъ они пребываютъ и о политическомъ настроеніи правительства, при которомъ акредитованы. Дипломатическій агентъ обязанъ также оказывать защиту своимъ соотечественникамъ въ случаѣ нарушенія ихъ правъ, но не иначе, какъ черезъ посредство мѣстнаго министерства иностранныхъ дѣлъ и, притомъ, только въ случаѣ дѣйствительнаго злоупотребленія мѣстныхъ властей или явной несправедливости, сопряженной съ нарушеніемъ законныхъ правъ соотечественника, пот. что иностранецъ все-таки подчиненъ мѣстнымъ законамъ государства, въ которомъ пребываетъ и не можетъ претендовать на большую защиту своихъ правъ, чѣмъ туземный подданный.

Относительно правительства и государства, при которомъ онъ акредитованъ, дипл. агентъ обязанъ строгимъ невмѣшательствомъ во внутреннія дѣла послѣдняго. Въ случаѣ нару-

шенія этой обязанности можетъ быть потребовано его отозваніе. Такъ, въ 1848 г. англійскій посланникъ лордъ Бульверъ подалъ испанскому правительству совѣтъ ввести въ Испаніи конституцію; въ отвѣтъ на это испанское правительство потребовало его отозванія. Другой примѣръ—русскаго посланника въ С. Штатахъ Катакази. Въ виду этого общаго правила отнюдь не можетъ быть признано правильнымъ поведеніе русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Болгаріи въ 80-хъ годахъ, а въ особенности бар. Каульбарса въ 1886 г.

Права дипл. агента относительно третьихъ государствъ. Такъ какъ свобода безпрепятственныхъ сношеній при посредствѣ дипломат. агентовъ представляетъ собою общій интересъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, то по принятому на практикѣ обычаю дипл. агентъ пользуется международною охраною и при проѣздѣ его (но не при продолжительномъ пребываніи) черезъ третье государство. Во время войны они подчиняются условіямъ военнаго времени (Парижъ 1870 г.).

Дипломатія. Въ связи съ посольскимъ правомъ находится дипломатія, т. е. ученіе объ условіяхъ и нормахъ дѣятельности посланниковъ. Отношеніе ея къ междун. праву такое же, какъ политики къ государственному праву; *ея задача – цѣлесообразное примѣненіе принциповъ междун. права для осуществленія интересовъ и цѣли государства въ междун. отношеніяхъ.*

Консулы. Наряду съ дипломатич. агентами, являющимися въ международн. сферѣ оберегателями преимущественно политическихъ интересовъ народовъ и органами непосредственныхъ сношеній между государствами, какъ независимыми личностями, государства пользуются въ международномъ общеніи еще другими постоянными агентами, называемыми консулами. Эти агенты служатъ главнымъ образомъ оберегателями и представителями экономическихъ, коммерческихъ и вообще культурныхъ интересовъ своего отечества и его подданныхъ въ государствѣ, гдѣ эти агенты имѣютъ свое пребываніе; государства пользуются ими главнымъ образомъ *для охраны интересовъ и защиты личныхъ правъ своихъ подданныхъ* въ международномъ общеніи и на ихъ обязанности лежитъ содѣйствіе всестороннему развитію экономич. интересовъ своего народа. Само собой разумѣется, что по мѣрѣ расширенія и развѣтвленія этого общенія возрастаетъ и значеніе консульскихъ агентовъ. *Возникновеніе* консульскаго института относится къ временамъ *крестовыхъ походовъ*. Подъ вліяніемъ междунар. торговыхъ оборотовъ и выработавшейся въ южно-европейскихъ торговыхъ центрахъ особой однообразной системы торговыхъ обычаевъ и разбирательства тор-

говыхъ дѣлъ, въ купеческомъ сословіи торговыхъ городовъ Италіи, Франціи, Испаніи установился обычай выбирать изъ своей среды особыхъ *судей*, консуловъ (consuls des marchands) *для разбирательства торговыхъ дѣлъ*. Это учрежденіе перенесено было европейскими купцами и въ устроенныя ими подъ охраной крестоносцевъ факторіи въ Сиріи, М. Азіи и Египтѣ. Но здѣсь объемъ юрисдикціи этихъ выборныхъ консуловъ быстро расширился. Подъ вліяніемъ кореннаго различія въ культурѣ европейскихъ и мусульманскихъ народовъ консулы изъ купеческихъ судей вскорѣ сдѣлались судьями по всѣмъ гражданскимъ и частью даже уголовнымъ дѣламъ, возникавшимъ между членами факторій, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили и власть административно-полицейскую въ факторіяхъ и характеръ защитниковъ своихъ соотечественниковъ передъ властями мусульманскими. Это выработавшееся практикою новое положеніе консуловъ было санкціонировано и договорами (капитуляціями) европейскихъ государствъ съ мусульманскими, регулировавшими торговыя права и привиллегіи европейцевъ на Востокѣ. Въ этой новой формѣ консульскій институтъ былъ затѣмъ перенесенъ въ XVI и XV в. въ Зап. Европу. И здѣсь консулы явились судьями по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между своими соотечественниками. По мѣрѣ, однако, укрѣпленія монархич. власти, по мѣрѣ вытѣсненія средневѣковой системы личныхъ правъ территоріальнымъ принципомъ, судебныя права консуловъ должны были все болѣе ограничиваться и къ концу XVIII в. они совершенно исчезаютъ, и за консулами остается лишь характеръ торговыхъ правительственныхъ агентовъ и защитниковъ интересовъ своихъ соотечественниковъ за границею. На Востокѣ, напротивъ, ихъ функціи не только не умалились, но ихъ право юрисдикціи по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между ихъ соотечественниками твердо охраняется договорами европейскихъ государствъ съ восточными. Лишь въ спорахъ европейцевъ съ туземцами или для преступленій, совершенныхъ европейцами противъ туземцевъ принята система смѣшанной юрисдикціи консуловъ и мѣстныхъ властей,—и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускается юрисдикція одной мѣстной власти.

Консульскія учрежденія въ христіанск. цивилизованныхъ государствахъ. По совершенно точному опредѣленію проф. Мартенса, консулъ представляетъ свое государство не какъ политическую международную личность, но какъ *общественный организмъ* съ присущими ему соціально культурными интересами и задачами. Соотвѣтственно этому, консулы назначаются обыкновенно не непосредственно верховною властью, а

подлежащимъ министерствомъ (у насъ и въ большинствѣ др. государствъ—иностранныхъ дѣлъ, а въ другихъ—министерствомъ земледѣлія и торговли) съ утвержденіемъ (въ Россіи, въ Германіи) верховной власти или же безъ него. Для вступленія въ должность консула необходимо *согласіе* со стороны государства, куда онъ, назначается, при чемъ послѣднему предоставляется право опредѣлить и тѣ мѣстности, куда оно согласно допустить иностранныхъ консуловъ. Обыкновенно не допускаются иностранные консулы въ опредѣленныя мѣстности лишь въ видѣ исключит. случаевъ изъ соображеній политическихъ. Такъ Россія отказывала въ допущеніи англійскаго консула въ Ташкентъ въ предупрежденіе интригъ англійсааго правительства противъ русскаго вліянія въ Средней Азіи. Подобнаго рода отказы должны распространяться на назначеніе консуловъ и другими державами. *Назначеніе* консула выражатся формально врученіемъ ему *патента* (lettre de provision), его правительствомъ, а согласіе иностр. правительства на допущеніе его къ отправленію консульской дѣятельности—оффиціальнымъ объявленіемъ объ этомъ (т. наз. exequatur)—въ Россіи: съ высочайшаго соизволенія. Служебная дѣятельность консула *прекращается* вслѣдствіе его отозванія, увольненія отъ службы или смерти, равно какъ и вслѣдствіе отнятія exequatur'a мѣстнымъ государствомъ (въ случаѣ вмѣшательства во внутреннія его дѣла, политическихъ интригъ и т. п.) и, обыкновенно, въ случаѣ войны между обоими государствами.

При назначеніи консула ему опредѣляется обыкновенно извѣстный *округъ*, въ предѣлахъ котораго онъ считается компетентнымъ какъ относительно своихъ соотечественниковъ, такъ и мѣстныхъ властей. Округа эти обыкновенно бываютъ болѣе или менѣе обширны, смотря по рангу консула. Въ этомъ отношеніи консулы дѣлятся на: 1) *генеральныхъ консуловъ*, дѣятельность которыхъ распространяется на болѣе обширный территоріальный районъ и которымъ подчиняются: 2) *консулы*, 3) *вице консулы* и 4) *консульскіе агенты*. Консулы завѣдуютъ частями округа—городомъ, портомъ. Вице-консулами называются ихъ помощники, а консульскіе агенты назначаются генер. консулами и консулами подъ ихъ отвѣтственностью для исправленія въ извѣстной мѣстности консульскихъ обязанностей. Консулы всѣхъ ранговъ всегда стоятъ въ подчиненіи дипломатич. миссіямъ своего государства, имѣющимъ надъ ними верховный надзоръ и направляющимъ ихъ дѣятельность. Консулы дѣлятся сверхъ того еще на *штатныхъ*, т. е. состоящихъ на дѣйствительной службѣ своего правительства и назначаемыхъ изъ числа собственныхъ

его подданныхъ, и на *нештатныхъ*, или выборныхъ, назначаемыхъ изъ мѣстныхъ подданныхъ (обыкновенно—коммерсантовъ) или иностранцевъ, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ и пользующихся лишь правомъ консульскаго званія и мундира. Нештатные консулы назначаются обыкновенно въ мѣстности, гдѣ назначающее государство не имѣетъ значительныхъ интересовъ, но гдѣ существуютъ второстепенные интересы, дѣлающіе пребываніе тамъ консула полезнымъ (напр. если тамъ пребываютъ подданные назначающаго государства). Само собою разумѣется, что въ смыслѣ пользы для государства отъ его консульскаго института желательно возможное сокращеніе нештатныхъ консуловъ: зависимые отъ мѣстной власти и, наоборотъ, совершенно независимые отъ государства, назначившаго ихъ, рѣдко знакомые съ нимъ и его интересами, оберегать и содѣйствовать которымъ они признаны, нештатные консулы являются весьма неудовлетворительными органами международнаго общенія государствъ.

Права и обязанности консуловъ. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ даже новѣйшихъ писателей, консулъ не есть дипломатическій (политическій) представитель своего государства и потому не пользуется правами, присвоенными посланникамъ. Но будучи облеченъ полномочіями своего правительства, консулъ въ качествѣ правительственнаго должностнаго лица имѣетъ оффиціальный характеръ, выдѣляющій его изъ общаго разряда „иностранцевъ“ въ государствѣ его пребыванія; въ качествѣ таковаго онъ пользуется опредѣленными правами и преимуществами. Эти *права* признаются повсемѣстно въ силу конвенцій за *штатными* консулами, а нѣкоторыя *привиллегіи* предоставляются и *нештатнымъ*. Впрочемъ, нужно замѣтить, что вопросъ о правахъ и преимуществахъ консуловъ донынѣ остается весьма спорнымъ. Вопреки требованіямъ нѣкоторыхъ писателей, они безусловно не пользуются правомъ внѣземельности,—*они подсудны* и гражданскимъ и уголовнымъ законамъ и судамъ мѣстнаго государства, но штатные консулы не могутъ быть подвергаемы ни аресту, ни тюремному заключенію кромѣ какъ за такія дѣла и дѣйствія, которыя по мѣстнымъ законамъ подлежатъ вѣдѣнію суда съ присяжными засѣдателями или уголовному наказанію. Если они занимаются торговлею, то могутъ быть подвергаемы личному задержанію только по дѣламъ торговымъ, но не по гражданскимъ дѣламъ. Въ силу общепринятой практики штатные консулы освобождаются отъ воинскаго постоя и *воинскихъ повинностей*, отъ *налоговъ* прямыхъ и личныхъ, а также на движимость и предметы роскоши, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ.

По владѣнію же недвижимостями и по торговымъ дѣламъ они вполнѣ приравниваются къ другимъ иностранцамъ. На этомъ основаніи штатнымъ консуламъ обыкновенно запрещаются ихъ правительствами занятія торговлею. Всякій консулъ пользуется правомъ выставлять на своемъ домѣ флагъ и гербъ своего государства, но эта привиллегія не изъемлетъ его жилища изъ подъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, и *неприкосновенностью пользуется только архивъ* консульства, который не можетъ быть подвергнутъ ни судебной описи, ни обыску мѣстныхъ властей подъ условіемъ однако, чтобы архивъ былъ совершенно отдѣленъ отъ частныхъ или торговыхъ бумагъ консула.

Функціи консуловъ имѣютъ цѣлью, какъ замѣчено выше, развитіе преимущественно торгово-экономическихъ междун. сношеній; вслѣдствіе этого онѣ чрезвычайно сложны и разнообразны и съ развитіемъ международныхъ сношеній все болѣе осложняются и развѣтвляются.

Главная обязанность консула заключается въ охранѣ коммерческихъ интересовъ своего государства и своихъ соотечественниковъ за границею. Поэгому онъ наблюдаетъ чтобы торговые договоры его отечества съ мѣстнымъ государствомъ въ точности исполнялись, а также, чтобы его соотечественникамъ предоставлялись всѣ права, присвоенныя имъ какъ въ силу договоровъ очечественнаго государства, такъ и на основаніи принципа наиболѣе благопріятствуемой націи, (т. е. признаваемыя за иностранцами на основаніи другихъ торговыхъ договоровъ государства). Съ этою цѣлью онъ обязанъ доставлять своему правительству и соотечественникамъ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи мѣста своей резиденціи и о наиболѣе по его мнѣнію удобныхъ способахъ развитія съ нимъ торговыхъ сношеній своего отечества. Но само собою разумѣется, что было бы совершенно неосновательно требовать отъ корсуловъ, чтобы они были своего рода торговыми агентами или коммиссіонерами отечественныхъ коммерсантовъ. Все, чего можно отъ нихъ требовать, это—чтобы они въ своихъ донесеніяхъ по торговой части выясняли имѣющія значенія для торговли *условія государственнаго и общественнаго строя* того государства, гдѣ они пребываютъ, условія мѣстныхъ рынковъ, торговые обычаи и т. п., а никакъ не частности относительно *способовъ производства* торговли и торговыхъ операцій. Въ связи съ этимъ консулы въ портовыхъ городахъ имѣютъ наблюденіе за торговымъ судоходствомъ своихъ государствъ, за правомъ употребленія національнаго флага и за соблюденіемъ ихъ соотечественниками мѣстныхъ законовъ о портовой полиціи, о торговлѣ и

мореплаваніи при нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ и товаровъ и грузовъ. Консулъ свидѣтельствуетъ заключаемые бодмерейные займы, акты о продажѣ судовъ и понесенныя ими аваріи. Въ случаѣ караблекрушенія онъ заботится о спасеніи людей и груза и принимаетъ спасенный грузъ подъ свою охрану.

Отечественнымъ *военнымъ кораблямъ* консулъ содѣйствуетъ въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и въ ихъ нуждахъ во время пребыванія въ иностранныхъ водахъ.

Въ виду особеннаго положенія корабля въ береговыхъ водахъ иностраннаго государства, консулы портовыхъ городовъ облечены полицейскими правами въ отношеніи экипажа коммерческихъ судовъ. Имъ предоставляется исключительное наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ на судахъ ихъ націи. Они сами разрѣшаютъ всѣ споры между шкиперами и матросами или пассажирами *), имѣютъ право налагать *дисциплинарныя* взысканія на экипажъ и даже требовать отъ мѣстныхъ властей содѣйствія къ арестованію и содержанію подъ арестомъ за проступки всякаго значащагося въ карабельномъ спискѣ лица на непродолжительный срокъ. Мѣстныя власти обязаны содѣйствовать консулу въ розыскѣ и арестѣ бѣглыхъ матросовъ (если они не подданные той страны, гдѣ учиненъ побѣгъ). Наконецъ въ портахъ, гдѣ пребываетъ консулъ, мѣстные чины судебнаго вѣдомства, а равно таможенные чиновники и агенты не могутъ производить обыски и осмотры (кромѣ обыкновенныхъ таможенныхъ досмотровъ) на торговыхъ судахъ безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ консула, дабы онъ могъ присутствовать при осмотрѣ.

Къ полицейско-административнымъ функціямъ консуловъ относятся далѣе: визированіе паспортовъ своихъ соотечественниковъ, содѣйствіе имъ въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями, попеченіе о неимущихъ, больныхъ, малолѣтнихъ сиротахъ и т. п.

Судебныхъ функцій какъ сказано, консулы въ настоящее время не имѣютъ. Но имъ не возбраняется право быть третейскими судьями между соотечественниками съ согласія сторонъ. Имъ предоставляется также право принимать мѣры по *охранительному судопроизводству*, а именно функціи судебнаго пристава по описи и охранѣ имущества соотечественниковъ въ случаѣ ихъ смерти, безвѣстнаго отсутствія и т. п.

---

*) Мѣстныя власти вступаются только въ случаяхъ, но когда возникшіе на судахъ безпорядки сопряжены съ нарушеніемъ общ. спокойствія и порядка на берегу или въ портѣ или же когда въ нихъ будетъ замѣшанъ туземецъ или лицо не принадлежащее къ экипажу суда.

Если существуетъ договоръ о взаимной выдачѣ наслѣдствъ, то на консулѣ лежитъ обязанность передачи наслѣдства законнымъ наслѣдникамъ. Наконецъ, на консулахъ лежатъ обязанности по *нотаріату*: въ силу консульскихъ конвенцій имъ разрѣшается совершеніе разнаго рода нотаріальныхъ юридическихъ сдѣлокъ и актовъ, домашнимъ или крѣпостнымъ порядкомъ, какъ между соотечественниками (по отечественнымъ законамъ), такъ и между ними и иностранцами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже между иностранцами, если исполненіе сдѣлки или акта должно послѣдовать въ странѣ, назначившей консула; при составленіи такихъ актовъ консулъ обязанъ сообразоваться съ отечественными законами. При совершеніи актовъ на недвижимыя имѣнія, находящіяся въ странѣ, гдѣ консулъ имѣетъ пребываніе, онъ обязанъ сообразоваться съ мѣстными законами и порядками. Въ Россіи по указу 1782 г. запрещалось иностраннымъ консуламъ принимать и записывать у себя обязательства между иностранными и русскими подданными.

Консулы въ нехристіанскихъ государствахъ Востока. Какъ уже сказано выше, консулы на Востокѣ пользуются значительно большими правами, чѣмъ въ христіанскихъ цивилизованныхъ государствахъ. Объясняется это главнымъ образомъ коренными различіями религіознаго, соціальнаго и политическаго строя восточныхъ государствъ и государствъ христіанскихъ. Вслѣдствіе религіознаго и соціально-политическаго строя мусульманскихъ государствъ, христіане не пользуются въ нихъ обезпеченностью ни религіозныхъ, ни гражданскихъ правъ, признаваемыхъ за иностранцами во всякомъ цивилизованномъ государствѣ. Поэтому, вступая съ ними въ сношенія, европейскія государства должны были и теперь должны озабочиваться огражденіемъ жизни, матеріальныхъ и духовныхъ правъ своихъ подданныхъ отъ возможныхъ проявленій религіозной нетерпимости и неустройствъ, особенно административнаго, судебнаго и политическаго строя этихъ государствъ. Главнымъ средствомъ для этого было и остается изъятіе европейцевъ, пребывающихъ въ государствахъ Востока, отъ мѣстной юрисдикціи и подчиненіе ихъ отечественнымъ законамъ и суду; а такъ какъ консулы являются на Востокѣ (какъ и въ Европѣ, впрочемъ) прямыми органами европейскихъ государствъ не только для охраны и содѣйствія ихъ торгово-экономическимъ интересамъ, но и для охраны интересовъ и правъ ихъ подданныхъ, то въ виду указанныхъ особенностей Востока ихъ неподсудность и неприкосновенность тамъ является уже прямо необходимымъ условіемъ успѣшнаго исполненія ими предназначенныхъ имъ функцій. Мало

того, въ силу историческихъ условій политическихъ отношеній европейскихъ государствъ къ нехристіанскимъ вообще и мусульманскимъ въ частности, всякое христіанское государство отмежевало себѣ извѣстную сферу политическаго и экономическаго вліянія въ этихъ полуцивилизованныхъ государствахъ и для охраны этого вліянія недостаточно обыкновенныхъ дипломатическихъ представителей, содержимыхъ европейскими государствами въ столицахъ азіатскихъ государствъ. Поэтому на Востокѣ европейскія государства имѣютъ консуловъ нерѣдко и въ такихъ мѣстностяхъ, съ которыми у нихъ вовсе не имѣется торговыхъ сношеній, а съ другой стороны въ этихъ странахъ консуламъ присвоивается непринадлежащій имъ въ цивилизованныхъ государствахъ дипломатическій политическій характеръ.

Такимъ образомъ коренное различіе правъ, присвоиваемыхъ консуламъ въ нехристіанскихъ государствахъ и въ христіанскихъ состоитъ въ томъ, что въ нецивилизованныхъ государствахъ Востока они:

1) носятъ политическій характеръ и соотвѣтственно этому имъ присвоиваются въ извѣстной степени *права и привиллегіи дипломатическихъ агентовъ;*

2) пользуются правомъ *судебной юрисдикціи* надъ своими соотечественниками.

Неподсудность консуловъ мѣстнымъ властямъ на Востокѣ, ихъ внѣземельность основывается частью на трактатахъ, частью на обычаѣ, который еще болѣе расширилъ права, гарантированныя имъ договорами.

Что же касается права консуловъ на судебную юрисдикцію надъ соотечественниками, то оно обусловливается какъ мы уже замѣтили, неудовлетворительностью судебной организаціи государствъ Востока, съ одной стороны, и кореннымъ отличіемъ ихъ соціально политическаго строя; не обезпечивающаго правъ иностранцевъ-христіанъ, отъ соціально-политическаго строя цивилизованныхъ государствъ—съ другой. Несомнѣнно, что съ развитіемъ цивилизаціи и юридическаго порядка въ этихъ государствахъ (напр. въ Японіи), эта привиллегія европейскихъ консуловъ можетъ упразднится, какъ упразднилась она и въ цивилизованныхъ государствахъ.

Право консульской юрисдикціи надъ европейцами по гражданскимъ, уголовнымъ и торговымъ дѣламъ издавна признается восточными государствами. Судъ надъ соотечественниками производился всегда по отечественнымъ законамъ, а по дѣламъ между подданными различныхъ государствъ—по обычаю. Но дѣла смѣшанныя, въ которыхъ замѣшанъ былъ мѣстный подданный или мусульманинъ, раз-

сматривались мѣстными властями въ присутствіи консула или его, уполномоченнаго. Этотъ порядокъ, установившійся во времена крестовыхъ походовъ, сохранился и въ Турецкой имперіи и санкціонированъ капитуляціями Порты съ Франціею и Англіею XVI в., съ Россіею (*торговый договоръ 1783 г.*) и др. государствами. Въ силу договора 1783 г. Россія получила право назначать консуловъ во всѣ мѣста Оттом. имперіи, гдѣ признаетъ это нужнымъ; консуламъ обезпечена полная неприкосновенность и неподсудность мѣстнымъ властямъ; русскіе подданные, пребывающіе въ Турціи, въ спорахъ между собою судятся отечественнымъ консуломъ; а въ смѣшанныхъ съ подданными другихъ европейск. государствъ — по своему выбору; въ случаѣ преступленія противъ мѣстнаго подданнаго дѣло разсматривается мѣстною властью, но въ присутствіи консула; мѣстнымъ властямъ воспрещается входъ въ домъ русскаго подданнаго безъ предварительнаго увѣдомленія консула. Эти же права предоставлены и другимъ европейскимъ консуламъ и подданнымъ въ Турціи.

Тѣ же права консульской юрисдикціи перенесены были съ теченіемъ времени на основаніи договоровъ и въ другія восточныя государства: въ *Персію*, въ *Китай* и *Японію*. Право юрисдикціи за своими консулами Россія обезпечила въ договорахъ съ Персіею еще въ началѣ XVIII в. Оно подтверждено дополнительнымъ къ *Туркменчайскому договору* 1828 г. особымъ Актомъ съ добавленіемъ, что преступленія русскихъ противъ туземцевъ разбираются въ присутствіи консула персидскимъ судомъ, но для наказанія виновные передаются русск. посланнику или консулу. Подобнаго же содержанія постановленія *Тяндзинскаго договора* 1858 г. съ Китаемъ, (подтвержденъ Пекинскимъ трактатомъ 1860 г.) договора 1858 г. съ Японіею, заключеннаго въ *Іеддо* и Кореею. Подобные трактаты имѣютъ и западныя державы съ азіатскими и африканскими государствами.

Проф. Мартенсъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „*праву* консульской юрисдикціи должна соотвѣтствовать *обязанность* организовать консульскіе суды согласно требованіямъ цивилизованнаго юридическаго порядка, но это безспорное положеніе сознается не всѣми современными европейскими законодательствами и далеко не оправдывается практикой консульскихъ судовъ".

По своей организаціи консульскіе суды представляютъ *три типа*: французскій, англійскій и русскій.

Французская система построена на принципахъ морского Ордонанса 1681 г., установившаго для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ между французами, пребывающими на Восто-

къ судъ консула съ участіемъ выборныхъ засѣдателей изъ среды мѣстныхъ французскихъ подданныхъ. Въ настоящее время въ каждомъ консульскомъ округѣ для гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ дѣйствуетъ консульскій судъ, въ составѣ *консула и двухъ засѣдателей*, по его приглашенію (въ Константинополѣ единоличный судъ консула). *Аппелляціонная инстанція Экскій судъ* (въ южной Франціи) для мусульманскихъ владѣній Средиземнаго побережья *и судъ въ Сайгунѣ* для азіатскихъ государствъ. *Кассаціонная* инстанція—*Парижскій кассаціонный судъ*. По дѣламъ *уголовнымъ* консулъ единолично и окончательно рѣшаетъ дѣла по *полицейскимъ правонарушеніямъ*, и при участіи двухъ засѣдателей—о *проступкахъ*; относительно *преступленій* консулъ исполняетъ лишь обязанности судебнаго слѣдователя, и дѣла объ нихъ разбираются французскимъ судомъ. По образцу французскихъ организованы консульскіе суды германскій, итальянскій, бельгійскій и др.

Англійская система. Первая инстанція для дѣлъ гражданскихъ и торговыхъ въ каждомъ округѣ—*провинціальный или окружный судъ консула* при двухъ засѣдателяхъ; для дѣлъ уголовныхъ—тотъ же судъ съ участіемъ пяти присяжн. засѣдателей. *Аппелляціонная* инстанція—*верховный консульскій судъ* въ Константинополѣ и въ Шанхаѣ. Предсѣдатель и члены этого суда спеціально назначаются англійскимъ правительствомъ.

Русскимъ законодательствомъ (Уст. Торговый ст. 2113—2143) консульскій судъ организованъ *только для Персіи*. Первая инстанція этого суда *консульскій судъ* для дѣлъ между русскими подданными живущими въ консульскихъ округахъ *и судъ при Миссіи* въ Тегеранѣ для лицъ, производящихъ торговлю въ Персіи, но живущихъ внѣ консульскихъ округовъ. Консульскій судъ состоитъ изъ консула и двухъ выборныхъ засѣдателей изъ мѣстнаго русскаго купечества; судъ при Миссіи—изъ старш. драгомана посольства и тоже двухъ засѣдателей. Иски на сумму до 30 р. консулъ разбираетъ единолично и окончательно. *Судъ второй инстанціи тоже при Миссіи*, но въ иномъ составѣ: предсѣдатель его—старшій секретарь Миссіи,—который вмѣстѣ съ тѣмъ и старшій генеральн. консулъ въ Персіи, а два засѣдателя назначаются посланникомъ изъ числа почетнѣйшихъ русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Тегеранѣ. Суды эти руководствуются мѣстными обыкновеніями и русскими законами. Судъ первой инстанціи рѣшаетъ окончательно дѣла на сумму отъ 30 до 150 р., а второй—до 600 р. По рѣшеніямъ на болѣе значительныя суммы приносится аппелляція въ судъ второй

инстанціи или въ 4-й департаментъ Прав. Сената. Русскимъ подданнымъ запрещается во взаимныхъ спорахъ обращаться въ мѣстные суды. Дѣла русскихъ подданныхъ съ персіанами рѣшаются персидскими судами, а съ иностранцами — по правилу actor sequitur forum rei.

Что касается русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Левантѣ, то для суда по ихъ спорамъ учреждаются (ст. 2144—2155 Тор. Уст.) константинопольскимъ посольствомъ *коммиссіи*, дѣйствующія подъ надзоромъ посла; аппелляціонная инстанція по дѣламъ на сумму свыше 1000 піастровъ—2-й департаментъ Прав. Сената. Въ дѣйствительности однако такихъ коммиссій не существуетъ, а существуютъ, какъ въ Турціи, такъ и въ Японіи и Китаѣ консульскіе суды по образцу дѣйствующихъ въ Персіи.

Наконецъ, въ изданіи св. зак. 1893 г. Уставъ консульскій (по продолженію 1890 г. сводъ зак. т. XI. ч. II) дополненъ *) правилами для росс. консуловъ въ Кореѣ. По этимъ правиламъ юрисдикція надъ русскими подданными въ Кореѣ и ихъ собственностью принадлежитъ исключительно русскимъ консульскимъ агентамъ или другимъ должностнымъ лицамъ, надлежащимъ образомъ на то уполномоченнымъ, которыя разбираютъ и рѣшаютъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны корейскихъ властей всѣ дѣла, возбужденныя противъ русскихъ подданныхъ ихъ соотечественниками или иностранными подданными. Всѣ обвиненія и жалобы, какъ корейскихъ властей, такъ и корейскихъ подданныхъ, противъ русскихъ подданныхъ въ Кореѣ разбираются и рѣшаются русскимъ судомъ и на основаніи русскихъ законовъ, а обвиненія и жалобы русскихъ властей или подданныхъ противъ корейцевъ въ Кореѣ—корейскими властями и на основаніи корейскихъ законовъ. Русскій подданный, учинившій въ Кореѣ какой либо проступокъ или преступленіе, судится и наказывается русскими властями по русскимъ законамъ, а корейскій подданный за преступленіе или проступокъ противъ русскаго подданнаго,—корейскими властями и по корейскимъ законамъ. Во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, разбираемыхъ въ корейскихъ или русскихъ судахъ въ Кореѣ, власти истца могутъ назначать должностное лицо для присутствованія при оныхъ. Откомандированный для того чиновникъ пользуется подобающимъ его положенію вниманіемъ и ему разрѣшается, по своему желанію, вызывать свидѣтелей, допрашивать ихъ и подвергать очной ставкѣ, или протестовать противъ судопроизвод-

*) Согласно договору съ Кореею 1888 г.

ства или рѣшенія суда. Безъ дозволенія консула никакой корейскій чиновникъ не имѣетъ права входить въ домъ русскаго подданнаго безъ его согласія или вступать на русское судно безъ согласія шкипера или другого заступающаго его мѣсто лица.

Суду консула подлежатъ какъ гражданскія дѣла, такъ и дѣла по проступкамъ между русскими подданными; по преступленіямъ виновные препровождаются для суда въ Россію.

Консульскіе суды по общему правилу вѣдаютъ дѣла между иностранцами одной національности на основаніи отечественныхъ законовъ. Дѣла иностранцевъ съ туземцами рѣшаются въ Турціи и Персіи мѣстнымъ судомъ въ присутствіи консула или драгомана (переводчика) консульства; въ Китаѣ и Японіи—сообща консуломъ и мѣстными властями. Въ Кореѣ actor sequitur forum rei, но правительство истца можетъ назначить должностное лицо для присутствованія на процессѣ съ правомъ допрашивать свидѣтелей и опротестовывать рѣшеніе суда. Въ процессахъ уголовныхъ обвиняемый судится въ Китаѣ и Японіи по законамъ своего отечества, а въ Кореѣ—и отечественными властями (т. е. консуломъ или мѣстнымъ судомъ) при участіи правительственнаго представителя противной стороны. Въ тяжбахъ иностранцевъ разныхъ національностей практикою принятъ принципъ: actor sequitur forum rei; такъ какъ только судъ отвѣтчика можетъ привести въ исполненіе рѣшеніе, постановленное противъ отвѣтчика, или же учреждаются особыя смѣшанныя судныя коммиссіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ Босніи и Герцеговинѣ организованы австрійскіе суды и потому Германія отказалась тамъ отъ своей консульской юрисдикціи. Въ Болгаріи, по 8-й ст. Берлинскаго трактата, сохраняютъ полную силу капитуляціи европейскихъ государствъ съ Турціею, а слѣд. и права и привиллегіи консуловъ и подданныхъ европейскихъ государствъ Германія договоромъ 1889 г. отказалась отъ консульской юрисдикціи въ Японіи.

Смѣшанные суды въ Египтѣ. Неудовлетворительные результаты института консульской юрисдикціи, пристрастіе консульскихъ судовъ въ пользу соотечественниковъ, неблагопріятное вліяніе, какое оказывало такое положеніе дѣла на взаимныя отношенія европейцевъ и туземцевъ подали поводъ къ возникновенію вопроса о замѣнѣ консульской юрисдикціи такою судебною организаціею, при которой возможно бы было *сочетаніе и примиреніе* принципа независимости и судебной юрисдикціи мѣстныхъ восточныхъ правительствъ съ требованіями спеціальной охраны интересовъ и правъ христі-

нъ-иностранцевъ, которые пока не могутъ быть предоставлены мѣстнымъ судамъ народовъ низшей культуры и произволу ихъ властей. Сочетаніе этихъ двухъ требованій и имѣлось въ виду при организаціи въ 1875 г. по мысли египетскаго министра Нубара-Паши, т. наз. смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ. Проектъ, представленный Нубаромъ, былъ переработанъ особо европейскою междун. коммиссіею, утвержденъ въ 1875 г. и въ 1776 г. вступилъ въ дѣйствіе. Организація смѣшанныхъ судовъ слѣдующая. *Три суда первой инстанціи* (въ Каирѣ, Александріи и Измаиліи) составляются изъ *7 судей* каждый (4 иностранца+3 туземца) подъ предсѣдательствомъ одного изъ иностранныхъ членовъ суда; *Апелляціонный судъ* въ Александріи—*изъ 11 судей* (7 иностр.+4 туземцевъ). Всѣ судьи избираются и утверждаются правительствомъ хедива, но иностранные — съ согласія ихъ правительствъ. Компетенція смѣшанныхъ судовъ—1) *гражданскія и торговыя дѣла между туземцами* (не исключая и мѣстнаго правительства и самого хедива) *и иностранцами*, и 2) *между иностранцами разныхъ подданствъ;* 3) *дѣла о недвижимыхъ имуществахъ* даже между иностранцами одной національности. *Уголовная юрисдикція вѣдается*: 1) единоличнымъ судомъ одного изъ иностранныхъ членовъ гражданскаго суда, 2) исправительнымъ и окружнымъ судомъ, состоящими каждый изъ 3 судей (2 иностранца) и иностранныхъ засѣдателей, и 3) ассизною палатою изъ 3 судей (2 иностранца) при 12 присяжныхъ изъ иностранцевъ. Имъ подвѣдомственны всѣ полицейскія правонарушенія, проступки и преступленія противъ лицъ судебнаго вѣдомства, противъ исполненія судебныхъ приговоровъ смѣшанныхъ судовъ и, наконецъ, всѣ проступки и преступленія самихъ лицъ судебнаго вѣдомства и присяжныхъ по службѣ или по злоупотребленію властью. Дѣла между европейскими подданными одной національности остаются въ вѣдѣніи консульскихъ судовъ. Въ своей дѣятельности смѣшанные суды руководствуются особымъ кодексомъ, принимая во вниманіе и естественное право и справедливость.

ПРАВО ВОЙНЫ И НЕЙТРАЛИТЕТЪ.

Какъ въ другихъ областяхъ права, такъ и въ международномъ мы встрѣчаемъ правонарушенія и, слѣдовательно, оно должно ихъ предусматривать. Всякое правонарушеніе въ области междун. отношеній, какъ и внутри отдѣльнаго государства, всегда вызываетъ со стороны потерпѣвшаго *принужденіе* возстановить нарушенные интересы. Подъ правомъ

принужденія *въ объективномъ смыслѣ* разумѣется совокупность юридическихъ нормъ, соблюденіе которыхъ обязательно для каждаго государства, какъ члены международн. союза, при охраненіи своихъ законныхъ интересовъ и права. *Въ субъективномъ смыслѣ* право межд. принужденія есть право каждаго государства охранять принадлежащія ему права и защищать свои интересы въ области междун. отношеній всѣми законными средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи. *Носителемъ* права принужденія въ области межд. отношеній, и слѣдовательно *субъектомъ* его, можетъ быть *только государство*, какъ юридическое лицо. Органы государственнаго права принужденія — войска, флотъ — дѣйствуютъ отъ имени и подъ отвѣтственностью своего государства. Отдѣльныя лица, совершающія правонарушенія, ни въ какомъ случаѣ не должны разсматриваться какъ самостоятельные правонарушатели — они разсматриваются какъ члены того или другого государства и, поэтому, какъ истцомъ, такъ и отвѣтчикомъ въ области международнаго права можетъ быть только государство.

Что касается до *объектовъ* международнаго правонарушенія, то:

1) Объектомъ международнаго правонарушенія могутъ быть *права государства основныя* и *договорныя* т. е. права государства, вытекающія изъ установленныхъ раньше договоровъ между государствами и, наконецъ, *интересы* государства въ томъ случаѣ, когда они покоятся на юридическихъ основаніяхъ.

2) Объектомъ международныхъ правонарушеній могутъ быть *права и интересы частныхъ лицъ*. Но въ этомъ случаѣ, какъ уже было выше указано, истцомъ можетъ быть только государство, подданнымъ котораго состоитъ лицо потерпѣвшее правонарушеніе.

3) Третью категорію объектовъ международн. правонарушеній составляютъ *интересы всего междун. союза*. Само собою разумѣется, что у каждаго государства есть группа интересовъ общихъ съ интересами другихъ государствъ и даже цѣлаго межд. союза; нарушеніе такихъ интересовъ какого-либо государства и затрогиваетъ въ тоже время общіе международные интересы. Сюда относятся: 1) *несоблюденіе трактатовъ*, особенно если они имѣютъ важное значеніе для нѣсколькихъ государствъ. Трактаты хотя и заключаются на вѣчныя времена, но не могутъ считаться неизмѣнными, да они и должны измѣняться, ибо какъ и всякая объективная норма, они должны соотвѣтствовать потребностямъ даннаго времени и измѣняться сообразно съ развитіемъ нуждъ и интересовъ государствъ. Но измѣненіе трактата, пріостановка

въ исполненіи ихъ или совершенная отмѣна можетъ быть допущена только съ согласія договорившихся державъ. Это начало было выражено и скрѣплено подписью державъ на Лондонской конференціи 1871 г., состоявшейся по поводу требованія Россіею пересмотра постановленій Парижскаго трактата 1856 г. касательно ограниченія русскихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Протоколъ конференціи гласитъ такъ: „Уполномоченные Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Италіи, Россіи и Турціи, собранныя сегодня на конференціи, признаютъ за существенное начало междун. права, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательствъ трактата, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договаривавшихся сторонъ, достигнутаго посредствомъ дружественнаго между ними соглашенія“. 2) Къ числу международныхъ правонарушеній относится стремленіе отдѣльнаго государства къ *порабощенію* другихъ самостоятельныхъ государствъ и ко всемірному владычеству. Какъ напримѣръ такого правонарушенія можно указать на Францію при Наполеонѣ I-мъ. 3) *Нападеніе* безъ объявленія войны и безъ достаточнаго повода. 4) Стремленіе государства ко *владычеству въ открытомъ морѣ*, которое признается международною территоріею. Очевидно, что стремленіе государства къ прикосновенію такого международнаго моря неминуемо должно вызвать протестъ со стороны международнаго союза. 5) *Порча международныхъ путей сообщенія и сооруженій*, установленныхъ для облегченія международн. общенія, напр. порча подводныхъ кабелей. Принципъ неприкосновенности сооруженій для поддержанія безопасности и свободы рѣчныхъ и морскихъ сношеній былъ призванъ на Константинопольской конференціи о нейтрализаціи Суэцкаго канала и на Парижской конференціи 1884 г. объ охранѣ подводныхъ межд. кабелей. 6) *Нарушеніе правъ дипломатич. агентовъ и органовъ международн. общенія и управленія.* Однимъ изъ существенныхъ условій правильнаго международнаго общенія признается ихъ неприкосновенность. Поэтому убійство или даже оскорбленіе дипломатическаго агента всегда вызываетъ протестъ не только со стороны заинтересованаго государства, но и со стороны другихъ державъ. Далѣе 7) къ числу нарушеній междун. интересовъ относятся; a) *изгнаніе иностранцевъ* изъ государства, b) отказъ иностранцу въ защитѣ и правосудіи, c) *религіозное гоненіе*. Эти притѣсненія не должны быть допускаемы въ виду того что, что всѣми государствами въ настоящее время признается свобода вѣроисповѣданія и свобода передвиженія отдѣльныхъ личностей, необходимая въ интересахъ международнаго общенія.

Право принужденія прекращается возстановленіемъ нарушеннаго права.

Способы возстановленія нарушенныхъ правъ. — Подобно тому какъ въ области внутренняго государственнаго управленія, въ сферѣ междун. отношеній всякое нарушеніе права влечетъ за собою принудительную мѣру, имѣющую въ виду возстановленіе нарушенныхъ интересовъ. Способы возстановленія нарушенныхъ правъ и защиты интересовъ, какъ показываетъ практика и исторія, весьма разнообразны; въ основаніи ихъ лежитъ одинъ изъ трехъ принциповъ: а) *сила*, b) *право* или с) *дипломатическія средства*.

Способы, имѣющіе въ основаніи принципъ силы, существуютъ издавна (войны), но въ новѣйшее время они обставлены нѣкоторыми ограничивающими примѣненіе насилія правилами. Способы дипломатическіе и юридическіе появляются только съ 17 вѣка.

Способы, имѣющіе въ основаніи принципъ силы — *способы принудительные* — представляютъ два вида: 1) репрессаліи и 2) войну.

I. Подъ понятіе *репрессалій въ обширномъ смыслѣ* подходитъ всякое отдѣльное насильственное дѣйствіе, совершаемое однимъ государствомъ относительно другого съ цѣлью возстановленія своихъ нарушенныхъ другимъ государствомъ правъ или интересовъ, но однако безъ вступленія въ войну. Репрессаліи представляютъ нѣсколько видовъ: 1) реторсіи, 2) репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ, 3) эмбарго и 4) мирная блокада.

Реторсія примѣняется въ случаѣ нарушенія однимъ государствомъ *интересовъ* другого, причемъ государство, нарушившее эти интересы, *не выходило однако изъ предѣловъ своего права*; оно совершаетъ не правонарушеніе, а несправедливость относительно другого государства (напр. государство вводитъ высокія пошлины на продукты другого государства или издаетъ стѣснительныя постановленія для иностранцевъ). Реторсія, имѣя въ своемъ основаніи нарушеніе какихъ-либо интересовъ, предоставляется возмездіемъ равнымъ за равное, несправедливостью за несправедливость. Государство въ данномъ случаѣ слишкомъ широко пользуется своими правами, нисколько не заботясь о томъ, нарушаетъ оно интересы другого государства или нѣтъ и этимъ вызываетъ подобное же и соотвѣтственное *законодательное или административное возмездіе* со стороны послѣдняго. Особенно часто реторсія примѣняется къ сферѣ таможенныхъ отношеній, когда въ отплату напр. за установленіе чрезмѣрно высокаго ввознаго тарифа государство отвѣчаетъ тѣмъ же у себя. Какъ, напримѣръ

реторсіи этого рода можно указать на послѣднюю (1892—93 г.) таможенную войну между Россіей и Германіей, Франціей и Италіей. Реторсія обыкновенно (но не непремѣнно) бываетъ *однородна съ причиной* ея возникновенія и направляется противъ соотвѣтственныхъ интересовъ нарушившаго государства, но, во всякомъ случаѣ, чтобы не переходить въ репрессалію, *должна простираться лишь на интересы другого* государства, а не на права. При этомъ она должна исходить исключительно отъ верховной власти. Реторсія, какъ средство разрѣшенія несогласій между государствами, не можетъ считаться цѣлесообразною ни съ политической точки зрѣнія, такъ какъ она еще больше раздражаетъ заинтересованныя стороны, не уничтожая самой причины раздора, ни съ юридической—особенно если она направлена противъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ. Вопросъ о репрессаліяхъ распадается на двѣ части: 1) о репрессаліяхъ *въ мирное время* и 2) о репрессаліяхъ *во время войны.* Репрессаліи перваго вида отличаются отъ реторсіи тѣмъ 1) что предполагаютъ *нарушеніе не интересовъ*, *а правъ* государства (напр. оскорбленіе представителя, неисполненіе заключеннаго обязательства), а потому 2) репрессаліи являются мѣрами болѣе рѣшительными, чѣмъ реторсіи: между тѣмъ какъ реторсія носитъ характеръ преимущественно нравственнаго принужденія и проявляется въ видѣ *законодательной и административной борьбы* между двумя государствами, репрессаліи носятъ характеръ *физическаго принужденія и насилія.* Возникновеніе репресалій относится къ *среднимъ вѣкамъ,* когда вслѣдствіе слабости центральной власти, гражданамъ самимъ предоставлялось возстановлять свои нарушенныя права. Такимъ образомъ тогда репрессалія была однимъ изъ видовъ частнаго самоуправства и можетъ быть объяснена только слабостью центральной государственной власти и господствомъ кулачнаго права внутри самихъ государствъ. Но по мѣрѣ усиленія центральной власти, право репрессалій переходитъ мало по малу къ государству. Сначала устанавливаются нѣкоторыя ограниченія права репрессалій для частныхъ лицъ, напр. пострадавшее лицо должно было брать особое разрѣшеніе или патентъ отъ правительства (lettre de represailles, lettre de marque) на право репрессаліи, особенно если такое лицо собиралось искать возстановленія своего имущественнаго права на морѣ. Лицо получившее „lettre de represailles“ имѣло право напасть только на подданныхъ обидѣвшаго государства (не на нейтральныхъ) и возмѣстить свои матеріальные убытки, причемъ однако разрѣшеніе во-

проса о правильности захвата (приза) принадлежало правительственнымъ судамъ. Съ XVIII в. репрессаліи принимаютъ государственный характеръ и въ настоящее время право репрессалій принадлежитъ только государству.

Въ литературѣ по междун. праву репрессаліи дѣлятся на общія и частныя. *Общими* называютъ репрессаліи, разрѣшаемыя *всѣмъ подданнымъ* потерпѣвшаго государства, государство само въ данномъ случаѣ при помощи вооруженныхъ силъ и гражданъ берется за возстановленіе нарушенныхъ правъ и, поэтому, такая репрессалія ничѣмъ не отличается отъ партизанской войны. *Частными* называются репрессаліи, разрѣшаемыя отдѣльнымъ лицамъ. Какъ мы уже замѣтили, подобныя репрессаліи практиковались часто въ средніе вѣка, теперь же онѣ не допускаются.

Для того, чтобы репрессалія была правомѣрной, необходимо, чтобы 1) правонарушеніе было дѣйствительно *доказано* и 2) чтобы потерпѣвшее государство обратилось къ нарушившему съ требованіемъ возстановленія своихъ правъ и чтобы на это послѣдовалъ *отказъ*. Только въ случаѣ отказа репрессалія правомѣрна.

Объектомъ репрессалій служатъ иногда *права* и *имущества частныхъ лицъ*. Потерпѣвшее государство 1) захватываетъ имущество частныхъ лицъ, подданныхъ совершившаго правонарушенія государства, но только *въ видѣ залога*, на удовлетвореніе же убытковъ только въ крайнемъ случаѣ, когда государство-обидчикъ отказывается удовлетворить ихъ. Не подлежатъ также захвату капиталы, вложенные въ иностранные банки — это необходимо въ виду поддержанія международнаго кредита. 2) Потерпѣвшее государство *запрещаетъ доступъ* на свою территорію гражданамъ государства-обидчика или *отмѣняетъ привилегіи и права*, признанныя за подданными этого государства. Ни въ какомъ случаѣ, однако, не долженъ подлежать задержанію или ограниченію правъ представитель государства, хотя бы онъ являлся нарушителемъ. Впрочемъ, въ новѣйшее время все болѣе устанавливается правило, что объектомъ репрессалій могутъ быть *только права и имущества враждебнаго государства*. Въ настоящее время въ теоріи и практикѣ выдвинутъ принципъ, что частныя лица не отвѣчаютъ за дѣйствія правительства и, поэтому, ни личность ихъ, ни имущество не можетъ быть объектомъ репрессаліи,—какъ субъектомъ, такъ и объектомъ ея можетъ быть только государство и, слѣдовательно, захватъ имущества отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть оправданъ. Объектомъ репрессаліи можетъ быть: имущество государства, отказъ отъ принятыхъ обязательствъ, прекращеніе

сношеній. Само собой разумѣется, что допущеніе, характеръ (соразмѣрность) и продолжительность репрессаліи зависитъ отъ верховной власти, и съ полученіемъ удовлетворенія она должна прекращаться.

Какъ напримѣръ репрессалій, можно указать на репрессалію Англіи противъ Греческаго королевства по слѣд. дѣлу. Въ 1850 г. въ Аѳинахъ былъ разграбленъ чернью домъ еврея *Пачифико*, находившагося подъ покровительствомъ Англіи. Не обращаясь къ защитѣ властей или суда въ Аѳинахъ, Пачифико потребовалъ отъ греческаго правительства явно преувеличенную сумму въ 22000 фунтовъ стерлинговъ за убытки. Греческое правительство отказалось выплатить эту сумму. Несмотря на то, что Пачифико не былъ даже подданнымъ Англіи, что цифра убытка не была доказана и что отказа въ правосудіи со стороны греческаго правительства не было, англійское правительство потребовало отъ греческаго удовлетворенія въ 24 часа. Когда это требованіе не было исполнено, англійское правительство отдало приказаніе своей эскадрѣ захватить всѣ ветрѣчныя греческія суда, какъ военныя, такъ и торговыя. Однако, такое требованіе и такая мѣра возбудили негодованіе Франціи и Россіи. Благодаря ихъ вмѣшательству была учреждена смѣшанная комиссія, которая присудила Пачифико за убытки 150 ф. ст. вмѣсто требуемыхъ имъ 22000 ф.

Третейское разбирательство является самымъ желательнымъ способомъ рѣшенія подобныхъ недоразумѣній, и поэтому въ послѣднее время репрессаліи начинаютъ выходить изъ практики международныхъ сношеній и мѣсто ихъ замѣняетъ третейское разбирательство.

Репрессаліи примѣняются также и *въ военное время*. Онѣ имѣютъ то же самое основаніе, что и репрессаліи мирнаго времени—именно возстановленіе нарушенныхъ правъ. Примѣняются онѣ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда непріятель нарушаетъ правила войны или проявляетъ крайнюю жестокость. Въ видахъ регулированія примѣненія репрессалій въ военное время Россія, представила на *Брюссельской конференціи* 1874 г. о кодификаціи обычаевъ и законовъ войны проектъ, сокращающій границы дѣйствія репрессалій, но этотъ проектъ былъ конференціей *отвергнутъ* во избѣжаніе признанія закономѣрности репрессалій самимъ фактомъ принятія проекта. Такимъ образомъ, проектъ былъ отвергнутъ болѣе изъ соображеній практическихъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя, регулируя правила войны, Институтъ международнаго права внесъ въ кодексъ военныхъ законовъ и русскій проектъ. По этимъ законамъ I) репрессаліи должны примѣняться ме-

жду воюющими только по распоряженію главнокомандующаго 2) онѣ должны быть употребляемы только въ крайнемъ случаѣ и не нарушать правилъ человѣколюбія. Такъ, въ отвѣтъ на жестокости башибузуковъ съ нашими плѣнными во время войны 1877 г. (выкалываніе и выжиганіе глазъ) русскіе, чтобы заставить турокъ прекратить такое безчеловѣчное обращеніе, прибѣгали къ разстрѣливанію плѣнныхъ турокъ, но только съ разрѣшенія главнокомандующаго.

Эмбарго. Особый видъ репрессалій составляетъ эмбарго. Оно состоитъ въ томъ, что государство налагаетъ арестъ на суда (частныя) грузъ и экипажъ другого государства. Эмбарго примѣняется или въ *мирное время*, или въ ожиданіи войны. Въ *мирное время* къ эмбарго прибѣгаютъ съ карантинными или полицейскими цѣлями (во время междоусобій—желая предупредить распространеніе невыгодныхъ сообщеній другимъ государствамъ). Въ подобныхъ случаяхъ эмбарго—временное задержаніе и можетъ быть наложено даже безъ совершенія правонарушеній со стороны государства, суда котораго задерживаются. Эмбарго, какъ *мѣра военнопредупредительная и международнаго принужденія* примѣняется: 1) Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи и возстановленіи нарушенныхъ правъ. Такое эмбарго (англійскіе юристы называютъ его гражданскимъ), имѣвшее цѣлью принудить противника къ уступкамъ, должно прекращаться съ момента полученія удовлетворенія. 2) Въ случаѣ, когда ожидается война и когда произошелъ разрывъ между государствами. Такъ въ 1788 г., когда Швеція объявила Россіи войну, Екатерина II наложила эмбарго на всѣ шведскія суда, находившіяся въ то время въ русскихъ портахъ. Чаще всего эту мѣру примѣняла Англія. Послѣдній примѣръ въ меджун. практикѣ—въ 1864 г. Данія противъ Пруссіи. Въ этомъ случаѣ цѣль наложенія эмбарго—не *возстановленіе правъ, а возмѣщеніе убытковъ*, какіе будутъ понесены подданными во время войны. Въ настоящее время эта цѣль эмбарго нѣсколько ограничена въ томъ смыслѣ, что секвестрованныя частныя суда должны быть возвращены по окончаніи войны. Этого правила не признаютъ однако Англія и Американскіе штаты, которые стоятъ за полную конфискацію.

Въ теоріи международнаго права противъ эмбарго, какъ принудительной мѣры, существуютъ слѣд. *возраженія:* 1) Мѣра эта направлена *противъ зла еще не совершеннаго*; 2) направлена *противъ частной собственности*, которая, по новѣйшимъ принципамъ международнаго права, должна быть охраняема даже въ военное время; 3) эта мѣра *нарушаетъ международный кредитъ*. Новѣйшіе трактаты отчасти усво-

или такой взглядъ теоріи международнаго права въ томъ смыслѣ, что государства стали устанавливать льготный срокъ, въ теченіи котораго при объявленіи войны непріятельскіе коммерческіе корабли могутъ свободно оставить воды непріязненной державы.

Блокадой называется морская осада порта или побережье блокируемаго государства. Блокированнымъ признается портъ (или побережье), оцѣпленный военными кораблями блокирующаго государства такимъ образомъ, что постоянное и близкое расположеніе ихъ у блокируемаго пункта дѣлаетъ входъ въ него для постороннихъ судовъ явно опаснымъ. Цѣль *мирной блокады* состоитъ въ пресѣченіи военною морскою силою всякихъ сообщеній съ берегами государства, подвергнутаго блокадѣ. Само собою понятно, что чѣмъ значительнѣе въ торговомъ отношеніи блокируемое мѣсто, тѣмъ болѣе ущерба наноситъ блокада не только государству, подвергнутому такой репрессивной мѣрѣ, но и нейтральнымъ, производящимъ съ нимъ торговлю. Сама по себѣ блокада есть средство чисто военное и, поэтому, эпитетъ „мирной“ не совмѣстимъ съ понятіемъ блокады. Однако мирная блокада, какъ одна изъ репрессивныхъ средствъ, существуетъ и въ практикѣ международныхъ отношеній и находитъ себѣ защитниковъ въ литературѣ по этому предмету. Происхожденіе мирной блокады относится къ первой половинѣ XIX вѣка. Впервые воспользовались этой формой репрессивныхъ мѣръ въ 1827 г. Англія, Франція и Россія противъ Турціи для того, чтобы заставить ее прекратить кровопролитіе въ Греціи по поводу возстанія: чтобы прекратить сообщенія турокъ съ ихъ войсками въ Греціи, союзный флотъ трехъ вышеозначенныхъ державъ блокировалъ греческіе берега, не объявляя однако султану войны. Несмотря на то, что турецкій флотъ, запертый союзниками въ Наваринской гавани былъ ими сожженъ, посланники державъ увѣряли Порту, что державы не считаютъ себя состоящими съ нею въ войнѣ. Въ 1833 г. Англія и Франція блокировали Голландію съ цѣлью понудить ее къ признанію независимости Бельгіи. Въ 1850 г. англійскій флотъ блокировалъ греческіе порты съ цѣлью получить удовлетвореніе по дѣлу Пачифико. Въ 1886 г. соединенная эскадра вел. державъ (кромѣ Франціи) блокировала греческіе порты съ цѣлью принудить Грецію къ разоруженію. Въ настоящее время блокируется Критъ и предположена блокада Греціи съ цѣлью понудить послѣднюю къ принятію рѣшеній державъ по Критскому вопросу. Любопытный примѣръ представляетъ, наконецъ, блокада въ 1839

году Англіею и Франціею гаваней Аргентинской республики, продолжавшаяся 9 лѣтъ [1]).

Блокада, какъ мирная, такъ и военная, заключается въ томъ, что съ блокируемыми портами или берегами государства прекращаются всякаго рода сношенія. Поэтому, доступъ въ блокируемую гавань для кораблей безусловно воспрещается, если же корабль дѣлаетъ попытку прорваться черезъ линію блокирующихъ, то онъ задерживается.

Послѣдствія задержанія—либо конфискація судна, либо арестъ его до снятія блокады. Иногда дѣлается различіе между нейтральными судами и судами блокируемаго государства, одни подвергаются конфискаціи, а другія только арестуются; Англія конфисковала одинаково какъ тѣ, такъ и другія. Вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія блокады возбужденъ былъ между Франціею и Англіею въ 1886 г. по поводу блокады Франціею о. Формосы. Французское правительство высказало мнѣніе, что и при мирной блокадѣ нейтральныя суда, виновныя въ нарушеніи блокады, подлежатъ захвату, а англійское—что захватъ нейтральныхъ за нарушеніе *мирной* блокады несогласенъ съ мнѣніями юристовъ и съ правилами международнаго права. Вопросъ этотъ оставленъ былъ открытымъ, такъ какъ блокада Формозы признана была военною, а не мирною.

Въ литературѣ существуютъ на мирную блокаду два совершенно противоположныхъ взгляда. Одни писатели осуждаютъ ее: другіе же—и между ними есть лица авторитетныя—высказываются въ пользу ея. Противники мирной блокады выставляютъ слѣдующіе аргументы противъ нея: мирная блокада по большой части есть начало войны и обыкновенно послѣдствіемъ ея является кровопролитіе. Далѣе, мирная блокада по своему характеру не подходитъ къ понятію репрессалій мирнаго времени: въ принципѣ репрессаліи должны поражать интересы только того государства, которое дало къ нимъ поводъ, а мирная блокада *поражаетъ и третьи, нейтральныя*, совершенно постороннія, непричастныя государства, такъ какъ блокирующія державы воспрещаютъ нейтральнымъ нарушать блокаду и всякое посягательство на нее наказываютъ арестомъ судовъ. Если же допустить требуемое Блюнчли ограниченіе—право захвата кораблей только блокированнаго государства, то практическая цѣль блокады не будетъ достигнута: блокада только тогда и дѣйствительна, когда ее обязаны соблюдать прочія государства [2]). На-

1) Въ 1888—89 г. блокада вост. африканскаго берега не какъ принудительная, а какъ полицейская международная мѣра—противъ торговли невольниками.

2) При блокадѣ Крита въ 1897 г. въ критскіе порты недопускались лишь греческія суда, а изъ нейтральныхъ—суда, нагруженныя провіантомъ и оружіемъ или боевыми

конецъ, мирная блокада никогда почти не улаживаетъ возникшія между государствами недоразумѣнія — напротивъ, и безъ того натянутыя отношенія она осложняетъ еще болѣе. „Мы полагаемъ, говоритъ Мартенсъ, что мирная блокада не можетъ быть защищаема ни во имя гуманности, ни съ точки зрѣнія здраваго смысла. Какъ средство, примѣняемое въ мирное время, она есть, по своему понятію contradictio in adjecto“.

Защитники мирной блокады противъ всѣхъ этихъ аргументовъ представляютъ слѣдующія возраженія. Если законна война, т. е. сложная система насильственныхъ мѣръ, сопряженныхъ съ кровопролитіемъ, то нѣтъ основанія отрицать законность мирной блокады—мѣры менѣе насильственной и опасной, не сопряженной съ кровопролитіемъ. Блокада — отдѣльная насильственная мѣра, одинъ изъ видовъ репрессалій. Если терпимо зло большее (война)—подавно терпимо и зло меньшее, состоящее въ примѣненіи частичной притомъ локализированной войны, хотя способъ ея примѣненія такой же, какъ и блокады военной. Мотивы ее оправдывающіе совпадаютъ съ тѣми же, которые оправдываютъ и репрессаліи. Далѣе, къ слабымъ державамъ примѣнять мирную блокаду гораздо человѣколюбивѣе и справедливѣе, нежели прибѣгать противъ нихъ къ войнѣ,—мирная блокада не грозитъ имъ уничтоженіемъ, какъ война; а если слабые должны подчиняться законамъ войны, то почему бы имъ не быть обязанными подчиняться и законамъ одной изъ ея мѣръ, примѣняемыхъ отдѣльно? Наконецъ, возможно и ограниченіе послѣдствій мирной блокады въ томъ смыслѣ, чтобы корабли блокируемой страны подвергались лишь временному секвестру, до полученія удовлетворенія, корабли же нейтральныхъ могли быть недопускаемы въ блокируемые порты, но не подлежатъ ни задержкѣ, ни конфискаціи. Таковы взгляды на мирную блокаду сторонниковъ ея.

Во всякомъ случаѣ блокада—мѣра настолько принудительная, что выходитъ изъ предѣловъ мирныхъ сношеній и кромѣ того она исполнима для сильныхъ державъ по отношенію къ слабымъ и невозможна для слабыхъ и небольшихъ государствъ по отношенію къ великимъ державамъ. Главнымъ же выраженіемъ остается то, что отъ блокады страдаютъ преимущественно частныя, незаинтересованныя лица.

Война. Въ случаѣ, если вышеизложенные мирные способы окажутся недѣйствительными, чтобы удалить возникшія недоразумѣнія, государства прибѣгаютъ къ войнѣ. Она во всѣ

снарядами; греческія суда, виновныя въ нарушеніи блокады подвергались лишь временному секвестру.

времена и на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества была главнымъ способомъ рѣшенія важныхъ международныхъ несогласій. Вопросъ о войнѣ съ давнихъ временъ занималъ умы мыслителей и политиковъ. Но въ чемъ же заключается сущность войны? На этотъ вопросъ мыслители отвѣчаютъ различно.

1) Богословы и клерикалы усматриваютъ въ войнѣ кару, ниспосланную на людей Создателемъ за грѣхи ихъ и чѣмъ грѣшнѣе люди, тѣмъ жесточе и продолжительнѣе должна быть война. Слѣдовательно въ войнѣ они видятъ законъ нравственнаго міроправленія (въ XIX в.—Де-Местръ).

2) Философы смотрятъ иногда на войну, какъ на неизбѣжное зло, которое даже необходимо для правильнаго теченія жизни человѣчества. Многіе писатели даже поэтизируютъ войну. Гегель говоритъ, что война не абсолютное зло; напротивъ—она „укрѣпляетъ здоровье народовъ“, подобно тому какъ буря предохраняетъ океанъ отъ гніенія и застоя, въ которое онъ впалъ бы отъ вѣчнаго покоя. Подобный же поэтизированный взглядъ на войну, очищающую политически атмосферу мы находимъ и у нѣкоторыхъ публицистовъ и даже юристовъ: у Прудона, у Кальво, Лассона, Людера. Этотъ взглядъ имѣетъ нѣкоторое оправданіе въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, но вообще война ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема такимъ образомъ ужъ потому, что съ развитіемъ человѣчества взглядъ на условія нравственнаго „здоровья народовъ“ мѣняется. Бываютъ, конечно, случаи, когда война оказываетъ благотворное вліяніе на политическую жизнь народа, но такіе случаи свидѣтельствуютъ лишь о ненормальныхъ условіямъ политическаго и соціальнаго строя народа. Для побѣжденныхъ (Россія послѣ 1856 г.) понесенное пораженіе служитъ иногда толчкомъ къ реформамъ. Но это доказываетъ лишь, что соціальный и политическій строй такого государства былъ такого рода, что необходимость реформъ не имѣла возможности проявиться нормальнымъ путемъ мирнаго внутренняго прогресса. Съ другой стороны исторія доказала, что Турцію война не оживитъ, сколько бы пораженій ни досталось на ея долю, а примѣръ послѣдствій, проявившихся въ Германіи послѣ счастливой для нея войны 1870—71 г.—огрубѣніе нравовъ, самодовольство ума и милитаризмъ—едва ли могутъ служить аргументомъ благотворнаго вліянія войнъ на прогрессъ цивилизаціи народовъ и на ихъ нравственное оздоровленіе.

3) Примѣнительно къ теоріи натуралистовъ о законѣ борьбы за существованіе, нѣкоторые смотрятъ на войну, какъ на проявленіе этого закона; какъ космическій законъ,

война не можетъ, по ихъ мнѣнію, быть названа ни добромъ, ни зломъ,—воля людей предъ этимъ закономъ безсильна. Это мнѣніе особенно часто встрѣчается у военныхъ писателей (Мольтке, Рюстовъ). Этотъ взглядъ отчасти справедливъ,—борьба дѣйствительно представляетъ элементъ міроваго порядка и служитъ источникомъ всякаго движенія и развитія. Войну, какъ видовое понятіе не слѣдуетъ однако смѣшивать съ борьбою—понятіемъ родовымъ, а видовой признакъ войны—физическое насиліе, совершенно искажетъ родовую черту—борьбу. Борьба всегда будетъ существовать и въ индивидуальной жизни людей, и въ коллективной, международной, но съ развитіемъ культуры и цивилизаціи она неизбѣжно должна утрачивать свою атавистическую форму физическаго насилія и облекаться въ болѣе отвѣчающую требованіямъ нашего времени форму борьбы духовныхъ силъ. Физическая, матеріальная борьба за существованіе свойственна людямъ на низшихъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія; у цивилизованныхъ народовъ ее замѣняетъ соревнованіе духовныхъ силъ.

4) Взглядъ на войну юристовъ слѣдующій: она не непосредственное и неизбѣжное слѣдствіе несовершенствъ индивидуальной человѣческой природы, не роковой неизмѣнный законъ, подобный явленіямъ физической природы, а результатъ несовершенствъ и недостатковъ общихъ условій культурной и государственной жизни. Исторія показываетъ, что съ измѣненіемъ культурной и государственной организаціи измѣняется и характеръ войны. Слѣдовательно, съ устраненіемъ въ государственномъ строѣ и въ культурѣ человѣчества причинъ, которыя болѣе всего содѣйствуютъ возникновенію войны, случаи такихъ вооруженныхъ международныхъ столкновеній могутъ быть ограничены и даже совершенно устранены.

Юридическій принципъ войны. Юридическій принципъ войны формулированъ въ XVIII в. и получалъ полное развитіе въ XIX. Еще писатели и публицисты 16, 17 и начала 18 в. признавая войну явленіемъ неизбѣжнымъ, старались путемъ пропаганды своихъ идей вліять на смягченіе жестокостей войны; но соображенія эти (даже у Гуго Гроція въ его знаменитомъ трактатѣ De jure belli ac pacis 1625 г.) основывались на началахъ гуманности и религіи, а не права. Впервые съ точки зрѣнія права взглянуть на войну Руссо. Онъ установилъ основной принципъ, что война есть явленіе политической жизни государствъ,—*война есть отношеніе государства къ государству, а не* къ *индивидуума къ индивидууму*; граждане воюющихъ государствъ не враги, не непріятели

сами по себѣ, а являются таковыми лишь какъ воины. Это основной принципъ, къ которому сводятся всѣ нормы современнаго права войны: различіе активныхъ и пассивныхъ непріятелей и неприкосновенность частной собственности. Противъ этого принципа возражаютъ, что прежде, во времена абсолютныхъ монархій война велась изъ за чуждыхъ народу династическихъ интересовъ и войсками, представляющими изъ себя особое сословіе, и войну нельзя было назвать *отношеніе государства къ государству;* но теперь при участіи народа въ управленіи, при всеобщей воинской повинности война носитъ національный характеръ, такъ какъ въ рядахъ войска все мужское населеніе, вооруженный народъ и слѣдовательно граждане воюющихъ государствъ являются сами по себѣ врагами. Но когда войны, какъ это мы видимъ въ наше время, ведутся изъ-за вопросовъ публичнаго права и государствами, врагами являются органы государства, а не отдѣльные граждане и война есть отношеніе государства къ государству.

Сама по себѣ война является актомъ политики, происшедшимъ изъ столкновенія интересовъ двухъ государствъ, но для него, какъ и для другихъ актовъ внѣшней и внутренней жизни государства, право ставитъ извѣстныя юридическія нормы, юридическія границы. Въ этомъ случаѣ право совпадаетъ отчасти съ тенденціей филантроповъ ограничить область разрушительности войны. Во всякомъ случаѣ оставлять это явленіе дѣйствительной жизни внѣ своего разсмотрѣнія только на томъ основаніи, что оно не соотвѣтствуетъ тенденціямъ и убѣжденіямъ значительной части современнаго цивилизованнаго человѣчества, право не можетъ. Задача международнаго права, конечно, состоитъ въ полной отмѣнѣ войны, ея, необходимости, какъ способа рѣшенія несогласій между государствами, но пока эта цѣль не достигнута въ виду извѣстныхъ условій политическаго строя и культурнаго уровня современныхъ государствъ, международное право должно, съ одной стороны, изыскивать средства для возможно большаго ограниченія случаевъ примѣненія этого средства путемъ изысканія и введенія въ международную практику мирныхъ способовъ разрѣшенія несогласій, а съ другой стороны—международное право должно установить нормы, которыя полагали бы извѣстный предѣлъ неизбѣжнымъ въ силу самой природы человѣка уклоненіемъ воюющихъ отъ требованій справедливости и гуманности.

Итакъ, война *есть борьба между независимыми государствами или политически организованными партіями изъ-за вопросовъ публичнаго права.* При этомъ надо замѣтить, что

политическая партія признается воюющей стороной въ томъ случаѣ, если она правильно организована, т. е. имѣетъ свое правительство, фактически независима и соблюдаетъ законы и обычаи международнаго права (напр. Южно-Американскіе Штаты въ борьбѣ съ сѣв. Штатами, венгры во время возстанія 1848—49 г.)

Основаніемъ своимъ война можетъ имѣть и интересы, и идеи но только имѣющіе свое основаніе въ правѣ и современномъ правосознаніи цивилизованнаго человѣчества, напр. освобожденіе угнетенной народности (болгары въ войнѣ 1877—78 г.).

Цѣль ея—*возстановленіе* нарушеннаго права или правомѣрнаго интереса: слѣдовательно, *не наказаніе*, не уничтоженіе или порабощеніе противника. Противники находятся юридически въ положеніи полнаго равенства, такъ какъ война замѣняетъ въ международныхъ отношеніяхъ процессъ, соотвѣтствуя одной изъ первобытныхъ формъ его—судебному поединку. Что касается внѣшней формы, то война является исключительно борьбою вооруженныхъ силъ между государствами или политически организованными партіями. Отсюда *дѣйствія ея направлены исключительно противъ вооруженныхъ силъ противника и учрежденій, служащихъ для военныхъ цѣлей, а не противъ частныхъ лицъ.* Частныя лица не враги, а становятся врагами лишь въ качествѣ гражданъ, призывадмыхъ государствомъ къ участію въ выполненіи долга передъ отечествомъ въ качествѣ воиновъ. Поэтому необходимо строгое различіе между вооруженными силами противнаго государства и мирными жителями его, которые могутъ оставаться на территоріи враждебнаго государства, продолжать свои торговыя, мирныя занятія и пользоваться вообще всѣми правами предоставленными иностранцу. Это правило было нарушено Франціей, которая въ 1870 г, нашла необходимымъ удалить всѣхъ германскихъ подданныхъ, проживавшихъ на ея территоріи. Наоборотъ во время послѣдней войны между Россіей и Турціей у насъ былъ изданъ Правительствующимъ Сенатомъ указъ отъ 12 мая 1877 г., объявлявшій, что „подданнымъ Турціи разрѣшается продолжать во время войны свое пребываніе и свои мирныя занятія въ предѣлахъ Имперіи подъ защитою дѣйствующихъ законовъ". Турецкимъ коммерческимъ судамъ, застигнутымъ объявленіемъ войны въ русскихъ портахъ и гаваняхъ, было дозволено „свободно выходить въ море въ продолженіи времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ, не составляющихъ военной контрабанды". Необходимо далѣе различіе между публичной и частной собственностью. Въ приказѣ

главнокомандующаго в. кн. Николая Николаевича, изданномъ 12 апрѣля 1877 г., говорилось: „мирные жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому народу они не принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для насъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно: никто не долженъ дозволить себя произвола".

Война *начинается* или фактически, или указаніемъ извѣстнаго опредѣленнаго момента ея возникновенія (такъ наз. объявленіе войны). Послѣдній способъ безусловно необходимъ; фактическое начатіе войны вноситъ хаосъ и неопредѣленность въ международныя отношенія. Объявленіемъ войны разумѣется не требованіе церемоніальнаго, торжественнаго извѣщенія, а просто объявленіе противнику дипломатическимъ путемъ о намѣреніи начать войну. Въ послѣднее время объявленіе войны часто замѣняется предъявленіемъ *ультиматума*, т. е. формальнаго дипломатическаго заявленія о томъ, что неисполненіе противникомъ въ извѣстный срокъ опредѣленныхъ требованій равносильно объявленію ему другою стороною войны.

Формальное объявленіе войны можетъ имѣть особенное значеніе для опредѣленія правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ, а также для исчисленія напр. срока, который дается обыкновенно воюющими купеческимъ судамъ противника для удаленія изъ портовъ. По этому мнѣніе проф. Мартенса, что „объявленіе" войны не представляетъ въ нашъ вѣкъ телеграфа и гласности особенной необходимости, мы считаемъ недостаточно обоснованнымъ.

Какъ средство возстановленія нарушенныхъ правъ или интереса, война сама по себѣ *не упраздняетъ юридическаго порядка между воюющими*, а лишь временно и фактически пріостанавливаетъ его.

Съ наступленіемъ войны прекращаются лишь политическія обязательства между воюющими государствами, а слѣдоват. прекращается и сила политическихъ договоровъ между ними. Что же касается договоровъ торговыхъ и иныхъ неполитическихъ, то дѣйствіе ихъ лишь пріостанавливается на время войны въ виду фактической невозможности ихъ исполненія; совершенная отмѣна ихъ возможна впрочемъ какъ послѣдствіе войны, съ обоюднаго согласія воевавшихъ сторонъ. Съ другой стороны, во время войны вступаютъ въ силу договоры, заключенные воюющими или при ихъ прямомъ участіи именно на случай войны, ради охраны законовъ и правилъ войны. Таковы напр. Парижская декларація 1856 г., Женевская конвенція 1864 г. и др.

Съ наступленіемъ войны перерываются политическія сношенія между воюющими и дипломатическіе агенты ихъ вы-

ѣзжаютъ изъ непріятельскаго государства. То-же практикуется и относительно консуловъ, хотя они и не имѣютъ политическаго характера, а защита интересовъ подданныхъ непріятельскаго государства поручается обыкновенно дипломатическимъ и консульскимъ агентамъ какой либо нейтральной державы.

Окончаніе войны, помимо непосредственной цѣли, съ какою война была начата, ведетъ обыкновенно къ установленію между воюющими новыхъ политическихъ и юридическихъ отношеній. Это бываетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною войны служило не одно какое нибудь конкретное правонарушеніе, а когда причины несогласія коренились разомъ въ нѣсколькихъ сторонахъ взаимныхъ отношеній воюющихъ государствъ.

Для того, чтобы быть *правомѣрной* съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, война должна соотвѣтствовать установленнымъ правомъ нормамъ; она должна быть правомѣрной въ отношеніи *причинъ* ее вызывающихъ и *по способу веденія* ея.

Въ отношеніи, причинъ вызывающихъ войну, признается правомѣрною:

1) *Оборонительная война* для защиты основныхъ правъ государства на независимость и неприкосновенность территоріи; вооруженная оборона допускается въ случаѣ уже совершеннаго правонарушенія, когда нарушенное право не можетъ быть возстановлено другимъ способомъ кромѣ войны или же въ случаѣ неминуемо грозящей опасности правонарушенія.

2) *Война за освобожденіе* какъ въ международномъ, такъ и въ государственномъ смыслѣ, т. е. какъ противодѣйствіе завоевательнымъ попыткамъ извѣстнаго государства и его стремленію къ порабощенію другаго, и какъ борьба за національную независимость и освобожденіе.

Юридическія причины къ войнѣ соотвѣтствуютъ праву необходимой обороны въ области частнаго права и въ немъ имѣютъ свое оправданіе. Но разсматривая войну въ исторіи человѣчества, мы увидимъ, что помимо этихъ юридическихъ причинъ, войны вызывались еще и такими причинами, которыя объясняются исключительно политическими и культурными *условіями историческаго развитія* государствъ и народовъ. Нельзя не замѣтить, въ самомъ дѣлѣ, что различнымъ историческимъ эпохамъ свойственны различныя причины войнъ и что съ теченіемъ вѣковъ эти причины войнъ измѣняются соотвѣтственно измѣненію политическихъ и культурныхъ условій жизни человѣчества. Въ исторіи Европы

мы можемъ, напримѣръ, указать, нѣсколько категорій такого рода историческихъ, такъ сказать, причинъ войны. Таковы напр. войны феодальныя, характеризующія средне-вѣковый періодъ исторіи Европы, войны религіозныя, раздиравшія Европу даже до XVII в. включительно, войны чисто династическія (за Испанское, за Австрійское, за Баварское наслѣдство) характеризующія въ особенности время полнаго разцвѣта монархическаго абсолютизма въ XVIII в., войны чисто завоевательныя и т. д.

Разсматривая вопросъ о причинахъ войны примѣнительно къ нашему времени, мы можемъ раздѣлить эти причины на 2 группы: 1) политическія (внѣшнія) причины и 2) культурно-экономическія (внутреннія) причины.

Политическія причины наиболѣе подвержены колебаніямъ. Таковы напр. соперничество державъ на Балканскомъ полуостровѣ или, другими словами, восточный вопросъ; отношеніе тройственнаго союза къ Россіи и Франціи; соперничество изъ-за колоніальной политики, или изъ-за преобладанія въ африканскихъ государствахъ при средиземномъ морѣ (Англія, Франція, Италія); соперничество Англіи, и Россіи въ Средней Азіи.

Внутреннія причины войны: 1) историческія традиціи (отместка, національная враждебность, напр. Франціи и Германіи), 2) экономическая борьба и торговая охранительная политика и 3) культурныя (народное воспитаніе).

Способы веденія войны. Задача международнаго права заключается въ томъ, чтобы установить такія нормы, при которыхъ война имѣла бы характеръ юридическаго спора между государствами. Во всякомъ случаѣ до начала войны должны быть испробованы всѣ мирные способы прекращенія несогласія, и только при безплодности ихъ для возстановленія нарушенныхъ правъ, война является правомѣрной. При этомъ она должна подчиняться правиламъ, установленнымъ международнымъ правомъ. Кодифицировать эти правила пытались какъ оффиціальные органы, такъ и частныя лица. Къ числу попытокъ, исходившихъ оффиціальнымъ путемъ относятся правила, установленныя на Женевской 1864 г. и Петербургской 1868 г. конференціяхъ, на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. на Брюссельской конференціи 1874 г. Изъ частныхъ попытокъ кодификаціи нужно отмѣтить работы американца Фильда и германскаго проф. Блюнчли. Попытку свода тѣхъ и другихъ на научной почвѣ представляетъ кодексъ, составленный институтомъ международнаго права 1877 г. („Законы войны“).

Исторія войны представляетъ собою весьма, правда, медленный и постепенный, но неуклонный переходъ отъ неогра-

ниченнаго произвола и господства дикаго насилія, какъ чисто фактическаго способа разрѣшенія международныхъ несогласій, къ подчиненію насильственныхъ военныхъ мѣръ извѣстнымъ правиламъ и ограниченіямъ, соотвѣтственно прогрессу правосознанія, культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія европейскихъ народовъ. Самая *практика* войны, разсматриваемая въ ея историч. развитіи служитъ такимъ образомъ сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу практической *возможности* требуемыхъ современнымъ правосознаніемъ ограниченій военнаго произвола.

Первый *международный* актъ, направленный къ регулированію права войны, это — „*Актъ вооруженнаго морского нейтралитета*“ 1780 г., заключенный нейтральными государствами по иниціативѣ императрицы Екатерины Великой и вызванный произволомъ воюющихъ (Англіи, Франціи и Испаніи) по отношенію къ морской торговлѣ нейтральныхъ, непринимающихъ участія въ войнѣ государствъ. Актъ этотъ устанавливалъ: 1) *свободу судоходства между портами воюющихъ для нейтральныхъ кораблей съ ихъ грузомъ;* 2) *неприкосновенность непріятельской собственности на нейтральныхъ корабляхъ, исключая военной контрабанды;* 3) *военной контрабандой* признается оружіе и предметы *непосредственно служащіе военнымъ цѣлямъ;* 4) *блокированнымъ* признается только портъ, оцѣпленный военными кораблями такъ, что *постоянное и близкое расположеніе ихъ у порта дѣлаетъ входъ въ него очевидно опаснымъ.*

Чтобы понять значеніе этого акта, нужно имѣть въ виду, что до этого времени не только неприкосновенность непріятельской собственности на судахъ нейтральныхъ, но даже нейтральная собственность (суда и грузъ) не пользовались никакой охраной отъ произвола воюющихъ на морѣ; что торговля нейтральныхъ съ воюющими государствами даже предметами, не имѣющими никакого отношенія къ войнѣ, совершенно не допускалась и нейтральныя суда, идущія въ непріятельскіе или изъ непріятельскаго порта, подвергались воюющими захвату; что подъ понятіе военной контрабанды подводились не только предметы, непосредственно служащіе военнымъ цѣлямъ, но и жизненные припасы, лѣсъ, желѣзо, свинецъ и т. п; наконецъ, что блокада нерѣдко практиковалась фиктивно, т. е. воюющій *объявлялъ* извѣстные порты, а иногда и цѣлыя побережья противника блокированными и поэтому доступъ въ нихъ для нейтральныхъ судовъ запрещеннымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности блокады, т. е. обложенія этихъ портовъ или побережій вооруженными морскими силами воюющаго не было, а направлявъ-

шіяся туда нейтральныя суда подвергались конфискаціи подъ предлогомъ нарушенія блокады.

Вторая международная попытка ограничить произволъ воюющихъ,—*Парижская дикларація 16 апрѣля 1856 г.* составляющая приложеніе къ Парижскому мирному трактату, заключенному Россіей, Турціей, Франціей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Италіей, но представляющая собою совершенно независимый отъ этого трактата международный актъ и заключающая въ себѣ правила морской войны. Парижская декларація провозглашаетъ *неприкосновенность нейтральныхъ кораблей* съ ихъ грузомъ исключая военную контрабанду, а также неприкосновенность *нейтральнаго груза на корабляхъ воюющихъ* государствъ, кромѣ военной контрабанды; ею подтверждено постановленіе акта 1780 г., что *блокада* должна быть дѣйствительной; наконецъ, и это самое важное—она *отмѣняетъ каперство*. Каперство заключалось въ томъ, что правительства во время войны разрѣшали частнымъ лицамъ вооружать корабли и захватывать непріятельскія суда. Вся цѣль такихъ частныхъ лицъ была направлена къ захвату частной собственности на морѣ. Парижская декларація отмѣняетъ каперство, хотя проводитъ эту реформу не вполнѣ: право захвата частной непріятельской собственности оставлено за военными судами. Къ этому акту присоединились почти всѣ цивилизованныя государства (49) и только Испанія, Мексика и С.-Американскіе Штаты формально не присоединились къ нему, хотя С.-Штаты объявили, что они охотно бы приступили къ этому акту, *если бы* имъ установлена была *безусловная неприкосновенность всякой* (даже непріятельской) *частной собственности* на морѣ, такъ какъ въ отличіе отъ сухопутныхъ войнъ, въ которыхъ частная собственность непріятельскихъ гражданъ признается неприкосновенною, въ морскихъ войнахъ она донынѣ подвергается захвату и конфискаціи.

Слѣдующая попытка—*Женевская конвенція 1864 г.* объ защитѣ и уходѣ *за ранеными* какъ своими, такъ и непріятельскими. Происхожденіе Женевской конвенціи тѣснымъ образомъ связано съ появленіемъ въ свѣтъ сочиненія доктора Дюнана, „Souvenir de Solferino“ 1862 г. Авторъ былъ очевидцемъ битвы при Сольферино и живыми красками изобразилъ несчастное положеніе раненыхъ, которые погибали тысячами не столько отъ ранъ, сколько вслѣдствіе недостаточнаго за ними ухода и врачебной помощи. Онъ высказалъ мысль объ организаціи такой помощи; мысль эта нашла поддержку въ Женевскомъ благотворительномъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго Густавомъ Муанье былъ организованъ

въ 1863 г. международный съѣздъ въ Женевѣ. На съѣздѣ былъ принятъ проектъ устройства въ каждомъ государствѣ частныхъ комитетовъ для помощи раненымъ (обществъ Краснаго Креста) съ объединяющимъ ихъ дѣятельность международнымъ Женевскимъ комитетомъ Кр. Креста и было выражено желаніе, чтобы походные лазареты и медицинскій персоналъ были поставлены подъ охрану нейтралитета. Желаніе это могло быть осуществлено только посредствомъ общаго международнаго соглашенія, которое и было заключено въ 1864 г. на международной конференціи въ Женевѣ, созванной по приглашенію Швейцарскаго союзнаго совѣта. Въ настоящее время Женевская конвенція объ облегченіи участи раненыхъ во время войны подписана всѣми европейскими государствами включая Турцію, Персію, правительствами американскихъ государствъ и Японіею. Въ конвенціи постановляется, что *походные лазареты и постоянные госпитали* какъ правительственные, такъ и частные считаются неприкосновенными и пользуются уваженіемъ и покровительствомъ воюющихъ *пока въ нихъ находятся раненые и больные*. Неприкосновенность распространяется также *на весь медицинскій персоналъ*, который въ случаѣ захвата въ плѣнъ можетъ возвращаться въ свою армію вмѣстѣ съ имуществомъ *походныхъ* (не постоянныхъ) лазаретовъ. Также и жители непріятельской страны, *оказывающіе помощь* раненымъ пользуются охраной, а принявшіе къ себѣ раненаго или больного освобождаются отъ постоя и военной контрибуціи. Медицинская помощь и уходъ оказываются одинаково всѣмъ больнымъ и раненымъ, своимъ и непріятельскимъ. *Выздоровѣвшіе* непріятельскіе раненые и больные, неспособные къ продолженію службы, должны быть препровождены въ отечество; способные къ службѣ остаются на правахъ военноплѣнныхъ. Отличительнымъ знакомъ для зданій, повозокъ, назначенныхъ служить раненымъ, а также для служебнаго врачебнаго персонала присвоенъ красный крестъ на бѣломъ фонѣ. Четыре года спустя въ Женевѣ (въ 1868 г.) собралась новая конференція, выработавшая *проектъ дополнительныхъ постановленій* къ конвенціи 1864 г. объ уходѣ за ранеными и больными *на морѣ*. Но „дополнительныя постановленія“ не были подписаны державами и обязательной силы не имѣютъ, хотя въ послѣднихъ войнахъ они отчасти исполнялись.

Въ 1868 г. подписана была державами *Петербургская декларація*, въ силу которой запрещается употребленіе разрывныхъ снарядовъ, вѣсомъ менѣе 400 граммъ (1 фунта), какъ причиняющихъ страшныя и безполезныя мученія раненымъ.

Но самой важной попыткой кодификаціи правилъ войны и при томъ не отдѣльныхъ только институтовъ военнаго

права, а всей совокупности его является *Брюссельская международная конференція* 1874 г., созванная по иниціативѣ императора Александра II. Замѣтимъ, что этой конференціи предшествовала частная попытка кодификаціи военныхъ законовъ,—такъ называемая „Полевая инструкція“ составленная въ Америкѣ во время войны сѣверныхъ и южн. штатовъ Либеромъ. Эта инструкція есть какъ бы прототипъ постановленій Брюссельской конференціи; разница между ними та, что „Полевая инструкція Либера“ имѣла только мѣстное значеніе для Америки.

Относительно правъ и обязанностей воюющихъ къ непріятельскимъ лицамъ Брюссельская конференція дѣлитъ всѣхъ гражданъ государства на *комбатантовъ* и на *не комбатантовъ*, т. е. на воюющихъ и не воюющихъ, принимающихъ въ войнѣ активное участіе и не принимающихъ такового. Нѣкоторыя лица, которыя не принимаютъ активнаго участія въ войнѣ, но входя въ составъ войскъ служатъ цѣлямъ и успѣшности ея (интенданты, военнополевые чиновники, маркитанты, иногда сюда относятъ корреспондентовъ газетъ) въ случаѣ захвата подвергаются военному плѣну, какъ пассивные комбатанты. *Некомбатанты*—мирные жители пользуются полной неприкосновенностью за исключеніемъ того случая, когда они сами начинаютъ враждебныя дѣйствія противъ занявшаго ихъ страну непріятеля *). Конечно, жители не могутъ равнодушно относиться къ непріятелю, они могутъ также выступать на защиту отечества и военные законы признаютъ такихъ ополченцевъ и волонтеровъ за воюющую сторону, слѣдовательно въ случаѣ захвата ихъ они пользуются правами военноплѣнныхъ и не разстрѣливаются какъ мятежники. Но чтобы такіе волонтеры были признаны за воюющую сторону, необходимо: 1) чтобы *во главѣ ихъ находилось лицо отвѣтственное* за своихъ подчиненныхъ; 2) чтобы имъ было присвоено *извѣстное фирменное и при томъ легко различаемое отличіе*; 3) чтобы они *открыто носили оружіе*; 4) чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ они соблюдали *законы и обычаи войны*. Наконецъ, такъ какъ война есть отношеніе государства къ государству, то *правительственное разрѣшеніе* необходимое условіе для всякаго комбатанта (законнаго). Населеніе не занятой еще территоріи, *поголовно* добровольно вооружившееся въ виду приближающагося непріятеля для защиты отечества, должно быть признано воюющей стороной,

*) Въ декларацiи отъ 11 августа 1870 г. король прусскій Вильгельмъ объявлялъ: „Я воюю противъ французскихъ солдатъ, но не противъ французскихъ гражданъ“.

если только будетъ соблюдать законы и обычаи войны, хотя бы оно и не успѣло организоваться [1]); но если возстанутъ жители *уже занятой* непріятелемъ территоріи, то будучи захвачены, они судятся по уголовнымъ законамъ, какъ мятежники.

Основный принципъ, на которомъ построены всѣ эти постановленія тотъ, что непосредственнымъ объектомъ военныхъ дѣйствій должны служить непріятельская армія, т. е. вооруженныя и спеціально для войны организованныя силы воюющаго государства. Мирное населеніе не имѣетъ права сражаться. Только законные комбатанты и непріятели пользуются охраною военныхъ законовъ и обычаевъ. Некомбатанты имѣютъ право на неприкосновенность жизни во время войны, но подъ условіемъ ненападенія на комбатантовъ. Нарушеніе неприкосновенности какъ по отношенію къ мирному населенію со стороны комбатантовъ, такъ и по отношенію къ комбатантамъ со стороны населенія одинаково признается преступленіемъ, наказуемымъ по военноуголовнымъ законамъ. Ограниченія, постановленныя Брюссельскою конференціею для лицъ добровольно принимающихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, вызваны были необходимостью предупредить анархію и злоупотребленіе какъ со стороны населенія, такъ и армій воюющихъ государствъ, такъ какъ участіе въ военныхъ операціяхъ неорганизованныхъ вооруженныхъ силъ не принося, при нынѣшнемъ положеніи военной системы и техники, особенной пользы для обороны, компрометируетъ судьбу мирнаго населенія внесеніемъ большей страстности и ожесточенія въ борьбу.

Постановленія Брюссельской конференціи, касающіяся *имущества* занятой воюющимъ страны строго различаютъ имущество частныхъ лицъ отъ собственности государственной. Имущество частныхъ лицъ пользуется полной неприкосновенностью и только государственное подвергается праву войны (см. ниже).

Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ *о правѣ бомбардированія*. Осадѣ и бомбардированію подлежатъ къ сухопутной войнѣ одни только укрѣпленныя мѣста. Открытые же и незащищаемые города, поселенія и деревни не подлежатъ ни осадѣ, ни бомбардированію. Въ томъ случаѣ, когда городъ, деревня, поселеніе и пр. защищаются, непріятель во всякомъ случаѣ обязанъ не направлять умышленно выстрѣловъ на церкви, художественныя, научныя, богоугодныя заведенія и пункты, назначенныя для сбора раненыхъ. Осажденные съ своей сто-

[1]) Желательно предупрежденіе непріятеля о поголовномъ возстаніи.

роны должны обозначить эти сооруженія особыми знаками. Однако нарушенія этихъ правилъ встрѣчаются еще и въ новѣйшее время. Такъ нѣмцы бомбардируя Страсбургъ, не соблюдали этихъ правилъ и сожгли соборъ и знаменитую Страсбургскую библіотеку. Рекомендуется предупрежденіе осажденныхъ о бомбардированіи для того, чтобы женщины, дѣти и больныя могли покинуть городъ; но противъ этого многіе военные писатели возстаютъ, говоря, что такое удаленіе дѣлаетъ войска болѣе способными выдерживать долгую осаду, такъ какъ у осажденныхъ прибавляется средствъ къ существованію; кромѣ того бомбардированіе подавляюще дѣйствуетъ на мирныхъ жителей, которые оставаясь въ городѣ, оказываютъ нравственное вліяніе на войска и ускоряютъ моментъ сдачи города. Городъ, взятый приступомъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть отданъ на разграбленіе войскамъ.

*Военнопл*ѣ*нные.* Всякій законный непріятель (комбатантъ) обезоруженный противникомъ и попавшій въ его власть считается военноплѣннымъ. Въ древнія времена военноплѣнные или подвергались истребленію, или же продавались въ рабство. Въ средніе вѣка участь ихъ была такая же, хотя сталъ практиковаться и выкупъ плѣнныхъ. Съ 17-го вѣка стали смягчать ихъ участь и первой попыткой къ этому можно считать введеніе обычая обмѣнивать плѣнныхъ. Французская революція отмѣнила принципіально выкупъ и узаконила размѣнъ (обыкновенно—по числу и рангу военноплѣнныхъ); такимъ образомъ военноплѣнный изъ безправной вещи, составляющей собственность взявшаго, становится лицомъ, временно задерживаемымъ государствомъ. Обезоруженный законный непріятель стѣсняется въ личной свободѣ не изъ мщенія и не въ видѣ наказанія, а лишь въ цѣляхъ безопасности, чтобы ослабить численно противника. Поэтому теперь военноплѣнные не заключаются въ мѣста заключенія преступниковъ, а отсылаются въ отдаленныя отъ театра войны мѣста государства, гдѣ они пользуются болѣе или менѣе свободой; иногда допускается и отпускъ плѣнныхъ подъ честнымъ словомъ не участвовать болѣе въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ нарушеніе даннаго слова влечетъ за собою пятерю правъ военнаго плѣна при вторичномъ захватѣ. Актомъ брюссельской декларації устанавливается рядъ правилъ, регулирующихъ отношеніе къ военноплѣннымъ и ихъ права. Всякое имущество лично имъ принадлежащее, за исключеніемъ оружія, не подлежитъ отобранію. Военноплѣнные не могутъ быть принуждаемы къ какимъ-либо враждебнымъ дѣйствіямъ противъ своего отечества, или на постройку крѣпостей, или же къ какимъ-либо другимъ работамъ изнури-

тельнымъ или унизительнымъ для ихъ военнаго чина. Нижніе чины могутъ быть употребляемы однако на общественныя работы, не имѣющія прямого отношенія къ дѣйствіямъ, происходящимъ на театрѣ войны, съ тѣхъ, что заработанныя ими деньги должны служить средствомъ къ улучшенію ихъ содержанія или же будутъ имъ выплачиваемы при освобожденіи. Во всякомъ случаѣ содержаніе военноплѣнныхъ въ плѣну (обыкновенно въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ содержанію туземныхъ воинскихъ чиновъ) падаетъ на государственную казну съ правомъ на возмѣщеніе при заключеніи мира. Въ плѣнъ могутъ быть взяты и тѣ лица, которыя, состоя при войскахъ, не входятъ однако въ дѣйствительный составъ ихъ, какъ то: корреспонденты, маркитанты и пр., но только на короткій срокъ, пока не минуетъ опасность, что они перенесутъ противной сторонѣ извѣстія о врагѣ. *Врачебный персоналъ* не долженъ подлежать плѣненію по правиламъ женевской конвенціи 1864 г. Военноплѣнные должны подчиняться мѣстнымъ законамъ, а за проступки подлежатъ военному суду. При попыткѣ къ побѣгу дозволяется употребить противъ плѣннаго оружіе. По заключеніи мира военноплѣнные немедленно освобождаются. Иногда и во время войны производится размѣнъ плѣнныхъ по взаимному соглашенію воюющихъ.

Подъ законы о военноплѣнныхъ не подходятъ шпіоны, мародеры, дезертиры,—такъ какъ они не признаются законными непріятелями. *Дезертиръ* (бѣглый военный) въ случаѣ захвата его въ рядахъ непріятельской арміи судится какъ измѣнникъ. *Мародеры*, занимающіеся ограбленіемъ мертвыхъ и раненыхъ на поляхъ сраженій подвергаются смертной казни на мѣстѣ преступленія. Также по давнему обычаю подвергается разстрѣлянію или повѣшенію шпіонъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія. Шпіономъ (лазутчикомъ) называется лицо, которое *тайнымъ* и *обманнымъ образомъ*, подъ разными *ложными предлогами* собираетъ или старается собрать свѣдѣнія *въ мѣстности занятой* непріятелемъ *съ намѣреніемъ* сообщить эти свѣдѣнія противной сторонѣ. При квалификаціи преступленія, *мотивъ во вниманіе не принимается*. Подъ понятіе шпіоновъ не подходятъ, слѣдовательно, *развѣдчики*, которые *открыто* въ мундирѣ и при оружіи развѣдываютъ мѣстности, хотя бы и въ предѣлахъ дѣйствія непріятельской арміи; сюда не могутъ быть отнесены и воздухоплаватели, составляющіе военную команду и лица, открыто исполняющія данныя своимъ начальствомъ порученія. Строгое наказаніе, какому подвергаются шпіоны, оправдывается отчасти крайнимъ вредомъ и опасностью ихъ занятія для

воюющаго. Брюссельская декларація требуетъ, чтобы шпіоны предавались суду, а не казнились суммарнымъ порядкомъ.

Незаконныя средства веденія войны. Хотя война выражается употребленіемъ насильственныхъ дѣйствій со стороны воюющихъ другъ противъ друга, при чемъ допускаются относительно комбатантовъ лишеніе жизни, искалѣченіе, а относительно непріятельскихъ имуществъ—поврежденіе и даже истребленіе, но всѣ эти насильственныя мѣры допускаются и признаются законными лишь по стольку, *по скольку они безусловно необходимы для достиженія цѣли войны.* Поэтому современная военная практика безусловно осуждаетъ, съ одной стороны, *безполезную жестокость* и намѣренное причиненіе безполезныхъ страданій противнику, а съ другой—*средства вѣроломныя и предательскія.*

На этомъ основаніи запрещается: 1) *Употребленіе яда* или отравленнаго оружія (отравленіе колодцевъ). 2) *Вѣроломное убійство* лицъ, принадлежащихъ къ составу непріятельской арміи. 3) *Убійство беззащитнаго или сдавшагося* непріятеля. 4) *Объявленіе* о томъ, *что* врагу *не будетъ дано пощады.* 5) *Употребленіе разрывныхъ снарядовъ* вѣсомъ менѣе 400 гр. (1 ф.), запрещенное С.-Петербургскою декларацією 1868 г. 6) Употребленіе недисциплинированныхъ *дикихъ племенъ.* 7) *Злоупотребленіе парламентерскимъ* и національнымъ *флагомъ женевскимъ крестомъ*, военными знаками или форменной одеждой непріятеля. Парламентеры, т. о. лица, служащія органами для сношеній между воюющими, всегда и у всѣхъ народовъ признавались неприкосновенными. По этому злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ естественно должно считаться грубымъ нарушеніемъ правилъ войны. 8) Всякое *нарушеніе и захватъ собственности* непріятеля, не вызванные крайнею военною необходимостью, а также разграбленіе взятой приступомъ мѣстности. 9) *Осада и бомбардированіе открытыхъ* и незащищенныхъ военною силою. поселеній, и 10) *приглашеніе населенія къ возстанію* противъ законнаго правительства.

Военныя хитрости (напр. распространеніе ложныхъ извѣстій) и употребленіе необходимыхъ способовъ къ полученію свѣдѣній о непріятелѣ считаются однако позволительными и законными.

Какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, на войнѣ допускаются донынѣ *репрессаліи*, т. е. насильственныя дѣйствія противъ комбатантовъ или же мирныхъ гражданъ противной стороны въ *возмездіе* за допущенныя противникомъ нарушенія правилъ или законовъ войны. Донынѣ условія и предѣлы примѣненія репрессалій не регулированы никакимъ

международнымъ соглашеніемъ и они примѣнялись въ войнахъ XIX вѣка (пруссаками въ 1870—71 г.) съ такою же жестостью, какъ и въ старыя времена, не смотря на очевидную ихъ несправедливость въ томъ смыслѣ, что „лично ничѣмъ неповинные отдѣльные комбатанты или даже мирные граждане являлись отвѣтственными за дѣйствительныя или даже предполагаемыя нарушенія высшимъ начальствомъ законовъ и обычаевъ войны, не всегда еще общепризнанныхъ и одинаково истолковавыемыхъ“ (Даневскій). *Русскій проектъ Брюссельской декларации* предлагалъ, чтобы право на назначеніе репрессалій принадлежало только главнокомандующему или командиру отдѣльнаго корпуса, чтобы онѣ примѣнялись лишь въ крайнихъ случаяхъ при явныхъ и несомнѣнныхъ нарушеніяхъ правилъ войны, были всегда соразмѣрны съ вызвавшимъ ихъ правонарушеніемъ и примѣнялись соблюденіемъ требованій гуманности. Конференція не приняла этого предложенія дабы не санкціонировать примѣненіе репрессалій на войнѣ; тѣмъ не менѣе русское военное начальство примѣняло эти принципы во время послѣдней турецкой войны, при чемъ практиковалась даже предупрежденіе начальства турецкихъ войскъ о томъ, что въ такомъ-то случаѣ будутъ примѣнены репрессаліи. Едва ли возможно впрочемъ возраженіе противъ мнѣнія Мартенса, что виновное въ нарушеніи военныхъ обычаевъ лицо, захваченное непріятелемъ, не можетъ претендовать на права военнаго плѣна, а подлежитъ военно-полевому суду, какъ уголовный преступникъ.

Воюющія стороны могутъ вступать въ договоры, нарушать которые не позволительно. Къ такимъ договорамъ относятся: картели, капитуляціи, перемиріе.

Подъ *картелями* разумѣются соглашенія для размѣна плѣнныхъ. *Капитуляція*—договоръ о сдачѣ города, крѣпости или арміи. Капитутяціи бываютъ 1) почетныя, когда сдавшимся позволяется удалиться съ оружіемъ; знаменами и музыкой, и 2) обыкновенныя, когда сдавшіеся обращаются въ военноплѣнныхъ, оружіе и знамена отбираются (оружіе остается у офицеровъ).

Перемирія (пріостановка военныхъ дѣйствій) бываютъ: общее и частное (мѣстое). Первое пріостанавливаетъ военныя дѣйствія воюющихъ государствъ на всемъ театрѣ войны и заключается главнокомандующими; частное пріостанавливаетъ ихъ только между извѣстными частями воюющихъ армій, въ предѣлахъ извѣстной мѣстности. Они заключаются обыкновенно на опредѣленный срокъ. Тотчасъ по объявленіи перемирія непріязненныя дѣйствія должны быть прекра-

щены и воюющія стороны во все время перемирія должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застало объявленіе перемирія. Нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой считать перемиріе и для себя необязательнымъ.

Права аккупанта. Непріятельская армія, занимая часть территоріи противника, получаетъ тамъ извѣстную власть надъ учрежденіями, населеніемъ и имуществомъ. Эта власть можетъ носить либо *фактическій* только, либо *юридическій* характеръ, смотря по свойству военнаго занятія непріятельской территоріи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отличать понятіе объ оккупаціи отъ понятія о нашествіи и завоеваніи. *Нашествіе* есть преходящее *кратковременное занятіе* непріятельской территоріи и не создаетъ никакихъ юридическихъ отношеній между непріятелемъ и мѣстнымъ населеніемъ и его властью. *Завоеваніе* необходимо предполагаетъ намѣреніе навсегда присоединить данную область и потому является de jure послѣдствіемъ войны, но конечно оно фактически возможно и до окончанія войны, до заключенія мирнаго трактата. Въ этомъ случаѣ непріятельская государственная власть становится въ занятой странѣ въ положеніе отечественной, но это положеніе лишь фактическое и должно быть санкціонировано мирнымъ трактатомъ. Среднее положеніе занимаетъ *оккупація*,—*временное, но длящееся* занятіе непріятельской территоріи.

Территорія признается занятою непріятелемъ въ томъ только случаѣ, если она *дѣйствительно подчиняется* его власти; съ другой стороны, непріятельское занятіе распространяется только на мѣстности, въ которыхъ непріятельская власть утвердилась и дѣйствуетъ. При этомъ положеніи отечественная власть *фактически* упраздняется, фактическая власть переходитъ въ занятой странѣ къ непріятелю, но юридически отечественная власть вслѣдствіи одного *факта* занятія не можетъ быть упразднена,—она лишь вытѣсняется и лишена возможности функціонировать. Съ другой стороны и оккупантъ въ силу *факта* занятія не пріобрѣтаетъ правъ государственной власти,—его влать въ занятой имъ странѣ покоится исключительно на правѣ войны и его права ограничиваются *необходимостью сохраненія гражданскаго и общественнаго порядка* въ занятой по праву войны мѣстности, при чемъ его правительственная власть, вступаетъ въ права правительственной власти національной. На оккупанта не переходитъ отечественная государственная власть, т. е. политическія права ея относительно территоріи, населенія и учрежденій, а лишь *судебно административная*, такъ какъ

суверенитетъ національной власти не упраздненъ, а лишь временно пріостановленъ, а на оккупанта онъ не переходитъ потому, что его власть фактически случайная, созданная ходомъ войны и временная. Такимъ образомъ ради своихъ интересовъ и интересовъ мирнаго населенія оккупантъ обязанъ охранять гражданскій порядокъ въ занятой области и права мирнаго населенія, а населеніе съ своей стороны обязано подчиняться его судебно-административной власти съ правомъ пользоваться охраной временной власти оккупанта подъ условіемъ воздерживаться отъ враждебныхъ противъ него дѣйствій.

Эти начала опредѣляютъ какъ предѣлы, способы примѣненія и юридическія послѣдствія военнаго занятія вообще, такъ, въ частности, и юридическое положеніе населенія занятой непріятелемъ области.

Такъ какъ власть оккупанта временна и условна и такъ какъ суверенитетъ законнаго правительства не упраздненъ, то по общему правилу *военное занятіе не должно производить существенныхъ измѣненій въ политическомъ и общественномъ строѣ и въ правовыхъ институтахъ занятой мѣстности;* поэтому оккупантъ не долженъ касаться ни политическаго и общественнаго строя, ни политическихъ правъ и обязанностей населенія. Задачи войны и интересы безопасности и порядка въ занятой мѣстности оправдываютъ лишь *временную пріостановку* политическихъ правъ населенія и нѣкоторое видоизмѣненіе мѣстныхъ правовыхъ институтовъ. Такъ, населеніе лишается на время оккупаціи права выбора депутатовъ въ парламентъ, права сходокъ и политическихъ ассоціацій, ограничивается свобода печати, пріостанавливаются обязанности населенія относительно воинской повинности и т. п. Личная и религіозная свобода населенія остаются неприкосновенны, но свобода передвиженія, почтоваго и телеграфнаго сношенія стѣсняется для пресѣченія возможности вступать въ отечественную армію или доставлять ей свѣдѣнія.

Вообще мирное населеніе должно быть охраняемо оккупантомъ въ его личныхъ, религіозныхъ и имущественныхъ правахъ и ограничиваются лишь политическія его права, обусловленныя политическимъ строемъ государства и подданническими отношеніями населенія. Такъ какъ мѣстная государственная власть не упразднена, а лишь временно устранена, то оккупанъ не въ правѣ требовать присяги отъ мирныхъ жителей, а по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей—даже отъ должностыхъ лицъ, остающихся на своихъ мѣстахъ во время непріятельской оккупаціи. Онъ не въ правѣ также принуждать жителей ни прямо, ни косвенно къ враждебнымъ

дѣйствіямъ противъ своего отечества или къ содѣйствію непріятельскимъ военнымъ операціямъ противъ него (напр. давать свѣдѣнія о движеніи отечественныхъ войскъ, быть проводниками непріятельской арміи и т. п.).

Права законодательства въ области финансовой и экономической оккупантъ имѣть не можетъ, такъ какъ оно необходимо предполагаетъ верховенство надъ территоріею, а не временное ея занятіе. Но такъ какъ на оккупантѣ лежитъ обязанность администраціи занятой имъ области, то ему предоставляется взимать существующія въ ней подати и налоги для употребленія ихъ по преимуществу на мѣстныя нужды и во всякомъ случаѣ оккупантъ въ правѣ препятствовать всякимъ денежнымъ платежамъ населенія національному правительству, т. к. они явились бы подкрѣпленіемъ средствъ сопротивленія врага.

По общему правилу мѣстныя *административныя* (особенно низшія) *власти и мѣстные суды*, уголовные и гражданскіе, продолжаютъ свою дѣятельность и во время непріятельской оккупаціи, для защиты правъ и интересовъ мирнаго населенія. Въ виду фактическаго устраненія законной верховной власти они постановляютъ свои приговоры въ безличной формѣ: „во имя закона“. Впрочемъ оккупантъ въ правѣ учредить и свои *военноуголовные* суды и прилагать къ населенію и свои уголовные законы, но лишь по скольку это вызывается необходимостью особой охраны его войскъ и спокойствія и порядка въ занятой имъ области. Въ такомъ случаѣ онъ объявляетъ жителямъ, какія наказаній угрожаютъ имъ за совершеніе извѣстныхъ преступленій. Такъ въ войнѣ 1877—78 г. русскіе военно-полевые суды и уголовныя законы примѣнялись къ бунту, шпіонству, истребленію и поврежденію колодцевъ, телеграфовъ, путей сообщенія и т. п.

Наибольшею свободою обладаетъ оккупантъ, понятно, въ *области администраціи* и охраны безопасности спокойствія и порядка въ занятой имъ области. Туземный административный персоналъ, особенно низшій, можетъ оставаться на своихъ мѣстахъ,—по справедливому замѣчанію проф. Мартенса, въ интересахъ населенія даже желательно чтобы онъ не покидалъ своей службы. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется покровительствомъ оккупанта, но подъ условіемъ добросовѣстнаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, какъ въ отношеніи населенія, такъ и оккупаціонной власти. Мирное и безоружное населеніе въ занятой непріятелемъ мѣстности пользуется неприкосновенностью въ томъ смыслѣ, что противъ него не должны быть направлены военныя операціи и что его гражданскія права должны пользоваться

охраною оккупаціонной власти. Но съ другой стороны населеніе обязано подчиняться распоряженіямъ и мѣрамъ, установленнымъ послѣднею [1]) для охраны своей безопасности и общественнаго порядка. Замѣтимъ, что коллективная отвѣтственность за правонарушенія, возможныя со стороны отдѣльныхъ гражданъ противъ оккупанта, безусловно осуждается писателями,—отвѣтственность должна быть по общему правилу личная.

Возстаніе. Практика войнъ XIX в., Либеровская полевая инструкція, Брюссельскій проектъ 1874 г. и большинство писателей признаютъ, что населеніе занятой области, пользуясь подъ властью оккупанта выгодами мира и порядка, въ случаѣ возстанія противъ него, нарушаетъ по отношенію къ оккупанту свои обязанности несопротивленія и по этому подлежитъ не только законамъ войны, но и военнополевымъ законамъ оккупанта, разсматривающимъ такое возстаніе какъ мятежъ, т. е. какъ преступленіе противъ (фактической) правительственной власти въ странѣ. Однако возстаніе оправдывается въ слѣдующихъ исключительныхъ случаяхъ: 1) Когда оккупантъ нарушаетъ обязанности свои передъ населеніемъ, требуя отъ послѣдняго дѣйствій, несовмѣстимыхъ съ обязанностями населенія относительно его законнаго правительства и отечества—напр. требуя измѣны ему. 2) Въ случаѣ нарушенія существенныхъ правъ населенія, напр. если воюющій угнетаетъ жителей чрезмѣрными реквизиціями, контрибуціями, перестаетъ охранять безопасность края. 3) Когда занятіе не столько фактическое, сколько фактивное.

Права оккупанта относительно собственности государственной и общественной и частной. Согласно основному принципу, что война есть вооруженная борьба между государствами, а не частными лицами, *законнымъ предметомъ военной добычи* признается современнымъ обычаемъ войны *только непріятельская движимая государственная собственность* и, притомъ, *непосредственно служащая цѣлямъ войны.* Сюда относятся наличные капиталы, подати и государственныя суммы, войсковыя кассы, склады оружія, запасные магазины, перевозочныя средства и всякія правительственныя *движимыя* имущества, могущія служить цѣлямъ войны. Всѣ онѣ подлежатъ захвату и подвергаются конфискаціи со стороны непріятеля.

Относительно *недвижимыхъ* госуд. имуществъ,—государ-

1) Прусскія военныя власти подвергали въ 1870—71 г. отвѣтственности общества, къ которымъ принадлежали виновные или на территоріи коихъ совершены преступленія.

ственныхъ доменовъ, рудниковъ, заводовъ, лѣсовъ, оккупантъ пріобрѣтаетъ лишь право пользованія и владѣнія, извлекая изъ нихъ доходы въ свою пользу, но безъ ихъ уничтоженія. Оккупантъ не имѣетъ узуфрукта относительно учрежденій религіозныхъ, благотворительныхъ, художественныхъ и ученыхъ, хотя бы они принадлежали государству. Оккупантъ не получаетъ usufruct'a и надъ общественною собственностью (благотворительныхъ, ученыхъ, художественныхъ и иныхъ учрежденій, банковъ, кассъ и пр.), какъ служащею интересамъ занимаемой имъ мѣстности и ея населенія, но онъ въ правѣ управлять ею и контролировать ея расходованіе. *Желѣзныя дороги,* какъ государственныя и общественныя, такъ и частныя, *телеграфы,* пароходы и т. п. имѣютъ громадную важность для стратегическихъ операцій; поэтому оккупантъ въ правѣ завладѣть ими на все время занятія, эксплуатировать ихъ и доходы брать себѣ. При заключеніи мира онъ долженъ возвратить ихъ собственникамъ и обязанъ вознаградить за убытки, если дороги и подвижной составъ принадлежали обществамъ или частнымъ лицамъ.

Что касается частной собственности, то какъ мы уже видѣли, она признается неприкосновенною во время войны. Но изъ этого общаго правила допускаются нѣкоторыя *исключенія,* именно: 1) для *предметовъ представляющихъ опасность* для непріятеля и 2) въ случаѣ крайней *необходимости извѣстныхъ предметовъ для воюющаго.* Вслѣдствіе опасности непріятель имѣетъ право отобрать у мирнаго населенія оружіе и предметы, прямо служащіе для воины, впрочемъ съ обязанностью вознагражденія за нихъ. Что же касается необходимости для воюющаго извѣстныхъ предметовъ (напр, хлѣбъ, фуражъ, подводы), то такіе предметы ему разрѣшается пріобрѣтать путемъ *реквизицій,* т. е. *принудительной доставки* ихъ мирнымъ населеніемъ *съ правомъ на вознагражденіе* за это. Реквизиціи новѣйшихъ войнъ замѣнили собою практиковавшійся въ прежнія времена грабежъ и основаны на принципѣ: la guerre doit nourrir la guerre. Степень необходимости примѣненія реквизицій зависитъ конечно отъ степени совершенства организаціи интендантской части въ непріятельской арміи, а такъ какъ отъ послѣдней въ значительной степени зависитъ успѣхъ военныхъ операцій арміи, то по мѣрѣ усовершенствованія этой организаціи должны постепенно сокращаться случаи крайней необходимости въ реквизиціяхъ. Замѣтимъ, что реквизиціи допускаются только предметныя, а *не денежныя.* По проекту Брюссельск. декларации реквизиціи могутъ назначаться только *по распоряженію командующаго войсками или отдѣльнымъ корпусомъ* и съ вознагражденіемъ

собственника, т. е. за нихъ либо должны быть уплачены деньги, либо выдаваться росписка въ полученіи съ указаніемъ рыночной стоимости взятаго, при чемъ вопросъ о вознагражденіи рѣшается при заключеніи мира. Въ войнѣ 1877-78 г. русское правительство допускало реквизицію только за деньги. Послѣ войны 1870-71 г. французское правительство уплатило 100 мил. фр. на вознагражденіе своихъ подданныхъ за прусскія реквизиціи.

Отъ реквизицій,—натуральныхъ поборовъ,—слѣдуетъ отличать *контрибуціи*, т. е. *денежныя взысканія*, налагаемыя непріятелемъ на мирное населеніе. Они въ обширныхъ размѣрахъ практиковались во всѣхъ войнахъ и, между прочимъ, во франко-прусской 1870—71 г. Въ русско-турецкой 1877-78 г. онѣ, напротивъ, совершенно не примѣнялись. Если многими писателями осуждаются реквизиціи, при которыхъ все-таки признается обязанность вознагражденія потерпѣвшихъ, то контрибуціи, не подлежащія возврату, не оправдываемыя мотивомъ абсолютной необходимости въ нихъ для непріятеля, и совершенно несовмѣстныя съ принципомъ неприкосновенности частной собственности, не могутъ найти никакого юридическаго оправданія. Тѣмъ не менѣе онѣ признаются военною практикою и находятъ защиту у большинства писателей. Брюссельская декларація разрѣшаетъ ихъ въ видѣ *замѣны податей*, законно установленныхъ національнымъ правительствомъ, въ замѣнъ *натуральныхъ повинностей* и, наконецъ, въ *видѣ пени или штрафа* за правонарушенія во вредъ непріятеля, и вообще за нарушеніе обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе войною. При этомъ Брюссельская декларація требуетъ: 1) чтобы онѣ назначались по распоряженію только *высшаго военнаго или гражданскаго начальства* непріятеля; 2) чтобы онѣ взымались съ соблюденіемъ порядка взыманія и разкладки податей, существующаго въ данной области; 3) чтобы въ нихъ выдавались квитанціи плательщикамъ. Но всѣ эти требованія относятся лишь къ контрибуціямъ реквизиціоннаго характера (т. е. взымаемымъ въ замѣнъ реквизицій), что же касается штрафныхъ контрибуцій, то при ихъ наложеніи, распредѣленіи и взыманіи должны быть соблюдаемы правила, обязательныя при примѣненіи репрессалій, т. е. они должны быть соразмѣрны правонарушенію и налагаться по распоряженію высшаго начальства съ извѣщеніемъ о томъ противника.

Прекращеніе правъ оккупанта. Вытекая исключительно изъ факта завладѣнія непріятельскою территоріею, права оккупанта прекращаются сами собою съ прекращеніемъ этого фактическаго занятія и въ *силу права постлиминія* въ осво-

божденной отъ непріятеля территоріи съ самаго момента прекращенія оккупаціи возстановляются сами собою всѣ юридическія отношенія, порядки и права, принадлежавшія государству и населенію въ предѣлахъ этой территоріи до занятія ея непріятелемъ.

Права и обязанности государства во время морской войны. Главное отличіе морской войны отъ сухопутной состоитъ въ томъ, что она задается цѣлью не только уничтожить или парализоввать военныя силы непріятеля, но и нанести ему матеріальный вредъ разореніемъ его торговли. Отсюда сохранившійся до нынѣ во время морской войны обычай захвата непріятельской частной собственности на морѣ. Въ прежнія времена онъ совершался даже частными каперами; съ 1856 г. каперство отмѣнено и въ настоящее время для нанесенія вреда непріятельской морской торговлѣ употребляются только военые крейсеры.

Вообще нужно замѣтить, что въ примѣненіи къ морскимъ войнамъ признаніе неприкосновенности частной собственности издавна встрѣчало наиболѣе упорное сопротивленіе даже со стороны юристовъ. Объясняется это, конечно, и историческими причинами. Подъ вліяніемъ господствовавшей до конца XVIII в. меркантильной и колоніальной системы морскихъ державъ, главною цѣлью морскихъ войнъ ставилось разореніе морской торговли противника, (какъ главной основы его морского могущества), а слѣд.—и захватъ частной собственности. Съ другой стороны, чисто военныя операціи на морѣ не даютъ тѣхъ результатовъ, какіе достигаются ими въ сухопутной войнѣ,—даже уничтоженіе военнаго флота противника не даетъ иногда рѣшительной побѣды,—а отсюда стремленіе воюющихъ усилить дѣйствіе военныхъ морскихъ операцій нанесеніемъ возможно большаго вреда торговлѣ противника. Исторія представляетъ нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ отмѣны захвата частной собственности на морѣ (напр. договоръ С. Штатовъ съ Пруссіею 1785 г., проектъ декрета франц. законодат. собранія 1792 г., въ войнѣ 1866 г. воюющіе отказались отъ захвата купеческихъ кораблей), но все-таки захватъ этотъ остается въ силѣ въ международной практикѣ до настоящаго времени, хотя въ литературѣ международнаго права число защитниковъ принципа неприкосновенности частной собственности постоянно возрастаетъ. (См. у Даневскаго, вып. II, стр. 127 сл.). Всѣ рѣшительно писатели признаютъ законность захвата непріятельскаго частнаго судна и груза въ тѣхъ только случаяхъ, когда они предназначаются на усиленіе непріятеля, именно—при подвозѣ военной контрабанды и при нарушеніи блокады.

Праву захвата подчиняется непріятельское частное имущество, находящееся на водѣ: суда и грузъ. Судно считается непріятельскимъ, когда оно идетъ подъ непріятельскимъ флагомъ и если это доказывается его паспортомъ. Непріятельскимъ грузомъ считается тотъ, собственники котораго подданные противной стороны. Право дѣлать захваты наступаетъ съ самаго начала войны или по истеченіи извѣстнаго опредѣленнаго воюющими срока. Судамъ, которыя по невѣдѣнію о начавшейся войнѣ входятъ въ непріятельскія гавани, долженъ быть данъ срокъ для обратнаго отплытія. *Захватъ или присвоеніе* производится исключительно военными судами воюющихъ. Захваченный корабль или грузъ наз. *призомъ*. Призы можно захватывать въ водахъ собственныхъ, или непріятельскихъ или въ открытомъ морѣ, но не въ нейтральныхъ водахъ. Захваченное судно отводится захватителемъ въ ближайшую гавань своего или союзнаго (не нейтральнаго) государства. Обыкновенно, захваченное судно считается пріобрѣтеннымъ лишь послѣ двадцатичетырехъ часоваго обладанія имъ, или послѣ отвода его въ гавань. Но для окончательнаго завладѣнія судомъ со стороны арестующаго государства необходимо еще, чтобы компетентный *призовой судъ*, призналъ за арестующимъ государствомъ права собственности на его призъ.

Въ связи съ практикуемымъ въ морской войнѣ нанесеніемъ вреда не только непріятельскимъ военнымъ силамъ, но и торговлѣ и частной собственности, объясняется и особый характеръ *морской осады* или *блокады*. Въ отличіе отъ осады цѣль блокады, какъ военнаго средства, заключается не въ томъ, чтобы взять обложенный пунктъ, а въ томъ, чтобы сломить сопротивленіе врага, прекращая торговыя его сношенія и нанося ему так. обр. матеріальный ущербъ. Поэтому въ отличіе отъ осады, блокадѣ могутъ подлежать не только военные или укрѣпленные непріятельскіе порты, но всѣ его порты, берега и устья рѣкъ. Само собой разумѣется, что блокада устьевъ рѣкъ можетъ быть признана законной только когда вся судоходная часть рѣки протекаетъ по непріятельской территоріи. Блокада признается законною въ томъ только случаѣ, если блокирующія суда дѣлаютъ по своему расположенію доступъ въ блокируемое мѣсто дѣйствительно невозможнымъ или крайне опаснымъ. Временное удаленіе блокирующей эскадры вслѣдствіе непогоды не прерываетъ блокады. Съ другой стороны, въ виду, въ особенности, тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія влечетъ за собою нарушеніе блокады, т. е. попытка пройти сквозь блокадную линію, не только для непріятельскихъ, но и для

нейтральныхъ судовъ, для международнаго признанія блокады требуется *предварительное объявленіе* объ ней. Объявленіе это должно быть двоякаго рода: *общее* (дипломатическая нотификація), состоящее въ обнародованіи этой мѣры, съ цѣлью поставить въ извѣстность нейтральныя государства, какіе пункты непріятельскаго берега блокируются и на какомъ пространствѣ, и *спеціальное*, заключающееся въ оповѣщеніи о блокадѣ каждаго приближающагося судна, такъ какъ оно можетъ не знать о существованіи блокады. Въ прежнія времена объявленіе о блокадѣ само по себѣ признавалось воюющими достаточнымъ для того, чтобы имѣть право на захватъ въ открытомъ морѣ кораблей, которые направлялись въ блокированное только на бумагѣ мѣсто или выходили изъ него. Такое злоупотребленіе вызвало противодѣйствіе со стороны нейтральныхъ державъ и съ 1780 г. (со времени Акта о вооруженномъ нейтралитетѣ и Парижской морской декларації 1856 г.) *фиктивная* или *кабинетная*, т. е. только объявленная и не поддерживаемая дѣйствительными морскими силами блокада не признается обязательною для нейтральныхъ. *Нарушеніемъ* блокады признается всякая *попытка пройти* сквозь блокадную линію судна, *знавшаго* о существованіи блокады. Но для того, чтобы считаться нарушителемъ блокады, судно должно быть задержано *in delicto* на мѣстѣ преступленія,—одного намѣренія недостаточно. Виновное въ нарушеніи блокады судно можетъ быть преслѣдуемо и въ открытомъ морѣ, но если ему удалось достигнуть нейтральнаго порта, то вина его погашается. Не считается нарушителемъ блокады нейтральное судно, вошедшее въ блокированный портъ съ цѣлью укрыться отъ непогоды.

Непріятельское судно, захваченное въ открытомъ морѣ или нейтральное, захваченное за нарушеніе блокады отводится въ одинъ изъ портовъ воюющей или блокирующей державы для рѣшенія дѣла объ немъ *призовымъ судомъ* воюющей державы. До рѣшенія дѣла судомъ, взятель не въ правѣ распорядиться захваченнымъ судномъ и грузомъ. Только такой захватъ непріятельской собственности (судна, груза) признается *законнымъ*, который утвержденъ приговоромъ призоваго суда; въ такомъ случаѣ захваченная собственность признается законнымъ *призомъ* взятеля, который получаетъ либо весь призъ, либо часть его.

Призовые суды учреждаются воюющими государствами самостоятельно на собственной ихъ территоріи или въ предѣлахъ союзныхъ съ ними, но не нейтральныхъ государствъ. Они организуются или исключительно изъ чиновъ судебнаго

вѣдомства (въ Англіи) или носятъ смѣшанный судебно-административный характеръ (въ Россіи и нѣкот. др. странахъ) *).

Воюющее государство имѣетъ право подвергать подданныхъ нейтральнаго государства, которые находятся на его территоріи или въ занятой непріятельской мѣстности, всѣмъ мѣрамъ, вызваннымъ военнымъ временемъ и военною необходимостью и обязательнымъ также для собственныхъ его подданныхъ" (Мартенсъ). Такъ оно можетъ захватить находящіяся въ его портахъ нейтральныя коммерческія суда и воспользоваться ими для своихъ военныхъ цѣлей (jus angariae).

Нейтралитетъ. Государства, активно не участвующія въ войнѣ, называются нейтральными. Выработка ученія о нейтралитетѣ принадлежитъ новѣйшему времени. Понятіе о немъ создавалось преимущественно въ морской войнѣ, а относительно торговли, уже съ конца среднихъ вѣковъ; только въ концѣ XVIII вѣка оно приняло благодаря иниціативѣ Россіи (актъ вооруженн. нейтралитета 1780 г.) опредѣленное прогрессивное направленіе. Затѣмъ, въ началѣ нашего столѣтія, въ Наполеоновскихъ войнахъ, замѣтенъ какъ бы регрессъ на практикѣ, но доктрина все продолжала идти впередъ и Парижская декларація 1856 года санкціонировала правила, выработанныя ею.

Виды нейтралитета. Нейтралитетъ бываетъ договорнымъ или обязательнымъ и добровольнымъ. Нѣкоторыя государства (Швейцарія съ 1815 г., Бельгія съ 1831 г., Люксембургъ съ 1869 г.) *нейтрализованы* въ силу междун. договоровъ и на вѣчныя времена. они обязаны оставаться нейтральными, хотя могутъ отказаться на свою отвѣтственность отъ своего нейтралитета. Государства также могутъ быть обязаны по договорамъ сохранять свой нейтралитетъ лишь въ опредѣленной войнѣ. Кромѣ такихъ случаевъ, нейтралитетъ для каждаго государства *добровольнъ*; вообще за исключеніемъ особыхъ соглашеній, каждое государство конечно имѣетъ право, въ случаѣ войны между другими государствами, оставаться нейтральнымъ. Въ этомъ заключается вся разница между простымъ, *добровольнымъ* нейтралитетомъ съ одной стороны и *договорнымъ*, обязательнымъ нейтралитетомъ съ другой.

Нейтралитетъ бываетъ *вооруженный*, если нейтральное государство выставляетъ для его защиты войска, что происходитъ обыкновенно, когда воюющія государства сосѣди нейтральнаго. Юридически невѣрно понятіе *доброжелательнаго* нейтралитета. Особенная и дѣйствительная доброжела-

*) Подробности см. у Мартенса II. стр. 531 сл. (§ 125—126).

тельность, отказываемая одному изъ воюющихъ, есть принятіе стороны одного противъ другого, но пока она не выражается активнымъ участіемъ для оказанія *матеріальной помощи*, она не можетъ считаться нарушеніемъ нейтралитета.

Обязанности и права нейтральныхъ. Хотя нейтралитетъ не участвующихъ въ войнѣ державъ всегда предполагается самъ собою и особаго объявленія объ немъ не требуется, но при началѣ войны нейтральныя государства часто издаютъ декларації, въ которыхъ они объявляютъ о фактѣ своего нейтралитета и о правилахъ, которымъ они намѣрены слѣдовать при соблюденіи его. Въ то же время обыкновенно и воюющіе издаютъ точно также заявленія, которыми они извѣщаютъ нейтральныхъ, какія права они за ними признаютъ и чего съ другой стороны, они отъ нихъ ожидаютъ.

Вообще *обязанности* нейтральныхъ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Нейтральное государство должно воздерживаться отъ всякаго активнаго вмѣшательства въ войну, т. е. оно не должно оказывать ни тому, ни другому изъ воюющихъ никакой *матеріальной* помощи противъ его противника. Поэтому нейтральное правительство не должно доставлять воюющимъ никакого оружія, *равно какъ и денегъ, съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ.*

Спорнымъ является вопросъ о томъ, обязано ли нейтральное государство отказывать воюющимъ въ заключеніи государственнаго денежнаго займа (Англія не разрѣшила Франціи займа въ 1870 году); во всякомъ случаѣ было бы непозволительно, еслибы одному изъ воюющихъ дали возможность сдѣлать заемъ, а другому—нѣтъ.

2) Нейтральное государство, какъ другъ, или non hostis обоихъ воюющихъ, должно держать себя *безпристрастно.* Нарушеніе безпристрастія выраженіемъ сочувствія одной изъ сторонъ въ печати, въ парламентѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и всякая иная нравственная поддержка не можетъ быть признана нарушеніемъ нейтралитета, такъ какъ въ этомъ случаѣ нѣтъ со стороны нейтральнаго матеріальной поддержки воюющаго. Безпристрастіе въ поведеніи нейтральнаго состоитъ лишь въ томъ, чтобы не отказывать одной изъ воюющихъ сторонъ въ томъ, что разрѣшается другой.

3) Нейтральное государство обязано не допускать *на своей территоріи* никакихъ враждебныхъ дѣйствій или продолженія ихъ со стороны воюющихъ.

Нейтральная территорія на сушѣ и водѣ не можетъ быть театромъ непріятельскихъ дѣйствій. Мало того, въ предѣлахъ нейтральной территоріи безусловно запрещаются не только

военныя операціи, но и всякія вообще дѣйствія, преслѣдующія военныя цѣли. Нейтральное государство должно защищать неприкосновенность своей территоріи; оно должно заботиться, чтобы его владѣнія уважались воюющими и всякое нарушеніе воюющими неприкосновенности территоріи нейтральнаго уполномочиваетъ послѣдняго на насильственное его отраженіе и требованіе удовлетворенія, а въ случаѣ отказа—на репрессаліи и даже войну, съ нарушеніемъ нейтралитета. Если солдаты воюющихъ вступаютъ въ его территорію намѣренно или ненамѣренно, отдѣльно или цѣлыми отрядами, оно должно ихъ обезоруживать, задерживать и водворять съ примѣненіемъ къ нимъ правилъ военнаго плѣна въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ театра войны. Оно въ правѣ потребовать вознагражденіе за ихъ содержаніе отъ отечественнаго ихъ государства. (Примѣръ—армія ген. Бурбаки въ Швейцаріи въ 1870 г.). Недопускается равнымъ образомъ провозъ военныхъ снарядовъ и аммуниціи, а тѣмъ болѣе—войскъ черезъ нейтральную территорію а насильственный проходъ арміи черезъ нейтральную территорію можетъ быть признанъ нейтральнымъ за casus belli. Но разрѣшеніе провоза больныхъ и раненыхъ воиновъ, принадлежащихъ къ воюющимъ арміямъ, черезъ нейтральное государство, не нарушаетъ нейтралитета.

Вообще нейтральная территорія не должна служить никакимъ образомъ воюющимъ: напр. для положенія телеграфнаго кабеля. Военныя суда воюющихъ могутъ плавать по территоріальному морю нейтральныхъ, но военныя дѣйствія не должны предприниматься въ его предѣлахъ и взятыя въ нейтральныхъ водахъ призы не дѣйствительны.

Если военное судно одного изъ воюющихъ *принуждено непогодою* (force majeure) зайти въ нейтральную гавань, ему это дозволяется. Также ему должно быть позволено оправиться отъ аваріи, запастись неоходимымъ провіантомъ и углемъ въ количествѣ необходимомъ для перехода до ближайшаго отечественнаго порта, но не боевыми снарядами. Тоже самое должно дозволяться въ случаѣ надобности и судамъ другихъ воюющихъ. Какъ только судно готово опять для дальнѣйшаго пути, оно должно покинуть гавань. Если же въ нейтральной гавани сойдутся при такихъ обстоятельствахъ суда воюющихъ, то по уходѣ одного, другое задерживается въ продолженіи не менѣе 24 часовъ.

Какъ на нейтральной территоріи не должны быть захватываемы призы, такъ тамъ не должны быть произносимы судебные приговоры о призахъ, а также, не должна имѣть мѣста и продажа приговореннаго судна.

4) Нейтральное государство не должно разрѣшать активнаго участія въ войнѣ со стороны *своихъ подданныхъ*. Оно отвѣтственно передъ воюющими за то, что дѣлаютъ его подданные *на его территоріи*. Для правительства не можетъ служить оправданіемъ то, что оно не въ состояніи воспрепятствовать нарушенію обязанностей нейтралитета своими подданными.

Однако нейтральное государство не обязано имѣть надзоръ надъ своими подданными внѣ своей территоріи и исполнять на пользу воюющихъ особыя полицейскія обязанности. Сообразно съ практикой многихъ державъ, нейтральное государство можетъ допускать на своей территоріи *вербовку* солдатъ для одного изъ воюющихъ, если оно позволяетъ тоже самое и для другого. Но съ понятіемъ нейтралитета болѣе согласуется запрещеніе всякихъ такихъ вербовокъ. На сколько подобная вербовка допустима зависитъ вообще отъ внутренняго законодательства каждой страны. Foreign enlistment act американскій 1818 г. и англійскій 1819 и 1870 г. запрещаютъ вступленіе на службу воюющихъ державъ. Эти правила конечно не касаются простого вступленія отдѣльныхъ частныхъ лицъ, не состоящихъ на службѣ нейтральнаго государства, въ военную службу того или другого изъ воюющихъ;—впрочемъ и этотъ вопросъ также дѣло внутренняго права. Если нейтральное государство дозволитъ своимъ подданнымъ вступленіе въ войско одного изъ воюющихъ, то оно не можетъ запретить имъ службы въ войскѣ другого. Офицеры, состоящіе на службѣ нейтральнаго государства, могутъ вступить подъ знамена воюющихъ лишь выйдя въ отставку, въ противномъ случаѣ является основаніе къ обвиненію ихъ отечества въ нарушеніи нейтралитета. Само собою разумѣется, что отдѣльные подданные нейтральныхъ, вступившіе въ составъ непріятельскихъ вооруженныхъ силъ, разсматриваются какъ воюющіе, подлежатъ лично законамъ войны и военнаго плѣна, но ихъ правительство за нихъ не отвѣчаетъ.

Продажа, снаряженіе и снабженіе военныхъ судовъ или каперовъ экипажемъ въ пользу воюющихъ есть нарушеніе нейтралитета. Нейтральное правительство „обязано приложить надлежащее стараніе (due diligence), чтобы воспрепятствовать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, снаряженію, вооруженію, или снабженію экипажемъ какого либо судна, которое оно, съ достаточнымъ основаніемъ можетъ считать предназначеннымъ для военныхъ операцій противъ государства, съ которымъ нейтральное находится въ мирныхъ отношеніяхъ“ [1]).

1) Вашингтонскій договоръ 1871 г. и Правила Института междун. права (Гага 1875 г.)

Подданнымъ нейтральнаго государства не должно быть дозволено принимать отъ одного изъ воюющихъ порученія заниматься каперствомъ.

Права нейтральнаго государства относительно воюющихъ можно выразить въ положеніи, что нейтральное государство имѣетъ право оставаться по возможности *незатронутымъ войной*. Его территорія неприкосновенна; его права на независимость, на самосохраненіе, на уваженіе остаются незатронутыми.

Вытекающія изъ нейтралитета права и обязанности въ общемъ одинаковы, идетъ ли дѣло о нейтрализованныхъ государствахъ, или о такихъ, которыя нейтральны добровольно.

Если нейтральное государство окажется виновнымъ въ нарушеніи возложенной на него обязанности нейтралитета, то воюющая сторона, потерпѣвшая отъ этого, можетъ требовать отъ него вознагражденія, или же объявить, что она не считаетъ для себя обязательнымъ нейтралитетъ, который нейтральное государство не сумѣло сохранить, и намѣрена дѣйствовать единственно въ своихъ интересахъ; вслѣдъ за этимъ она и съ своей стороны также можетъ нарушить нейтралитетъ, который не былъ соблюденъ самимъ нейтральнымъ.

Нейтральная собственность на морѣ. Относительно нейтральной собственности на морѣ Consolato del mare по принципу Suum cuique постановлена неприкосновенность нейтральной собственности на непріятельскомъ суднѣ и конфискаціи непріятельской на нейтральномъ. Этотъ принципъ усвоенъ былъ англійскою практикою, между тѣмъ какъ Голландія отстаивала правило, что нейтральный флагъ покрываетъ и непріятельскій грузъ и что на нейтральномъ суднѣ можетъ быть конфискована только военная контрабанда. Этотъ послѣдній принципъ, основанный на отождествленіи нейтральнаго судна съ нейтральною территоріею, принятъ и нынѣ дѣйствующимъ международнымъ правомъ (Парижская декларація 1856 г.).

Нейтральная торговля. Нейтральное государство имѣетъ неотъемлемое право на продолженіе во время войны мирныхъ сношеній съ воюющими странами, на сколько это фактически возможно. Въ особенности война не прекращаетъ, сама по себѣ, права нейтральнаго государства и его подданныхъ на торговыя сношенія съ воюющими и только блокада, законнымъ образомъ установленная, и запрещеніе военной контрабанды ограничиваютъ въ этомъ отношеніи свододу нейтральныхъ.

Правиломъ всетаки остается *свобода торговли*. Поэтому, и согласно съ вышесказаннымъ, нейтральное правительство

не обязано запрещать своимъ подданнымъ опредѣленной, вредной для одного изъ воюющихъ торговли и неотвѣтственно, если они производятъ таковую на свой собственный рискъ; но каждый воюющій, съ своей стороны, имѣетъ право воспрепятствовать этой вредной ему торговлѣ, равно какъ и всякой торговлѣ съ мѣстами, которыя онъ блокируетъ. Англійское правительство держится того мнѣнія, что хотя англійскимъ подданнымъ и запрещается заниматься военной контрабандой, но отвѣтственность за нарушеніе этого запрещенія лежитъ на самихъ виновныхъ, которые лишаются своей собственности въ случаѣ захвата; наказывать же ихъ за это въ Англіи нѣтъ основаній, такъ какъ они не совершаютъ никакого преступленія противъ своего отечества.

Сообразно съ этимъ, по дѣйствующему международному праву вообще не воспрещается подданнымъ нейтральныхъ государствъ продавать *оружіе и боевые снаряды* воюющему, если только допускается продажа и другому. Посылаемые подданными нейтральнаго государства, оружіе и военные припасы, конечно, могутъ быть конфискованы воюющимъ, какъ военная контрабанда; нейтральное правительство не въ правѣ въ этомъ случаѣ вступиться за своихъ подданныхъ. Тѣже правила относятся и къ *найму* судовъ для *перевозки военнаго матеріала*.

Продажа съѣстныхъ припасовъ, *провіанта* и т. п. для всѣхъ свободна.

Военной контрабандой называются товары, который особенно употребляются для военныхъ дѣйствій и способны увеличить собой разрушительныя средства воюющихъ. Само собою ясно, что нейтральное правительство не выполнило бы своихъ обязанностей, если бы само стало доставлять такіе предметы одному изъ воюющихъ. Военную контрабанду составляютъ прежде всего предметы, служащіе *прямо непосредственно войнѣ*: оружіе всякаго рода; матеріалъ и боевые снаряды для огнестрѣльнаго оружія, взрывчатыя вещества и принадлежности для взрывовъ (мины, торпеды, динамитъ), перевозочныя средства, предметы для обмундированія и экипировки, войска, перевозимыя для воюющихъ, ихъ военные агенты и переписка. Всѣ эти предметы безусловно подлежатъ конфискаціи.

Далѣе слѣдуютъ вещи, *косвенно* могущія служить для военныхъ цѣлей: каменный уголь, машины для судовъ, рельсы, канаты, паруса, смола, деготь, лошади. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, основанному на практикѣ нѣкоторыхъ государствъ, такіе предметы двоякаго употребленія (res ancipitis usus) конфискуются только тогда, когда обстоятельства по-

казываютъ намѣреніе увеличить ими военныя средства противника. Съ этимъ мнѣніемъ однако не соглашается институтъ международнаго права (Венеція 1896).

Въ настоящее время ни съѣстные припасы, ни деньги не подводятся обыкновенно подъ понятіе о контрабандѣ. Рѣшительное значеніе для состава преступленія доставки военной контрабанды имѣетъ назначеніе судна съ военною контрабандой въ непріятельскій портъ. Поэтому для захвата и конфискаціи необходимо, чтобы нейтральный былъ застигнутъ съ запрещеннымъ грузомъ въ открытомъ морѣ или въ водахъ воюющаго и чтобы грузъ этотъ предназначался въ порты воюющаго. Но мнѣнію института междун. права (Венеція 1896) „назначеніе груза для воюющаго предполагается въ случаѣ, если онъ направляется въ одинъ изъ его портовъ или хотя и въ нейтральный, но лишь попутно, такъ что этотъ заходъ въ нейтральный портъ служитъ лишь этапомъ одной и той же торговой операціи". *По совершеніи* акта доставки контрабанды судно не подлежитъ отвѣтственности передъ воюющимъ.

Въ случаѣ захвата судна съ контрабандою, можетъ быть конфисковано и судно, и грузъ. Впрочемъ судно конфискуется въ томъ только случаѣ, если хозяинъ его зналъ о составѣ груза и его назначеніи. Также и грузъ конфискуется сполна только въ томъ случаѣ, если контрабанда составляетъ не менѣе $^3/_4$ цѣнности всего груза или весь грузъ принадлежитъ одному лицу. Предметы двоякаго употребленія не конфискуются, а либо арестуется на время войны, либо отбираются съ вознагражденіемъ собственника (это послѣднее правило признано институтомъ международнаго права. Венеція 1896 г.).

Нарушеніе блокады. Нейтральнымъ судамъ, проникшимъ въ портъ до объявленія блокады, разрѣшается свободный выходъ изъ него съ грузомъ или безъ онаго; иногда это право ограничивается извѣстнымъ срокомъ (отъ 1 до 6 недѣль). *Каждое нейтральное судно,* которое несмотря на *дѣйствительную* блокаду, надлежащимъ образомъ объявленную и *ему извѣстную,* старается хитростью или насиліемъ проникнуть въ блокированное мѣсто, дѣлается виновнымъ въ *нарушеніи блокады*: за это оно захватывается, отводится затѣмъ къ призовому суду, который, въ случаѣ признанія захвата правильнымъ, присуждаетъ судно къ конфискаціи. Грузъ состоящій изъ военной контрабанды, конфискуется. Прочіе товары конфискуется лишь смотря по тому, было ли извѣстно владѣльцу намѣреніе шкипера, причемъ отъ владѣльца требуютъ доказательства, что назначеніе судна ему было неизвѣстно.

Не можетъ быть захвачено судно, загнанное бурей или иною force majeure въ сферу блокирующей эскадры.

Право осмотра. Дая воспрепятствованія нейтральнымъ заниматься запрещенною торговлею (военной контрабандой), для удостовѣренія, не направляется-ли нейтральное судно въ блокированный портъ и для удоствѣренія въ дѣйствительной принадлежности судна нейтральному государству, военнымъ судамъ воюющихъ государствъ присвоивается право *осмотра* нейтральныхъ судовъ въ открытомъ морѣ и въ водахъ воюющихъ (но не нейтральныхъ) державъ. Осмотръ состоитъ въ провѣркѣ корабельныхъ бумагъ и допросѣ экипажа. Въ случаѣ недостаточности документовъ или подозрѣнія въ подложности ихъ или невѣрномъ показаніи экипажа, дозволяется *обыскъ* нейтральнаго корабля. Не подлежатъ осмотру нейтральныя военныя суда, почтовые пакетботы и коммерческія суда идущія подъ конвоемъ военнаго судна.

Государственная территорія.

Государственная территорія и населеніе—необходимыя условія существованія государства, какъ субъекта международнаго права, и вопросъ о государственной территоріи имѣетъ огромное значеніе въ сферѣ международныхъ отношеній. Важность этого вопроса обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что госуд. территорія имѣетъ большое вліяніе на направленіе политики даннаго государства. Такъ, если государство не достигло своихъ такъ называемыхъ естественныхъ границъ, то оно обыкновенно стремится къ ихъ достиженію, такъ какъ стратегія всегда утверждала, что безопасность государства можетъ быть наилучше ограждена лишь въ томъ случаѣ, когда государство опирается на свои естественныя границы, каковыми признаются горныя цѣпи, моря, рѣки, степи. (Стремленіе Московскаго государства къ морю для безпрепятственныхъ сношеній съ Зап. Европой). Съ другой стороны предѣлами государственной территоріи *опредѣляются предѣлы верховной государственной власти въ международной сферѣ.*

Подъ государственной территоріей разумѣется пространство земли и воды, подчиненное исключительно верховной власти одного даннаго государства—его территоріальной власти, которая выражается въ верховномъ исключительномъ господствѣ его надъ опредѣленной территоріей и надъ всѣмъ тѣмъ, что на ней находится и въ вытекающемъ отсюда исключительномъ правѣ распоряженія ею, поскольку

сама же государственная власть не ограничиваетъ этого своего права въ пользу другихъ государствъ въ интересахъ международнаго общенія. Государство имѣетъ надъ территоріею право верховнаго господства въ публично-правовомъ смыслѣ, изъ чего проистекаютъ юридическія послѣдствія: права на пріобрѣтеніе и отчужденіе территоріи (при извѣстныхъ условіяхъ), право на ограниченіе своего территоріальнаго верховенства въ интересахъ другихъ государствъ, наконецъ—право государства на распространеніе своей власти и контроля надъ всѣми предметами и лицами, находящимися на территоріи, т. е. права *территоріальнаго верховенства сводятся къ совокупности публичныхъ правъ*, а не частной собственности (не dominium, a imperium).

Главное различіе между imperium и dominium состоитъ въ томъ, что частноправовой dominium состоитъ подъ охраной публично-правоваго imperium'a. Государство и само можетъ имѣть, кромѣ общаго территоріальнаго imperium'a, еще и dominium, по началамъ частнаго права, на извѣстныя части государственной территоріи наравнѣ съ частными лицами (государствен. домены) и, такимъ образомъ, можетъ быть частнымъ собственникомъ. Но по отношенію къ частнымъ имуществамъ, находящимся въ предѣлахъ территоріальной власти государства, послѣднему принадлежитъ лишь верховное право покровительства и распоряженія въ сферѣ публичнаго права (imperium), но не собственность по началамъ частнаго права. Поэтому при смѣнѣ территоріальной власти (переходъ территоріи къ другому государству) владѣльческія права частныхъ лицъ остаются неприкосновенными. Государство въ качествѣ верховнаго блюстителя государственныхъ и общественныхъ интересовъ, имѣетъ на имущество своихъ подданныхъ и иностранцевъ, владѣющихъ недвижимыми имуществами въ его предѣлахъ, лишь право распоряженія (dominium eminens) ради соображеній общественной пользы (право экспропріаціи) или необходимости, напр., уничтожить частную собственность съ вознагражденіемъ собственника или даже безъ вознагражденія.

Изъ общаго понятія территоріальной власти государства вытекаетъ не только право распоряженія ея тѣми землями, которыя, входя въ составъ территоріи, не принадлежатъ никому—не освоены или покинуты владѣльцами, но и право присвоенія ихъ на правахъ частной собственности. Поэтому присвоеніе незанятыхъ земель безъ разрѣшенія государства не должно имѣть мѣста; такія безхозяйныя вещи (res nullius) которыя, по ученію римскихъ юристовъ, принадлежатъ въ собственность первому ими завладѣвшему, въ сущности не

безхозяйны, — какъ часть государственной территоріи, онѣ принадлежатъ прежде всего территоріальной власти, отъ которой уже зависитъ опредѣлить, на какихъ условіяхъ она согласна предоставить ихъ во владѣніе частныхъ лицъ.

Ограниченія террит. власти возможны лишь съ ея согласія: 1) вытекающія изъ общихъ началъ междун. права (экстерриторіальность); 2) установленныя договорами ради цѣлей междун. общенія (сервитуты). Въ отличіе отъ частной собственности, государственная территорія *недѣлима* и *не отчуждаема* по началамъ частнаго права. Этотъ принципъ недѣлимости и неотчуждаемости установился одновременно съ централизаціей государственной власти на рубежѣ новаго времени и среднихъ вѣковъ и служитъ однимъ изъ характерныхъ свойствъ новаго взгляда на государство, смѣнившаго средневѣковой, отождествлявшій территоріальную государственную власть и право собственности монарха на государственную территорію. Вмѣстѣ съ этимъ средневѣковымъ патримоніальнымъ (вотчиннымъ) взглядомъ на государственную территорію отвергнуты и частно-правовые способы пріобрѣтенія и отчужденія ея (по завѣщанію, дарѣнію, наслѣдованію и т. д. Такимъ образомъ принципъ недѣлимости и неотчуждаемости является однимъ изъ спутниковъ признанія національнаго единства государствъ, ибо территорія подобно населенію есть главная матеріальная основа государства. Тѣсная связь между государствомъ и территоріей проявляется и въ томъ, что составъ территоріи—компактность, сплоченность или же раздробленность ея—нисколько не вліяетъ на самый принципъ единства территоріальной власти: всѣ территоріальныя владѣнія государства, гдѣ бы они ни находились, разсматриваются какъ одно цѣлое, ибо подчинены одной общей имъ государственной власти.

Границы государства. Границы государственной территоріи, обозначая физическіе предѣлы господства территоріальной власти и дѣйствія законовъ данной страны, указываютъ, гдѣ начинается власть одного государства и кончается—другого. Слѣдовательно, уже съ точки зрѣнія внутренняго управленія нельзя не желать такого разграниченія между государствами, которое не возбуждало бы сомнѣній. Еще болѣе необходимымъ представляется оно для мирныхъ и правильныхъ сношеній между народами, ибо пограничныя столкновенія, вызываемыя неопредѣленностью границъ, не только порождаютъ недоразумѣнія между государствами, но и служатъ тормазомъ, препятствующимъ развитію международныхъ пограничныхъ оборотовъ.

По своему характеру границы бываютъ: естественныя, или физическія и договорныя (условныя, искусственныя).

А) Подъ *естественными* границами надлежитъ разумѣть такія, которыя опредѣляются топографическимъ очертаніемъ страны (горы, моря, рѣки, степи, озера).

Въ положительномъ международномъ правѣ господствуютъ слѣдующія начала, примѣняемыя къ естественнымъ границамъ: 1) относительно *морскихъ границъ* принято, какъ общее правило, что прибрежныя государства простираютъ свою власть надъ моремъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла съ берега. Это начало формулируется афоризмомъ, который еще въ XVIII в. высказанъ Бинкершукомъ: „terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis“ или „quousque mari a terra imperari potest“. Но такъ какъ пушечный выстрѣлъ въ виду постоянныхъ усовершенствованій въ артиллеріи является мѣрой весьма неопредѣленной, то государства въ силу соглашеній между собою устанавливаютъ обыкновенно морскую границу въ 3—5 морскихъ англійскихъ миль отъ берега.

2) Второй естественной границей считаются *рѣки и озера*. Если рѣкою раздѣляются государства, то за пограничную линію между ними принимается *средина тальвега*, *т. е. фарватера* рѣки съ цѣлью возможности пользованія рѣкою обоими пограничными государствами. Если рѣка измѣняетъ русло, то границею считается средина стараго русла. Фарватеромъ опредѣляется и принадлежность прибрежнымъ государствамъ *рѣчныхъ острововъ*.

3) Если государства отдѣляются другъ отъ друга *горами*, то границею считается хребтовая линія, или линія водораздѣла.

4) Наконецъ, *степи* стѣсняютъ сообщеніе между государствами и въ этомъ отношеніи могутъ и въ наше время считаться естественными границами.

В) *Искусственныя*, договорныя границы, опредѣляются *путемъ соглашенія* государствъ, въ демаркаціонныхъ актахъ. Внѣшними знаками такихъ границъ служатъ столбы, рвы, плавучія бочки и т. д. Точное опредѣленіе границы и, въ особенности, поддержаніе знаковъ, по которымъ она можетъ быть распознаваема, имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ изъ-за нея возможны споры и столкновенія между населеніемъ и пограничными властями сосѣднихъ государствъ.

Государственныя границы являются результатомъ либо полюбовнаго соглашенія государствъ, либо войны, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ воля побѣдителя, а въ основаніе разграниченія и проведенія пограничной черты кладется обыкновенно теорія естественныхъ границъ (особенно—горы, рѣки и живыя урочища).

Въ виду искусственности существующей нынѣ системы государственныхъ границъ, за послѣднее время публицисты занялись изысканіемъ раціональныхъ принциповъ разграниченія. Въ числѣ попытокъ этого рода заслуживаетъ вниманія теорія нѣмецкаго публициста *Штернегга*, который требуетъ, чтобы при разграниченіи государствъ соблюдались такъ называемыя имъ *соціальныя границы*, опредѣляемыя экономическими условіями разграничиваемыхъ мѣстностей и духовными особенностями ихъ населенія. „Нельзя, по его мнѣнію, отдѣлять отъ территоріи государства какую-нибудь часть, составляющую съ нею одну хозяйственную единицу, ибо каждая область должна представлять извѣстное экономическое цѣлое съ точки зрѣнія производства и потребленія; соотвѣтственно этому должны быть установляемы границы между государствами. Взаимное тяготѣніе областей и ихъ населенія, обусловливаемое главнымъ образомъ экономическими и матеріальными интересами, постоянно проявляется въ исторіи".

Подобныя теоріи исходятъ изъ сознанія необходимости разумныхъ началъ въ политикѣ государства, а не случайностей, какія неизбѣжны даже при соблюденіи принципа такъ называемыхъ естественныхъ границъ. Существуютъ еще теоріи *національныхъ* и естественныхъ границъ, но возводить ихъ въ безусловный политическій принципъ врядъ ли возможно, потому что на практикѣ возможны злоупотребленія ими.

Критика теоріи границъ.

1) *Договорныя границы* искусственны; будучи въ большинствѣ случаевъ результатомъ войнъ, онѣ обусловливались преимущественно усмотрѣніемъ и требованіями побѣдителей.

2) Въ пользу *естественныхъ границъ* говорятъ, что достигнувъ ихъ, государства теряютъ побужденія къ дальнѣйшему расширенію. На это отвѣтъ: естественная граница— понятіе субъективное и теорія естественныхъ границъ всегда служила удобнымъ орудіемъ для завоевателей и захватовъ. (Польша считала своей естественной границей Днѣпръ и зап. Двину; Франція—Рейнъ; необходимость „округленія" границъ—постоянный мотивъ въ войнахъ XVII—XVIII в.). Ни рѣки, ни даже горныя цѣпи не всегда раціональныя границы; ихъ значеніе только стратегическое. Державы балканскимъ хребтомъ отдѣлили Болгарію отъ Восточной Румеліи, дѣленіе не имѣвшее никакого политическаго смысла; съ другой стороны Румынія и Добруджа хотя и раздѣлены Дунаемъ, но составляютъ одно національное цѣлое.

Рѣки въ особенности никогда не служили естественными преградами, раздѣлявшими народы. Напротивъ, разселеніе народовъ по бассейнамъ главныхъ рѣкъ прямо показываетъ, что онѣ уже издавна были средствомъ сближенія между людьми; еще болѣе рельефно выступаетъ такой ихъ характеръ въ томъ фактѣ, что относительно пограничныхъ рѣкъ пограничныя государства издавна вступаютъ въ соглашенія касательно свободы судоходства по нимъ обоюдныхъ подданныхъ, а въ новѣйшее время судоходныя рѣки, протекающія въ предѣлахъ нѣсколькихъ государствъ, признаются *международными*, т. е. открытыми для судоходства всѣхъ народовъ. Рѣки имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для торговли: онѣ часто служатъ торговыми путями для нѣсколькихъ государствъ. Въ виду этого заинтересованныя государства, чтобы обезпечить свободное плаваніе по такимъ рѣкамъ, входятъ между собою въ соглашенія, издаютъ сообща постановленія, запрещающія перегораживать ихъ плотинами, искусственно измѣнять теченіе, возводить всякія вообще сооруженія, могущія препятствовать свободѣ плаванія по нимъ, и т. д. Въ виду всего этого терминъ *естественной* границы приложимъ къ рѣкамъ лишь въ физическомъ топографическомъ смыслѣ. Все сказанное о рѣкахъ можно приблизительно сказать и относительно озеръ.

Впрочемъ отсутствіе естественныхъ границъ, на которыя твердо бы опирался территоріальный составъ государства, въ исторіи неоднократно проявлялось весьма невыгодными политическими послѣдствіями (отсутствіе естественныхъ границъ у Польши со стороны Германіи и Россіи; тоже у Россіи въ средней Азіи).

3) Поправкою къ теоріи естественныхъ границъ является теорія *границъ національныхъ*. Но и эта теорія шатка вслѣдствіе шаткости самаго понятія національности и возможности злоупотребленія имъ (напр. опредѣленіе національности по языку). Пангерманизмъ и панславизмъ, понимаемые въ узкомъ смыслѣ политическаго объединенія всѣхъ германскихъ или славянскихъ народностей независимо отъ ихъ политическихъ, культурныхъ и историческихъ традицій — являются крайнимъ уродливымъ проявленіемъ этой теоріи.

4) Наконецъ въ теоріи *соціальныхъ границъ* правильна и справедлива лежащая въ ней основная мысль, но ее портитъ односторонность экономическаго матеріальнаго основанія. Въ вопросѣ о разграниченіи государствъ и народовъ должны имѣть одинаковую цѣну и культурныя, историческія и политическія условія, являющіяся факторами въ процессѣ объединенія разрозненныхъ національностей или же въ ихъ смѣ-

шанной группировкѣ въ отдѣльныхъ политическихъ организмахъ. Естественнымъ слѣдствіемъ раздѣленія территоріи, представляющей собою одну хозяйственную единицу должно быть уничтоженіе благосостоянія края, не оправдываемое мудрою политикою, а насильственно раздѣленныя части исторически, политически и культурно сплоченнаго государства (напр. Швейцарія) всегда будутъ стремиться къ своему возсоединенію и подавать поводъ къ столкновеніямъ опаснымъ для международнаго мира.

Способы пріобрѣтенія территоріальныхъ владѣній. Старинные писатели установили дѣленіе способовъ пріобрѣтенія территоріальныхъ владѣній, слѣдуя системѣ римскаго и гражданскаго права, на *первоначальные* (acquisitio originaria) и *производные* (acquisitio derivativa); изъ нихъ первые даютъ государству возможность пріобрѣсти территорію безъ отнятія ея у другого государства, а вторые—даютъ пріобрѣтеніе одному государству съ ущербомъ для другого, теряющаго часть своей территоріи по договору (необходимый признакъ послѣднихъ—договоръ). Къ первоначальнымъ относятся: а) *приращеніе*, т. е. измѣненіе физическаго очертанія поверхности государственной территоріи, производящее приращеніе ея. Этотъ способъ пріобрѣтенія не имѣетъ большаго практическаго значенія. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда государственная территорія увеличивается приращеніемъ, могутъ служить начала, принятыя въ гражданскомъ правѣ (res accessoria sequitur suam principalem). Къ такимъ случаямъ относятся поднятіе морскаго дна, образованіе на рѣкѣ острова и наносъ (alluvio). Всѣ подобнаго рода естественныя приращенія составляютъ собственность прибрежнаго государства. Приращеніе территоріи можетъ быть также результатомъ человѣческаго труда, съ помощью, напр., такихъ работъ, которыя издавна ведутся въ Голландіи съ цѣлью осушенія земли, покрытой озерами и морскими водами. (Споръ С. Шт. съ Англіею за наносный островъ въ устьѣ р. Мисисипи „открытый“ англичанами, окончился торжествомъ С. Штатовъ).

b) *Давность* (usucapio). Не всѣ писатели признаютъ этотъ способъ пріобрѣтенія территоріи и во всякомъ случаѣ, формулируютъ его весьма неопредѣленно. Международноправовая давность есть *фактическое безспорное долговременное* владѣніе. Такое давностное владѣніе—фактическая основа территоріальнаго состава всѣхъ государствъ. Будучи основано лишь на фактическихъ отношеніяхъ, давностное владѣніе не можетъ служить противовѣсомъ договорнымъ соглашеніямъ: оно можетъ быть титуломъ пріобрѣтенія правъ лишь при отсутствіи другихъ юридическихъ титуловъ. На прак-

тикѣ титулъ давности чаще всего примѣнялся для завладѣнія колоніальныхъ территорій.

c) *Завладѣніе* (occupatio) есть присвоеніе никому не принадлежащей земли, т. е. *земли не состоящей подъ властію другихъ цивилизованныхъ государствъ, вовсе не заселенной или заселенной низшими расами*. Особенное значеніе этотъ способъ пріобрѣтенія получаетъ въ XV и XVI вѣка, когда совершались самыя замѣчательныя открытія новыхъ земель. Съ 1878 г. колонизаторскія стремленія европейскихъ народовъ возродились съ новою силою и выразились въ образованіи европейцами огромнаго государства въ Африкѣ—Конго, въ знаменитомъ спорѣ Германіи съ Испаніей изъ-за Каролинскихъ островомъ, въ занятіи Германіей нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, и наконецъ, въ размежеваніи между европейскими зап. державами огромныхъ пространствъ центр. Африки *). Наукою и актами *Берлинской конференціи* 1885 *г. и Брюссельской*—1891 *года* выработаны слѣдующія главныя условія завладѣнія, какъ способа пріобрѣтенія новыхъ территоріальныхъ владѣній: 1) во первыхъ, *объектомъ* завладѣнія могутъ быть только земли *населенныя и не занятыя*, или же *населенныя дикими, варварскими племенами*, т. е. такія, которыя не получили еще характера государственныхъ территорій. Поэтому завладѣніе не примѣняется къ землямъ Европы, Америки и къ тѣмъ частямъ Азіи, гдѣ народы уже живутъ государственной жизнью; при занятіи занятыя земли предполагаются находящимися во владѣніи населенія на правахъ частной собственности. Присвоеніе совершается иногда съ вознагражденіемъ населенія; правительство С. Штатовъ, напр. пріобрѣтаетъ территорію индѣйцевъ покупкою. Новѣйшія пріобрѣтенія Франціи и Германіи въ Африкѣ совершены путемъ договоровъ съ туземными владѣтелями о ихъ подчиненіи или же объ уступкѣ ими извѣстныхъ верховныхъ правъ (напр. протекторатъ Франціи надъ Мадагаскаромъ).

2) Во-вторыхъ, завладѣніе *дѣйствительно* только тогда, когда занятіе данной территоріи исходитъ отъ *должностного лица* или отъ *военной экспедиціи государства*, желающаго присоединить себѣ данную территорію. Если же занятіе совершается не оффиціальнымъ путемъ, а совершаетъ его частное лицо въ пользу какого либо государства, то для международнаго признанія такого занятія необходимо утвержденіе его со стороны правительства этого государства.

*) Въ промежутокъ времени съ 1884 до 1896 г. Англія увеличила свои колоніальныя владѣнія на 2599 т. анг. кв. миль, Франціи на 2522 т., Германія на 1023 т., Бельгія на 1000 т. и Италія на 500 т. англ. кв. миль.

Колонизаціонная оккупація частными лицами и компаніями можетъ впрочемъ служить основаніемъ возникновенію новыхъ государствъ. Такимъ образомъ напр. возникла основанная американскимъ филантропическимъ обществомъ республика Либерія въ 1847 г.; въ новѣйшее время (1885 г.) Конгское государство основано международною ассоціаціею для колонизаціи и коммерческой эксплуатаціи центральной Африки по р. Конго.

3) Въ-третьихъ, завладѣніе становится *юридическимъ актомъ*, когда есть corpus и animus possidendi, т. е. когда государство *фактически* выразитъ свое намѣреніе подчинить своей власти данную территорію и пользоваться ею. Внѣшнимъ выраженіемъ такого намѣренія служитъ водруженіе государственнаго флага или герба, *фактическое занятіе* территоріи и установленіе на ней извѣстнаго порядка и управленія (это условіе формулировано уже въ XVIII в. Бинкерсгукомъ, выразившимъ его въ формулѣ: cura et cultura agri).

4) *Предѣлы завладѣнія* опредѣляются *предѣлами фактическаго распространенія власти* государства на занятой имъ территоріи и фактической возможностью для государства поддерживать въ ней свой авторитетъ. Только дѣйствительное завладѣніе создаетъ для государства извѣстныя права и налагаетъ на другія государства соотвѣтственныя обязанности. Поэтому неправильно мнѣніе Блюнчли, что оккупантъ въ правѣ считать своими владѣніями не только дѣйствительно занятые имъ пункты, но и всѣ земли, которыя вмѣстѣ съ этими пунктами „по самой природѣ своей“ составляютъ одно органическое цѣлое (напр. бассейнъ рѣки, устье которой занято извѣстнымъ государствомъ).

5) Держава, занявшая извѣстную область съ цѣлью завладѣнія, обязана сообщить это дипломатическимъ путемъ другимъ государствамъ. Въ этомъ *дипломатическомъ извѣщеніи* (acte de notification) должны быть приблизительно означены границы завладѣваемой области.

Производными способами пріобрѣтенія называются тѣ, посредствомъ которыхъ одно государство пріобрѣтаетъ *отъ другого* часть его территоріи, свободно или принужденно ради государственныхъ цѣлей имъ уступаемую. Добровольныя уступки территоріи широко практиковались въ средніе вѣка и даже до XVIII ст., когда вслѣдствіе смѣшенія частно-правовыхъ и государственныхъ понятій монархи смотрѣли на государственныя владѣнія, какъ на свою вотчину. Отдача территорій въ даръ, обмѣнъ ихъ на другія владѣнія, продажа или назначеніе въ приданое были тогда самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. „Счастливые“ Австрійскіе браки

вошли даже въ пословицу. Въ современныхъ государствахъ государственная территорія не признается болѣе собственностью государя; она есть нераздѣльная собственность всего народа и можетъ быть отчуждена не иначе, какъ на основаніи закона. (Принципъ неотчуждаемости государственной территоріи провозглашенъ впервые французскою революціонною конституціею 1791 г.). Въ государствахъ съ представительнымъ образомъ правленія для уступки владѣній необходимо согласіе палатъ.

Общій признакъ всѣхъ производныхъ способовъ пріобрѣтенія заключается во *взаимномъ соглашеніи*, въ договорѣ между государствами пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ извѣстную территорію. Всѣ производные способы пріобрѣтенія государственной территоріи можно раздѣлить на *двѣ группы:*

Къ первой относятся способы пріобрѣтенія, носящіе *частно-правовой* характеръ; сюда принадлежатъ: купля-продажа, мѣна, дареніе, наслѣдство, приданное (tu felix Austria—nube). Ко второй группѣ относятся способы пріобрѣтенія, имѣющіе *государственный* характеръ; сюда относятся: завоеваніе, занятіе вслѣдствіе войны, передача по судебному (третейскому) приговору и мирная передача по политическимъ соображеніямъ.

Изъ первыхъ способовъ купля-продажа встрѣчается и теперь, но лишь весьма рѣдко и при томъ—при совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда отчуждаемая область не связана органически съ государствомъ. Такъ, въ 1848 г. Россія продала С. Штатамъ колонію Россъ, а въ 1867 г. свои владѣнія въ С. Америкѣ за 7,200,000 долларовъ, Данія имъ же продала острова св. Ѳомы и св. Іоанна, а Наполеонъ I Луизіану и т. д. Мѣна иногда практикуется для исправленія (округленія) границъ. Въ 1875 г. Россія обмѣнялась съ Японіею Курильскими островами за Сахалинъ. Всѣ остальные способы пріобрѣтенія, относящіеся къ первой группѣ, давно уже отошли въ область минувшаго.

2) О способахъ пріобрѣтенія, относящихся ко второй группѣ можно замѣтить, что а) *добровольная уступка* (мирная передача) въ настоящее время случается рѣдко и при томъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она не нарушала правъ третьихъ государствъ и чтобы воля сторонъ была ясно выражена. Такимъ путемъ Грецiя пріобрѣла отъ Англіи Іоническіе острова въ 1863 г.; Франція получила по Туринской конвенціи Ниццу и Савойю въ 1860 г.; Россія въ 1795 г. пріобрѣла Курляндское герцогство.

b) *Третейскіе судебные приговоры* могутъ передать извѣстную территорію отъ одного государства къ другому

лишь въ томъ случаѣ, когда между государствами возникаетъ споръ о владѣніяхъ или границахъ и когда спорящія стороны, не желая рѣшать дѣла войной, соглашаются подчиниться рѣшенію третейскаго суда. Такъ было, напр., въ знаменитомъ спорѣ между Испаніею и Германіею о Каролинскихъ островахъ, разрѣшенномъ папою въ 1886 году въ пользу Испаніи.

c) *Завоеваніе* (debellatio). Это—древнѣйшій и донынѣ наиболѣе часто примѣняемый способъ пріобрѣтенія; осужденный впервые французской революціей въ конституціи 1791 г., категорически высказавшейся противъ правомѣрности всякихъ завоеваній, онъ съ постепеннымъ развитіемъ принципа національности встрѣчаетъ все болѣе и болѣе противниковъ. Теоретики изыскиваютъ способы къ устраненію несправедливостей и неудобствъ, возникающихъ изъ права завоеванія и одинъ изъ такихъ способовъ видятъ въ формальномъ согласіи населенія отчуждаемой территоріи, выраженномъ въ формѣ плебисцита, т. е. всеобщей подачи голосовъ всѣмъ правоспособнымъ населеніемъ по вопросу о завоеваніи.

За необходимость плебисцита приводятъ слѣдующіе доводы: это есть одно изъ требованій европейской цивилизаціи и прогресса международныхъ отношеній. Безвозвратно миновало то время, когда государи произвольно распоряжались достояніемъ народовъ и своими подданными, когда ихъ личная воля была единственнымъ закономъ для государства. При настоящемъ уровнѣ европейской культуры немыслимо, чтобы населеніе какой-либо территоріи разсматривалось какъ стадо, которое можно уступить другому государству вмѣстѣ съ землею помимо его воли и согласія. Поэтому необходимо предоставить самому населенію отчуждаемой области высказаться,—желаетъ ли оно присоединенія къ чужому государству? Если большинство голосовъ отвѣтитъ отрицательно, то такое присоединеніе не должно имѣть мѣста. Однако эти доводы, не смотря на ихъ очевидную убѣдительность, встрѣчаютъ и возраженія. Такъ напр. профессоръ Мартенсъ говоритъ, что для признанія законности пріобрѣтенія территоріи завоеваніемъ нужны лишь: 1) точно и опредѣленно выраженное въ мирномъ договорѣ согласіе на уступку; 2) фактическая покорность населенія, живущаго въ передаваемой территоріи; 3) фактическое завладѣніе пріобрѣтаемой территоріей, которое доказывается занятіемъ ея и подчиненіемъ ея управленію пріобрѣтающаго государства.

На основаніи фактовъ изъ новѣйшей практики можно думать, что и правительства раздѣляли эти соображенія. Такъ, плебисцитъ имѣлъ мѣсто при передачѣ Ниццы и Савоіи Фран-

ціи въ 1860 г., при передачѣ Англіею Іоническихъ острововъ Греціи въ 1863 г.; 5 ст. Пражскаго договора 1866 г., отмѣненная въ 1878 г., постановляла, что Пруссія не присоединитъ къ себѣ сѣверной части Шлезвига противъ воли его населенія, выраженной плебисцитомъ (Венеція 1866 г., Римъ 1870 г.). Однако новѣйшіе трактаты, — Франкфуртскій договоръ 1871 г. и Берлинскій трактатъ 1878 года не требовали плебисцита. Плебисцитъ не былъ примѣненъ, ни въ отношеніи Эльзаса и Лотарингіи, ни при присоединеніи Бессарабіи къ Россіи.

Противъ необходимости плебисцита проф. Мартенсъ приводитъ слѣдующіе доводы: 1) обращеніе къ плебисциту есть не болѣе, какъ комедія, ибо государства обращались къ нему лишь въ томъ случаѣ, когда въ его результатѣ не было никакого сомнѣнія или когда они вынуждались къ тому обстоятельствами, а это доказываетъ, что государства еще не сознаютъ необходимости положить плебисцитъ въ основу своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Но противъ этого можно возразить, что разъ обращеніе къ плебисциту будетъ возведено въ принципъ, то за правильнымъ примѣненіемъ его на практикѣ можно установить международный контроль.

2) „Нѣтъ, по мнѣнію проф. Мартенса, и юридическаго основанія для установленія правила о необходимости обращаться въ такихъ случаяхъ къ плебисциту, ибо всякій трактатъ, заключенный компетентною властью, въ томъ числѣ и трактатъ объ уступкѣ территоріи, обязателенъ для *всего* государства и часть государства не можетъ противъ этого протестовать; это основной принципъ современнаго публичнаго права и онъ не терпитъ никакихъ исключеній. Поэтому населеніе уступаемой территоріи должно подчиниться свой судьбѣ а не въ правѣ противостановлять свою волю рѣшенію государственной власти и компрометировать судьбу *всего* государства“. Но это соображеніе основано на принципѣ цѣлесообразности, а не справедливости. „Наконецъ, воюющая съ успѣхомъ сторона можетъ *заставить* населеніе дать благопріятный ей отвѣтъ, для чего будетъ вести военныя дѣйствія не только противъ войскъ, но и противъ мирнаго населенія“. На это мы можемъ замѣтить, что обязательность трактовъ для всего населенія есть основаніе во всякомъ случаѣ формальное, а не юридическое, а возможность примѣненія насилія завоевателемъ никакъ не можетъ считаться юридическимъ доводомъ противъ плебисцита. Переходъ населенной части одного цивилизованнаго государства къ другому, чтобы быть процессомъ юридическимъ, долженъ про-

исходить извнутри этой части, напр.,—путемъ національнаго движенія и т. п., а не извнѣ. Возможны и завоеванія, но они должны имѣть оправданіе въ національныхъ и экономическихъ мотивахъ, а не въ желаніи получить вознагражденіе и призрачномъ правѣ на него.

Такимъ образомъ доводы профес. Мартенса и его оппозиція противъ необходимости плебисцита въ случаѣ перехода населенной территоріи отъ одного цивилизованнаго государства къ другому цивилизованному государству—неосновательны. Изъ числа другихъ возраженій *противъ* необходимости плебисцита укажемъ еще на возраженія бельгійскаго публициста Роленъ-Жэкмена. Онъ также признаетъ право завоеванія, хоть и съ ограниченіями. Въ сферѣ международныхъ отношеній, по его мнѣнію, народы всегда отвѣтственны за своихъ правителей, а потому государство, несправедливо напавшее на другое, нарушаетъ этимъ его права, а потому послѣднее получаетъ право на *наказаніе* напавшаго и на *вознагражденіе* отъ него—денежное или территоріальное. Но если признать справедливость этого положенія, то позволительно спросить,—кто же тотъ судья, который будетъ рѣшать вопросъ о справедливости или несправедливости сдѣланнаго нападенія, и затѣмъ, о соразмѣрности наказанія винѣ? А во-вторыхъ, одержавшее верхъ государство всегда предписываетъ условія мира побѣжденному, руководствуясь не правомъ а *произволомъ* побѣдителя, который не всегда бываетъ правою стороною. Однако, сознавая повидимому шаткость выставленной имъ теоріи, при которой территорія отдѣляется отъ населенія и оцѣнивается лишь какъ матеріальный объектъ, Роленъ-Жекменъ смягчаетъ ее оговоркою, что завоеваніе между цивилизованными государствами не должно основываться на голомъ фактѣ силы: одна сила не создаетъ права; право завоеванія должно быть мотивированнымъ; стратегическими соображеніями, военною необходимостью, духовнымъ сродствомъ населеній и пр. Этимъ положеніемъ оправдывается слѣдовательно отнятіе Германіею у Франціи Эльзаса и Лотарингія ибо князь Бисмаркъ не разъ заявлялъ на весь міръ, что оно обусловлено было соображеніями чисто стратегическими, что этого требовалъ графъ Мольтке, который указывалъ на то, что безъ Меца Германія не можетъ быть обезпечена отъ нападенія и вторженія французовъ. Но эти же стратегическія соображенія могутъ быть приведены теперь и французами, такъ какъ они оказываются лишенными важнаго стратегическаго оборонительнаго пункта, а слѣдовательно стратегич. соображенія оправдывали бы теперь ихъ желаніе и стремленіе во что бы ни

стало вернуть себѣ Эльзасъ и Лотарингію, а также оправдываютъ и ихъ *право* на возвращеніе этихъ провинцій, ибо къ первому доводу они могутъ прибавить еще и другой— опереться на духовное сродство и національныя стремленія и симпатіи ихъ населенія, которое, безъ сомнѣнія, на сторонѣ Франціи. Такимъ образомъ, принявъ это положеніе, мы попадемъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго не представляется никакого выхода. Вообще, право завоеванія имѣло основаніе въ періодъ формаціи государствъ, при господствѣ идей военной славы и могущества; тутъ имѣли основаніе и мотивы самозащиты. Теперь же теорія права завоеванія является не болѣе, какъ возведеніемъ на степень теоріи фактовъ конкретной дѣйствительности: случаевъ самозащиты (нерѣдко даже фиктивной), вознагражденій за нарушенное право и убытки и стратегической обороны и предупрежденія нападенія и т. д., между тѣмъ какъ въ наше время территоріальный составъ государствъ постепенно получаетъ не случайный, а юридически разумный національный характеръ. Что же касается стратегическихъ мотивовъ завоеванія, которыми такъ дорожатъ защитники этой теоріи, то противъ нихъ нѣкоторые публицисты (Selosse) справедливо замѣчаютъ, что та же цѣль достижима и безъ завоеванія: разоруженіемъ и срытіемъ крѣпостей, воспрещеніемъ возводить новыя, ограниченіемъ числа войскъ, временно-военною оккупаціею и т. п.

Всѣ вышеприведенныя соображенія должны убѣдить насъ въ безусловной необходимости плебисцита. Въ пользу этого говоритъ юридическое сознаніе нашего времени объ органической связи между территоріею и ея населеніемъ, сознаніе о необходимости признанія за населеніемъ правъ самостоятельности въ отношеніи къ государству, составнымъ элементомъ котораго оно является. Государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано источникомъ и носителемъ всѣхъ правъ народа, — оно не творитъ ихъ, а лишь охраняетъ эти права.

Совершенно не понятно, почему противники плебисцита такъ горячо возстаютъ противъ него: для государства, органически сплоченнаго, плебисцитъ не опасенъ, а въ разрозненномъ государствѣ отпаденіе его отдѣльныхъ частей совершается не вслѣдствіе плебисцита, а вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Плебисцитъ есть существенная поправка къ такъ называемому праву завоеванія. Невозможно принимать въ разсчетъ случаи примѣненія плебисцита, какъ политической искусственной уловки,—такъ напр. при уступкѣ Ниццы и Савои, симпатіи которыхъ были на сторонѣ Италіи, заранѣе при-

няты были нужныя мѣры, чтобы исходъ голосованія не оказался противнымъ присоединенію ихъ къ Франціи),—такіе случаи, какъ искаженіе правильнаго принципа, ничего не доказываютъ; подобныя искаженія вездѣ возможны, какъ возможны и мѣры для ихъ предупрежденія.

Не допуская плебисцита международная практика и теорія вынуждены были однако дать косвенное признаніе правамъ населенія, предоставленіемъ ему индивидуальнаго, а не коллективнаго, какъ при плебисцитѣ, *права избранія подданства* (option). Населенію предоставляется остаться подъ властью или того государства, къ которому отходитъ территорія, или того, отъ котораго она отходитъ, но это право выбора подданства присвояется *индивидуально* каждому совершеннолѣтнему правоспособному гражданину уступаемой территоріи: каждый вотируетъ лишь за себя и за свою семью. Уже въ XVII и XVIII вѣкахъ встрѣчаются примѣры предоставленія такого права выбора, а въ новѣйшее время оно уже считается общепризнаннымъ. Во всякомъ мирномъ трактатѣ мы находимъ оговорку, что лица, живущія на территоріи, уступаемой однимъ государствомъ другому, могутъ до извѣстнаго срока оставить ее, даже съ сохраненіемъ правъ на свои недвижимыя имущества. Этотъ льготный срокъ длится обыкновенно отъ 1 до 3 лѣтъ и считается всегда со дня ратификаціи трактата. Наиболѣе широко постановлено это право (option) во франко-итальянскомъ Цюрихскомъ трактатѣ 1860 г. Тутъ право выселенія было предоставлено не только совершеннолѣтнимъ и правоспособнымъ, но также и всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, которые могли воспользоваться этимъ правомъ въ теченіи года по достиженіи ими совершеннолѣтія. Гораздо уже оно поставлено во Франкфуртскомъ договорѣ 1871 г. между Франціей и Германіей, статья 2-я котораго предоставляла это право жителямъ Эльзаса и Лотарингіи только до 1-го Октября 1871 г.,—и въ Константинопольскомъ трактатѣ 1879 г., который предоставилъ жителямъ турецкихъ областей, отошедшихъ къ Россіи на основаніи Берлинскаго трактата (1878 г.) трехгодичный срокъ, въ теченіи котораго они могли свободно удаляться изъ этихъ областей, но подъ условіемъ отчужденія ихъ недвижимой собственности. Право выбора, надо замѣтить, нисколько не исправляетъ права завоеванія, потому что при нынѣшнихъ международн. отношеніяхъ никому не запрещается переходить въ другое государство, принимать другое подданство. Обыкновенно и практикуется обязательное выселеніе лицъ, остающихся въ прежнемъ подданствѣ, вслѣдствіе опасенія оставлять въ завоеванномъ краѣ враждебные элементы;

но и за ними всегда признается право сохранять за собою принадлежащую имъ въ завоеванномъ краѣ недвижимую собственность.

Слѣдствія измѣненія территоріальнаго состава государствъ. Территорія не представляетъ изъ себя нѣчто на всегда неизмѣнное, напротивъ, территоріальныя измѣненія происходятъ очень часто. Очевидно, что они должны отражаться на международныхъ отношеніяхъ, такъ какъ влекутъ за собою измѣненія границъ между государствами. Государство можетъ 1) совершенно утратить свою территорію, которая сполна *присоединяется* къ другому государству. (Примѣры: объединеніе Московскаго государства; соединеніе Шотланд. и Ирландіи съ Англіею; присоединеніе въ 1861 г. Ганновера, Кургессена и Нассау къ Пруссіи). Ясно, что такое государство перестаетъ существовать, какъ самостоятельная личность въ международномъ союзѣ — оно инкорпорировано другимъ государствомъ. Въ этомъ случаѣ на державу инкорпорирующую переходятъ *какъ бы въ порядкѣ наслѣдованія* (по аналогіи съ гражданскимъ правомъ) всѣ права и обязанности. лежавшія на покойномъ государствѣ, всѣ его международн. обязательства и трактаты, какъ коммерческіе, такъ и политическіе. Въ числѣ другихъ къ нему переходитъ и долговыя обязательства прежняго государства. 2) Государство *утрачиваетъ только часть своей территоріи*, которая присоединяется къ другой державѣ или же образуетъ независимое политическое тѣло. Въ этомъ случаѣ государство, хотя и значительно уменьшившееся, остается по прежнему самостоятельнымъ въ международномъ союзѣ субъектомъ международнаго права. Не переставая быть въ принципѣ прежнимъ субъектомъ права, старое государство и послѣ потери провинцій, продолжаетъ пользоваться въ международныхъ отношеніяхъ всѣми прежними правами и несетъ на себѣ всѣ прежнія обязательства, кромѣ чисто мѣстныхъ, спеціально лежавшихъ на отдѣлившейся провинціи, ибо они должны перейти на вновь образовавшееся государство или же къ тому государству, которое присоединило къ себѣ эти отторгнутыя провинціи. Такъ напр., часть долговъ по займамъ, заключеннымъ Турціею, перешла послѣ 1878 года на Болгарію, Сербію и Румынію; долги по займамъ, заключеннымъ Австрійскимъ правительствомъ спеціально для Венеціанской области, перешли къ Италіи вмѣстѣ съ этой областью (1866). Впрочемъ международная практика выдвинула правило, что государственные долги распредѣляются (всегда путемъ соглашенія) между государствомъ и отдѣлившеюся его частью *пропорціонально величинѣ* территоріи, образовавшей новое

государство, или же присоединившейся къ другому, уже существовавшему раньше.

Присоединеніе государствомъ территорій можетъ быть безусловное или условное; въ послѣднемъ случаѣ условія присоединенія или отдѣленія территоріи опредѣляются соглашеніемъ заинтересованныхъ государствъ. Такъ, въ Берлинскомъ трактатѣ 1878 г. подробно опредѣлены были условія, на которыхъ признаны территоріальныя пріобрѣтенія Сербіи, Черногоріи и Румыніи (обязательство признанія религіозной свободы населенія, переходъ части оттоманскаго госуд. долга, ограниченіе территоріальныхъ правъ Черногоріи относительно присоединеннаго къ ней порта Антивари). Въ Ништадскомъ трактатѣ 1721 г. и Фридрихсгамскомъ 1809 г. опредѣлены были извѣстныя права и льготы въ пользу населенія уступленныхъ Россіи по этимъ трактатамъ Прибалтійскаго края и Финляндіи.

При переходѣ территоріи отъ одного государства къ другому, пріобрѣтающее государство вступаетъ относительно ея во всѣ права территоріальнаго надъ нею суверенитета. При этомъ само собою разумѣется, что въ случаѣ безусловнаго перехода территоріи права, принадлежащія населенію пріобрѣтенной области (относительно вѣроисповѣданія, политич. правъ, правъ иностранцевъ, пребывающихъ въ этой области) сохраняютъ свою силу подъ властью новаго государства, насколько они признаются послѣднимъ и не противорѣчатъ интересамъ всего населенія пріобрѣтающаго государства, ибо, говоритъ проф. Мартенсъ,—правительство всегда имѣетъ право устраивать такой порядокъ въ предѣлахъ своей территоріи, который отвѣчаетъ пользѣ всего народа.

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о времени, въ теченія котораго условія, поставленныя при переходѣ территоріи отъ одного государства къ другому обязательны для пріобрѣтающаго государства и о послѣдствіяхъ ихъ нарушенія. Слѣдуетъ ли напр. признавать ненарушимыми нѣкоторыя давно отжившія феодальныя привиллегіи остзейскаго дворянства и соціальные порядки тамошняго края на основаніи постановленій Ништатскаго трактата? По справедливому замѣчанію Мартенса, вѣчной обязательности подобныхъ условій противостоитъ естественный законъ развитія и прогресса соціальной и государственной жизни, которому подчиняются всѣ народы. Но съ другой стороны, конечно, нивеллирующая сила общей политической жизни и политическаго механизма государства не можетъ быть признана достаточнымъ разумнымъ и юридическимъ основаніемъ для подавленія самобытныхъ культурныхъ условій пріобрѣтенной государствомъ тер-

ріторіи, если они не угрожаютъ самосохраненію государства и благу цѣлаго.

Международныя повинности (ограниченія территоріальной власти государствъ). Территорія составляетъ одинъ изъ матеріальныхъ элементовъ понятія о государствѣ. Территоріальная власть государства понимается какъ *полное неограниченное право послѣдняго на все владѣемое имъ пространство земли и воды. Но въ интересахъ правильнаго международнаго общенія*, для осуществленія общихъ культурныхъ задачъ или особенныхъ цѣлей, это всецѣлое право государства можетъ *подвергаться ограниченіямъ* въ пользу другихъ государствъ; такія ограниченія (въ силу особыхъ договоровъ) въ теоріи именуются международными сервитутами (servitutes juris gentium). Названіе это возникло вслѣдствіе стремленія публицистовъ подводить нормы международнаго права подъ нормы гражданскаго права, хотя эти ограниченія верховной территоріальной власти государства во многихъ случаяхъ и не подходятъ подъ понятіе сервитутовъ частнаго права. Поэтому теорію эту умѣстно было бы излагать въ ученіи о верховныхъ правахъ государства вообще. Впрочемъ, по конструкціи своей нѣкоторыя изъ ограниченій территоріальной власти государства могутъ быть разсматриваемы аналогично съ частно-правовыми сервитутами.

Ограниченія территоріальной власти имѣютъ двоякое основаніе: *одни вытекаютъ изъ физическаго сосуществованія и ближайшаго сосѣдства государствъ, другія устанавливаются трактатами ради особенныхъ цѣлей общенія*. Тѣ и другія коренятся въ необходимости ограничить безусловную верховную территоріальную власть государства *для достиженія цѣлей преслѣдуемыхъ международнымъ общеніемъ*. Это единственно разумное основаніе для существованія трактуемыхъ ограниченій. Иногда ограниченія устанавливаются и въ силу другихъ основаній, болѣе случайнаго характера,—стратегическихъ, политическихъ и т. п. соображеній. Но они вслѣдствіе этого обыкновенно оказываются непрочны и подвергнутое имъ государство стремится обыкновенно къ устраненію таковыхъ ограниченій, такъ что послѣднія представляютъ лишь историческіе примѣры, но не могутъ быть принимаемы какъ теоретически обоснованные институты международнаго права. Ограниченія территоріальной власти государствъ, обусловливаемыя физическимъ ихъ сосуществованіемъ, называются *естественными международными повинностями* (servit. juris gent. naturales). Сюда относится обязанность государства не измѣнять естественнаго теченія судоходной рѣки, не загромождать ея фарватеръ постройка-

ми, мѣшающими судоходству. Этого рода повинности, хотя и имѣющія свои основанія въ самомъ физическомъ сосуществованіи государствъ, не подразумѣваются однако, а должны быть обоснованы международн. соглашеніями для своей международный обязательности. Ограниченія, основанныя на трактатахъ, такъ называемыя *договорныя повинности* — servitutes juris gentium voluntariae — могутъ быть: 1) *отрицательныя*, когда государство отказывается отъ полнаго осуществленія своей территоріальной власти, или 2) *положительныя*, когда государство допускаетъ другое къ отправленію тѣхъ или другихъ функцій территоріальной власти на своей территоріи

Субъектомъ повинностей можетъ быть *только государство*. *Объектомъ* ихъ служатъ *права верховенства*, осуществляемыя государствомъ въ предѣлахъ своей территоріи, реальныя права его и государственная собственность, но не частныя права и не частная собственность. Такъ какъ *ограниченія верховной государственной власти* возможны въ примѣненіи ко всѣмъ проявленіямъ этой власти, то они могутъ быть болѣе или менѣе обширны, причемъ государственная власть иногда ограничивается до такой степени, что ея существованіе въ предѣлахъ извѣстной территоріи становится фиктивнымъ. Берлинскій конгрессъ 1878 г. установилъ нѣсколько случаевъ такого полнаго ограниченія территоріальной власти Турціи. По конвенціи, заключенной Турціей и Англіей передъ самымъ съѣздомъ Берлинскаго конгресса (1878 г.), Турція уступила Англіи *островъ Кипръ* въ полное ея административное управленіе, но за Турціей остался суверенитетъ по отношенію къ острову. *Боснія и Герцоговина* отданы въ управленіе Австро-Венгріи; суверенитетъ султана выражается только въ томъ что онъ признанъ въ постановленіяхъ Берлинскаго конгресса (фикція), фактическое же осуществленіе суверенитета принадлежитъ Австріи: Австрія вводитъ тамъ свою администрацію, вѣдаетъ экономическое и финансовое управленіе, а закономъ 1881 г. тамъ введена Австріею и воинская повинность для населенія, что уже совершенно несовмѣстимо съ суверенными правами султана. Нѣсколько болѣе ограничены права Австро-Венгріи относительно Ново-Базарскаго санджака (на югѣ Герцеговины), именно: Австрія получила отъ Турціи только право введенія туда своего гарнизона и право пользованія путями сообщенія. Въ 1881 г. былъ заключенъ трактатъ между Франціей и *Тунисомъ*, по которому Тунисъ обязывался всѣ заключенные имъ договоры предъявлять на утвержденіе Франціи, которая, въ свою очередь, можетъ вводить тамъ свое военное и финан-

совое управленіе. Почти такое же положеніе занимаетъ нынѣ *Египетъ*, хотя по отношенію къ нему право Англіи не формулировано такъ точно; какъ въ предыдущихъ случаяхъ.

Такого рода ограниченія верховной государственной власти, конечно, являются лишь переходною стадіею, дипломатическимъ средствомъ, чтобы замаскировать намѣренія державъ относительно перехода территоріи одного въ пользу другого. Тунисъ, вѣроятно, со временемъ сдѣлается колоніей Франціи, а Боснія и Герцеговина—Австрійскими провинціями.

Къ менѣе значительнымъ ограниченіямъ государственнаго суверенитета надо отнести *временную оккупацію* той или другой территоріи извѣстнаго государства. Примѣръ: оккупаціи Молдавіи и Валахіи русскими войсками въ 1830 и 31 гг., при чемъ въ нихъ введена была русская администрація и финансовое управленіе.

Помимо такой формы ограниченій государственнаго суверенитета, въ которую облекается фактическій переходъ суверенитета отъ одного государства къ другому, мы встрѣчаемъ въ международной практикѣ еще различныя формы *частичныхъ ограниченій*. Какъ мы уже замѣтили, они могутъ быть отрицательныя, выражающіяся формулой *in non faciendo*, или положительныя, выражающіяся формулой *in patiendo*. Къ числу *отрицательныхъ* повинностей относятся:

1) *Ограниченія военныхъ силъ государства*, напр. числа войска, запрещеніе сооруженія новыхъ крѣпостей, содержанія военныхъ судовъ и. т. п. Примѣрами подобнаго рода богаты *Парижскій трактатъ* 1856 г. и особенно *Берлинскій* 1878 г. Въ силу Парижскаго трактата Россія лишена была права держать вооруженный флотъ въ Черномъ морѣ, возводить на немъ крѣпости и т. п., (это ограниченіе отмѣнено въ 1871 г.), а въ силу Берлинскаго трактата Россія обязывалась держать въ Батумѣ порто-франко и не обращать эту гавань въ военный портъ (отъ этого обязательства Россія отказалась въ 1886 г.). Затѣмъ по Берлинскому же трактату Болгарское княжество должно было срыть старыя крѣпости по Дунаю и не сооружать новыхъ; Черногорія не должна воздвигать никакихъ укрѣпленій на р. Баянѣ и содержать военныхъ судовъ въ Адріатическомъ морѣ, и т. п.

2) Ограниченіе *регальныхъ правъ* государства. Напр. по Берлинскому трактату Болгарія лишена была права взимать транзитныя пошлины съ товаровъ.

3) Ограниченіе *судебной власти* государства въ отношеніи иностранцевъ. Примѣръ подобныхъ ограниченій представляютъ договоры европейскихъ государствъ съ восточными

(т. наз. капитуляціи) въ силу которыхъ поданные европейскихъ державъ въ предѣлахъ Турціи, Персіи, Китая и Японіи подлежатъ суду своихъ консуловъ.

Нѣкоторые ученые (Блюнчли, Мартенсъ) относятъ сюда же и т. наз. *законъ о гарантіяхъ* 1871 г., изданный итальянскимъ правительствомъ. Завоевавъ и присоединивъ къ итальянскому королевству Римъ, итальянское правительство добровольно согласилось на существенныя ограниченія своихъ верховныхъ правъ въ области суда и полиціи относительно Ватикана (резиденція папы) въ видахъ огражденія независимости папы, какъ главы католической церкви. Въ силу этого закона папа признается какъ бы суверенемъ, пользующимся всѣми почестями государей: дворецъ его и всѣ зданія, которыя занимаютъ лица, служащія при папскомъ дворѣ, пользуются правомъ внѣземельности; никакое должностное лицо итальянскаго правительства не можетъ войти въ Ватиканъ безъ особаго разрѣшенія папы; въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ папа пользуется полною самостоятельностью и неприкосновенностью; онъ акредитуетъ при иностранныхъ дворахъ своихъ представителей (нунціевъ) и при немъ состоятъ особые дипломатическіе представители державъ, въ томъ числѣ и Россіи.

Къ числу ограниченій *положительныхъ*, относятся: 1) *право предпринимать на территоріи другого государства извѣстныя правительственныя дѣйствія*, ради политическихъ цѣлей напр. *проводить войска* черезъ чужую территорію. Такъ, въ 1833 г. между Россіей и Австріей, вслѣдствіе борьбы, которую они вели съ польскими повстанцами, заключена была конвенція, въ которой постановлялось, что если одной изъ договаривающихся сторонъ необходимо для успѣха своихъ дѣйствій противъ мятежныхъ поляковъ перевести войска на территорію другой, то такой переходъ дозволителенъ. Сюда должно быть отнесено и право пользованія путями сообщенія въ другомъ государствѣ или *право прохода вообще* droit de passage) особенно часто практиковавшееся между германскими государствами до объединенія Германіи, и право на занятіе при извѣстныхъ предусмотрѣнныхъ въ трактатѣ обстоятельствахъ, чужой территоріи или отдѣльныхъ пунктовъ напр. крѣпостей.

2) Право предпринимать на чужой территоріи извѣстныя правительственныя дѣйствія ради общихъ всѣмъ государствамъ *культурныхъ интересовъ*. Сюда относится право распространять свою *судебную, полицейскую или финансовую власть* на территоріи другого государства, право *преслѣдованія дезертировъ* на чужой территоріи, право установленія

почтовой и телеграфной регаліи или учрежденій, полезныхъ для торговли (примѣръ—договоры Россіи съ Хивою и съ Бухарой 1873 г.).

Устанавливаются повинности или договоромъ, въ силу формальнаго соглашенія государствъ, вынужденнаго или добровольнаго, или же вслѣдствіе незапямятной давности, когда государства молчаливо допускаютъ и несутъ извѣстный сервитутъ.

Какъ реальное вещное право, сервитуты съ переходомъ территорій *переходятъ* отъ одного государства на другое, а не прекращаются. *Прекращаются* же они или по взаимному соглашенію заинтересованныхъ государствъ, или вслѣдствіе отказа пользоваться сервитутомъ, или уничтоженіемъ объекта повинности или, наконецъ, истеченіемъ срока, если сервитутъ былъ срочный.

По мѣрѣ развитія у государствъ сознанія необходимости международнаго общенія, должно расти и сознаніе о необходимости ограниченій ихъ неограниченной территоріальной власти, или иначе—международныхъ повинностей. Къ числу такихъ обязательствъ, *вытекающихъ изъ природы географическаго положенія* государствъ, слѣдуетъ отнести право судоходства по международнымъ рѣкамъ. Такія ограниченія верховной государственной власти въ видѣ, напр., правилъ, устанавливаемыхъ международными желѣзно-дорожными, почтово-телеграфными и др. конвенціями, должны умножаться по мѣрѣ развитія у государствъ сознанія необходимости постояннаго развитія международнаго общенія.

Къ числу международныхъ повинностей на ряду съ разнородными мѣрами, принимаемыми нынѣ въ виду облегченія международнаго общенія (телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній и т. п.), принадлежитъ облегченіе *международнаго рѣчнаго сходства.*

Международное рѣчное право. Въ древнія времена и въ средніе вѣка рѣки разсматривались какъ исключительная собственность тѣхъ государствъ, по территоріи которыхъ они протекали, а такъ какъ рѣки служили путями торговыхъ сношеній, то государства пользовались ими съ фискальными цѣлями. Рѣчное судоходство отягощалось разнообразными пошлинами, которыя особенно многочисленны были во время феодализма, когда каждый феодальный владѣлецъ старался пользоваться для себя всѣми возможными выгодами въ этомъ отношеніи, вынуждая судоходцевъ къ принудительнымъ остановкамъ, къ платежу пошлинъ за пропускъ и т. п. По мѣрѣ усиленія въ народахъ и правительствахъ сознанія необходимости свободнаго международнаго общенія, усили-

вается вмѣстѣ съ тѣмъ и представленіе о рѣкѣ, какъ о необходимомъ пути свободнаго международнаго сбщенія,—сначала для прибрежныхъ къ ней государствъ, и затѣмъ,—и для всѣхъ народовъ.

Изрѣдка попадаются въ XVII—XVIII в. международные договоры о свободѣ рѣчнаго судоходства, но это отдѣльныя государства, *прибрежныя* къ извѣстной рѣкѣ, вступали лишь въ соглашенія *между собою* относительно свободы судоходства для *своихъ подданныхъ* по пограничной рѣкѣ. Таковъ былъ, между прочимъ, договоръ Россіи со Швеціею 1810 г. въ Торнео, въ силу котораго судоходство по пограничнымъ между этими государстами рѣкамъ и озерамъ признавалось свободнымъ отъ всякихъ платежей за самое *право* судоходства. Защитницею свободы рѣчнаго судоходства для государствъ, *чрезъ владѣнія которыхъ* протекаетъ судоходная рѣка явилась Франція провозгласившая этотъ принципъ въ примѣненіи къ субоходству по Шельдѣ (декретъ Конвента 1792 г.) и проводившая его въ своихъ договорахъ. Затѣмъ, *общій принципъ о свободѣ международнаго рѣчнаго судоходства* установленъ былъ впервые въ *Парижскомъ трактатѣ* 1814 г. между Франціей и союзными противъ нея державами и, наконецъ, на общеевропейскомъ *Вѣнскомъ конгрессѣ* 1815 г.—Именно, было опредѣлено, что судоходныя рѣки, *протекающія черезъ территорію* нѣсколькихъ государствъ *или раздѣляющія ихъ* и служащія имъ границею, должны считаться *международными* рѣками и торговое судоходство на нихъ отъ того пункта, гдѣ такая рѣка становится судоходною и до ея устья должно быть для торговли свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій. Самый *фактъ* судоходства по международнымъ рѣкамъ не долженъ служить основаніемъ для взиманія пошлинъ. Относительно порядка судоходства по такимъ рѣкамъ должны быть выработаны обязательныя, *на всемъ пространствѣ рѣки однообразныя* и сколь возможно благопріятныя для торговли всѣхъ народовъ *правила* и установленъ однообразный неизмѣнный и независимый отъ свойства товаровъ *тарифъ*. Затѣмъ предлагались правила о содержаніи бичевниковъ и о поддержаніи (помощью рѣчной техники) судоходности рѣки. Требовалось далѣе, чтобы устранены были всѣ *пошлины*, взимавшіяся отдѣльными прибрежными государствами *въ свою пользу* за перегрузку и принудительныя остановки въ пути. Всѣ эти пошлины, надо замѣтить, въ большихъ размѣрахъ практиковались до Вѣнскаго конгресса на Рейнѣ, гдѣ существовалъ даже родъ заставъ, у которыхъ происходило „принудительное причаливаніе“ судовъ съ цѣлью взиманія пошлинъ.

Вѣнскій конгрессъ постановилъ, что эти обязательныя остановки должны быть устранены, и государства имѣютъ право взимать извѣстные поборы *только на покрытіе расходовъ* по содержанію и улучшенію судоходности рѣки. Эти постановленія Вѣнскаго конгресса представляютъ собою точку отправленія всего позднѣйшаго международнаго рѣчного права.

Правила, выработанныя особою коммиссіею Вѣнскаго конгресса относительно свободы международнаго судоходства по Рейну должны были, на основаніи постановленія конгресса, примѣняться не только къ международной его части, т. е. отъ Страсбурга до голландской границы, но и къ той части его, которая протекала черезъ территорію одной Голландіи (рукавъ Ваалъ) „до впаденія рѣки въ море“ — jusqu'à la mer. Основываясь на буквальномъ смыслѣ этого постановленія, голландское правительство объявило, что такъ какъ Рейнъ не впадаетъ въ море, а наиболѣе судоходный рукавъ его находится въ предѣлахъ Голландіи, то оно сохраняетъ право установлять какіе угодно порядки и денежные сборы для судовъ, проходящихъ въ море (dans la mer) по Ваалу. Другія державы протестовали противъ такого толкованія, но споръ окончился лишь въ 1831 г., когда вслѣдствіе Майнцской конвенціи съ прирейнскими государствами Голландія согласилась признать обязательность свободнаго международнаго судоходства по Рейну и для судоходства по Ваалу, а рукава Рейна — Лекъ и Ваалъ — признаны его продолженіями.

Установивъ основныя положенія свободы международныхъ рѣкъ и порядка судоходства по нимъ, Вѣнскій конгрессъ разрѣшилъ однако это дѣло только съ принципіальной стороны. Международный союзъ великихъ державъ установилъ только общіе принципы, которые онъ считалъ необходимыми для свободы международнаго рѣчнаго судоходства и обязательными для государствъ, по территоріи которыхъ рѣка протекаетъ. Ближайшая же детальная регламентація этого дѣла была предоставлена этимъ государствамъ. Устранить прибрежныя государства отъ вліянія на протекающую по нимъ часть рѣки невозможно, и международ. союзъ призналъ потому за прибрежными государствами право судебной и полицейской юрисдикціи на часть международной рѣки, протекающую по ихъ территоріи, ограничивъ лишь ихъ права на эксплуатацію рѣки. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь ограниченіе верховнаго права государства въ интересахъ международнаго общенія. Въ этомъ необходимомъ согласованіи правъ прибрежнаго государства съ интересами международнаго общенія и заключается вся суть международнаго рѣчнаго права.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ организуется администрація, вѣдающая наблюденіе за международнымъ судоходствомъ.

Для регламентированія тѣхъ правилъ, которыя должны были быть соблюдаемы при судоходствѣ по Рейну, была составлена такъ называемая *Центральная коммиссія* изъ представителей *прибрежныхъ* къ Рейну государствъ. Она должна была наблюдать за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для судоходства по Рейну и вѣдать верховный контроль надъ низшими органами. Центральная коммиссія создана была въ правилахъ 1815 г., какъ *коллегіальное* учрежденіе, дѣйствующее самостоятельно, но являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ *коллективнымъ органомъ* тѣхъ государствъ, которыя имѣютъ въ ней своихъ представителей. Она является связующимъ звеномъ между этими государствами по вопросамъ судоходства. Предсѣдатель избирается самою Коммиссіею изъ ея среды безъ особенныхъ правъ. Кромѣ этой коммиссіи были учреждены, далѣе, *инспектора* для наблюденія за рѣчнымъ судоходствомъ. Въ отличіе отъ Коммиссіи, контролю которой они подлежали, инспектора имѣютъ полицейскій надзоръ за правильностью движенія судовъ по рѣкѣ, за чистотою фарватера и т. д. Они назначаются отъ отдѣльныхъ прибрежныхъ государствъ. Съ 1868 г. ихъ *компетенція* простирается лишь на часть рѣки, протекающую черезъ территорію *назначившаго ихъ государства*. Такимъ образомъ предполагалось въ лицѣ этихъ инспекторовъ сочетать интересы, которые каждое отдѣльное прибрежное государство имѣетъ въ отношеніи судоходства по Рейну, съ интересами, которые общи имъ всѣмъ. Сюда, конечно, принадлежало право полицейскаго надзора за рѣкою. Этотъ надзоръ былъ установленъ по началу, общему для всего теченія рѣки. Цѣль его съ одной стороны—охраненіе безопасности, съ другой—охраненіе судоходности и свободы движенія по рѣкѣ (незасореніе, правильность движенія судовъ, сигналы и т. п.). На первыхъ мѣрахъ преимущественно отражается вліяніе прибрежныхъ государствъ. Вторыя же мѣры входятъ въ область коллективныхъ интересовъ.

На первыхъ порахъ постановленія Вѣнскаго конгресса были примѣнены къ *Рейну* и его притокамъ, къ *Нѣману* и *Вислѣ* и къ р. *По*. Дополнительныя къ Вѣнскому акту постановленія объ Рейнѣ были установлены прибрежными государствами въ конвенціяхъ 1831 и 1868 годовъ, причемъ въ 1831 г. въ силу *Майнцской* конвенціи правила о судоходствѣ распространены были на устья Рейна и на рукава его, а въ силу *Мангеймской* конвенціи 1868 года отмѣнено

было взиманіе пошлинъ прибрежными государствами на содержаніе учрежденій, полезныхъ для судоходства. Теперь, начиная съ 1868 года, пошлины эти взимаются въ *общую кассу*, которая служитъ для расходовъ по рѣчному судоходству.

Въ силу правилъ о свободѣ всеобщаго плаванія по международнымъ рѣкамъ, прибережныя государства обязаны содержать дороги для бичевниковъ, очищать рѣку для предупрежденія препятствій судоходству, не взимать пошлинъ за складку товаровъ, за пристань или вынужденное причаливаніе, а только имѣютъ право взимать извѣстную пошлину съ судна на покрытіе расходовъ по облегченію и улучшенію судоходства. Точно также и въ весьма немногочисленныхъ, впрочемъ, международныхъ соглашеніяхъ относительно рыболовства на международныхъ рѣкахъ постановляется, чтобы рыболонные снаряды и тѣ учрежденія и зданія, которыя устраиваются съ этой цѣлью по берегамъ международныхъ рѣкъ, не мѣшали бы свободѣ плаванія.

Постановленія Вѣнскаго конгресса о междунароныхъ рѣкахъ были *распространены Парижскимъ конгрессомъ* 1856 *г. и на судоходство по Дунаю*. До того времени относительно судоходства по Дунаю было только соглашеніе между Россіей и Австріей—договоръ 1840 г. о свободѣ судоходства по этой рѣкѣ на основаніи принциповъ, выраженныхъ въ Вѣнскомъ трактатѣ. Затѣмъ, Парижскій трактатъ внесъ въ вопросъ о судоходствѣ по *Нижнему Дунаю* новый принципъ. Онъ поставилъ Дунай подъ *коллективный контроль* европейскихъ даржавъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ. Учреждена была такъ наз. *европейская-Дунайская коммиссія* изъ делегатовъ всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ (въ томъ числѣ и Россіи). Эта Дунайская коммиссія была учреждена на двухлѣтній срокъ спеціально для надзора и руководства техническими работами относительно углубленія фарватера Дуная въ устьяхъ его (отъ Исакчи до Чернаго моря) и въ особенности по углубленію и расчисткѣ Сулинскаго гирла, которое въ то время изъ всѣхъ дунайскихъ рукавовъ признавалось наиболѣе удобнымъ для судоходства. Расходы на эти работы должны были быть покрываемы изъ пошлинъ, взимаемыхъ съ судовъ, входящихъ изъ моря въ Дунай; размѣръ ихъ устанавливался международн. коммиссіей. Эта коммиссія учреждена была *на 2 года*, т. е. на срокъ предположенный конгрессомъ для окончанія работъ по расчисткѣ устьевъ Дуная. По истеченіи этого срока, временная европейская коммиссія должна быть закрыта и на ея мѣсто вступить, въ качествѣ *постоянной*,—коммиссія *прибрежныхъ* государствъ.

Эта „постоянная“ коммиссія составлена была изъ делегатовъ *прибрежныхъ государствъ*—Австріи, Баваріи, Турціи и Бюртемберга и при участіи комиссаровъ отъ трехъ придунайскихъ княжествъ. Эта коммиссія должна была разработать я составить *правила рѣчного судоходства и полиціи для всего Дуная*. Европейская коммиссія спеціально завѣдывала *устьями* Дуная и судоходствомъ въ этихъ устьяхъ; „Постоянная“ же коммиссія должна была выработать правила для судоходства по *всему* Дунаю и устранять препятствія, которыя встрѣчало бы примѣненіе постановленій Вѣнскаго акта для судоходства по всему Дунаю, исполнить нужныя по теченію всего Дуная работы и, по упраздненіи Европейской коммиссіи, наблюдать за содержаніемъ въ исправности Дунайскихъ гирлъ и за соблюденіемъ установленныхъ для судоходства по нимъ правилъ (т. е. работъ и сооруженій, произведенныхъ Европейскою коммиссіей). Но въ дѣйствительности дѣйствія этой коммиссіи ограничились изданіемъ (въ 1857 г.) акта о дунайскомъ судоходствѣ, который однако вслѣдствіе разногласія между державами не былъ ими ратификованъ, послѣ чего коммиссія эта *de facto* упразднилась.

Что же касается Европейской коммиссіи, то закрытіе ея въ силу международныхъ конвенцій все отсрочивалось. Выработанный ею для судоходства и полиціи на Нижнемъ Дунаѣ *уставъ* (1860 г.) утвержденъ былъ подписаннымъ державами въ Галацѣ въ 1865 г. международнымъ актомъ, подробно опредѣлившимъ условія этого судоходства и организацію межнародной полиціи *на Нижнемъ Дунаѣ*, поставившимъ персоналъ коммиссіи и ея работы и учрежденія на Дунаѣ—плотины, бакены, маяки, спасательныя учрежденія и пр.—*подъ охрану международнаго права* и принявшимъ ихъ *нейтрализованными*, т. е. неприкосновенными въ военное время. Затѣмъ, по мѣрѣ возобновленія полномочій Европейской коммиссіи, предѣлы юрисдикціи ея все болѣе расширились. Какъ мы замѣтили, первоначально юрисдикція ея простиралась отъ Чернаго моря до Исакчи; Берлинскій трактатъ (1878 г.) распространилъ ее до Галаца, а Лондонская конвенція 1883 г.—*до Браилова*. На Лондонской конференціи 1883 г., продолжившей полномочія этой коммиссіи на 21 годъ (до 1904 г.), постановлено въ мѣстѣ съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока, она еще будетъ продолжать свое существованіе трехлѣтними сроками до тѣхъ поръ, пока какая-либо держава не заявитъ, что она имѣетъ возраженія противъ дальнѣйшаго существованія коммиссіи и требуетъ какихъ-нибудь измѣненій относительно ея юрисдикціи, и тогда должна быть созвана международная конференція для обсужденія этого новаго вопроса.

Берлинскимъ трактатомъ Европейская Дунайская коммиссія была *объявлена совершенно независимой отъ территоріальной власти прибрежныхъ государствъ*. Въ настоящее время Европейская коммиссія состоитъ изъ делегатовъ шести великихъ державъ. Турціи и Румыніи (безъ участія Сербіи и Болгаріи).

Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно—на практикѣ даже болѣе, чѣмъ это необходимо въ интересахъ свободы международнаго. судоходства, — Европейской коммиссіей ограничивались и права верховенства прибрежныхъ государствъ. Поэтому въ 1883 г. по настоянію Россіи и Румыніи, права Европейской коммиссіи были ограничены относительно *Килійскаго рукава*, берега котораго принадлежатъ отчасти Россіи, отчасти же Россіи и Румыніи. Въ силу этого Россія и Румынія настояли на томъ, чтобы этотъ Килійскій рукавъ былъ изъятъ изъ-подъ фактическаго контроля Европейской коммиссіи и чтобы въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ протекаетъ одновременно по русской и Румынской территоріи, уставы дѣйствующіе на Сулинскомъ рукавѣ, находящемся въ завѣдываніи Европейской коммиссіи, приводились въ исполненіе и примѣнялись подъ наблюденіемъ русскаго и румынскаго делегатовъ. Затѣмъ, Россія и Румынія въ предѣлахъ Килійскаго рукава имѣютъ право устанавливать денежные сборы, устраивать пристани и всякія рѣчныя учрежденія, подъ однимъ только условіемъ, сообщать планы этихъ построекъ и другихъ сооруженій къ свѣдѣнію Европейской коммиссіи для удостовѣренія того, что эти учрежденія не будутъ ничѣмъ препятствовать свободѣ судоходства.

На Лондонской конференціи 1883 г. сдѣлана была попытка возрожденія *постоянной* Дунайской коммиссіи подъ новымъ названіемъ *смѣшанной Дунайской коммиссіи*, изъ делегатовъ Австріи и придунайскихъ княжествъ—Болгаріи, Румыніи и Сербіи; предсѣдательство въ этой коммиссіи предоставлялось австрійскому делегату и сверхъ того для работъ въ коммиссіи привлекались на шестимѣсячные сроки по одному члену отъ тѣхъ державъ, которыя не имѣютъ своихъ представителей въ Смѣшанной Коммисіи. Основаніе, на коемъ для Австріи предоставлялось предсѣдательство въ коммиссіи по судоходству въ той части Дуная, которая вовсе не омываетъ австрійскихъ владѣній, такъ какъ компетенція Смѣшанной Коммиссіи простирается только *отъ Желѣзныхъ Воротъ и до Браилова*—основаніе это чисто политическое, такъ какъ Австрія стремится по возможности поддерживать свое вліяніе на Дунаѣ, держать Дунай подъ своимъ контролемъ. Противъ этого постановленія Лондонской конференціи о правѣ Австріи на предсѣдательство протестовала Румынія,

и поэтому постановленія конференціи о смѣшанной пребрежной коммиссіи до нынѣ не приведены въ исполненіе.

Особые договоры о свободѣ международнаго судоходства существуютъ между Россіей, Австріей и Турціей—о судоходствѣ *по Пруту* (1866 г.), Россіи съ Австріей о судоходствѣ по *Днѣстру* и Россіи съ Австріей и Пруссіей—о судоходствѣ *по Нѣману и Вислѣ* (1815, 1818 и 1825 г.). Этими договорами установлена свобода судоходства *взаимныхъ подданныхъ* по этимъ рѣкамъ. Регламентъ судоходства по Пруту во многомъ заимствованъ изъ регламента нижнедунайскаго: для производства гидротехническихъ работъ на Прутѣ и для надзора за судоходствомъ учреждена смѣшанная коммиссія изъ делегатовъ прибрежныхъ державъ.

Особая организація надзора за свободою международнаго судоходства по нижнему Дунаю,—учрежденіе Европейской Дунайской коммиссіи,—объясняется общимъ направленіемъ Парижскаго трактата 1856 г., который имѣлъ въ виду одну главную цѣль: поставить балканскія дѣла подъ контроль Европы въ предупрежденіе усиленія на Балканскомъ полуостровѣ вліянія Россіи и возможности политическаго преобладанія Россіи на Дунаѣ. Но въ основаніи этихъ постановленій все-таки лежитъ идея усиленія вліянія международнаго союза надъ правами территоріальнаго верховенства прибрежныхъ государствъ,—идея вполнѣ соотвѣтствующая развитію въ новѣйшія времена началъ международнаго общенія, которыя и должны стоять выше территоріальнаго верховенства отдѣльныхъ государствъ, поскольку дѣло идетъ объ огражденіи общихъ всему международному союзу интересовъ *).

Въ новѣйшее время признаны международными рѣками р. *Св. Лаврентія* въ Сѣверной, *Парана* и *Уругвай* въ Южной Америкѣ: въ Азіи—*Карунъ* (въ Персіи) и въ Африкѣ—*Конго* и *Нигеръ*. Сверхъ того бразильскимъ закономъ 1866 г. рѣка *Амазонка* (національная) объявлена открытою для судоходства всѣхъ народовъ. Такимъ образомъ, Бразилія какъ бы намѣтила путь для дальнѣйшаго развитія междун. рѣчнаго права,—для призванія междун. характера за рѣками, хотя и національными, но имѣющими міровое значеніе.

Въ заключеніе намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о *Берлинской конференціи* 1885 г., установившей правила судоходства по рѣкамъ *Конго и Нигеру*. Конференція эта провозгласила начало свободы торговли въ бассейнѣ и устьяхъ Конго, распространивъ этотъ бассейнъ далеко за географи-

*) Объ интересахъ Россіи въ этомъ вопросѣ см. нѣсколько совершенно справедливыхъ замѣчаній у Даневскаго. Пособіе къ изучен. межд. пр., II стр. 53—54.

ческіе его предѣлы (на весь такъ назыв. экономическій бассейнъ Конго) для всѣхъ европейцевъ и туземцевъ на началахъ полнаго равенства; пошлины допускаются только взимаемыя на пользу самаго судоходства. Для огражденія этихъ началъ и для постояннаго надзора за ихъ исполненіемъ, а равно для поддержанія судоходности рѣки организована особая „*международная коммиссія* судоходства по Конго“ (по примѣру Дунайской коммиссіи). Свобода судоходства распространяется и на время войны (за исключеніемъ военной контрабанды).

Морское право. До сихъ поръ мы разсматривали вопросы международнаго права, касающіеся территоріи государственной, т. е. подлежащей верховной власти одного государства. Мы видѣли, что *въ интересахъ международнаго* общенія, въ интересахъ междун. союза это исключительное верховенство государства подвергается иногда болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ. Въ этихъ же интересахъ изъемлются, въ силу современнаго международнаго права изъ подъ исключительной власти отдѣльныхъ государствъ, окружающія сушу водныя пространства океановъ, морей и нѣкоторыхъ ихъ частей. Эти водныя пространства составляютъ въ полномъ смыслѣ слова *международную территорію*, состоящую въ общемъ пользованіи подданныхъ всѣхъ государствъ.

Принципъ свободы океана и открытаго моря т. е. частей океана, находящихся съ нимъ въ непосредственной связи, установился не ранѣе XVII вѣка. Хотя уже римское право причислило море къ числу res omnium communia, однако въ средніе вѣка не было приморской державы, которая не предъявляла бы притязаній на исключительное господство на прилегающихъ къ ея владѣніямъ моряхъ и частяхъ океана, а иногда даже на неприлегающихъ, но которыя государство въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній считало себя въ правѣ предъявлять притязанія на исключительное право пользованія. Такъ Венеція предъявляла притязанія на исключительное пользованіе Андріатическимъ моремъ, Швеція на Балтійское море, Турція на Черное и Мраморное, Испанія и Португалія на Атлантическій и Индѣйскій океаны.

Объявивъ свое господство на томъ или другомъ морѣ, государства либо совершенно запрещали иностраннымъ судамъ доступъ въ него, либо требовали подчиненія ихъ своей юрисдикціи и подвергали ихъ произвольнымъ стѣсненіямъ. Особенно усилились эти притязанія морскихъ державъ въ XVI—XVII в., когда послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію явилась для нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ на морѣ державъ возможность извлекать огромные барыши

отъ исключительной эксплуатаціи своихъ заморскихъ колоній. На присвоеніе себѣ и своимъ подданымъ исключительнаго права колоніальнаго судоходства и торговли съ устраненіемъ конкуренціи другихъ народовъ направлены были всѣ усилія морскихъ державъ. Въ наиболѣе жесткой формѣ что стремленіе проявлялось въ морской политикѣ Англіи, вызвавшей этимъ энергическій отпоръ со стороны Голландіи и ея ученыхъ публицистовъ. Въ появившемся въ 1609 г. сочиненіи *Гуго Гроція* Mare liberum впервые сгруппированы были въ стройную систему всѣ общепризнанные нынѣ доводы въ пользу свободы моря, какъ наиболѣе удобнаго пути для международныхъ сношеній.

Противъ Гроція выступилъ въ 1635-мъ году англичанинъ *Сельденъ* въ своемъ сочиненіи „Mare clausum“, гдѣ онъ доказывалъ, что море можетъ быть разграничено географическими и математическими линіями, а потому и подлежать освоенію. Но теорія Сельдена, опиравшаяся на притязанія Англійскаго правительства на господство надъ окружающими Англію морями, не встрѣтила поддержки со стороны публицистовъ другихъ государствъ, заинтересованныхъ въ свободѣ морскихъ сношеній, и съ конца XVIII вѣка, благодаря отчасти блестящей защитѣ принципа свободы моря, представленной голландцемъ *Бинкершукомъ* въ сочиненіи его: De dominio maris (1762 г.) принципъ этотъ получаетъ всеобщее признаніе. Въ настоящее время, по справедливому замѣчанію Блюнчли: „современное международное право не допускаетъ закрытія для всемірнаго оборота такихъ морей, которыя естественно соединены съ океаномъ, хотя бы всѣ берега этихъ морей составляли собственность одного государства“. Открытое море общедоступно и не подчинено ничьей отдѣльной государственной власти, хотя бы она фактически и имѣла возможность предписывать здѣсь законъ другимъ государствамъ.

Открытымъ моремъ общедоступнымъ для народныхъ сношеній признается громадное, представляющее собою нѣчто цѣлое. пространство воды, окружающее твердую землю, т. е. *океанъ и всякое море, непосредственно съ нимъ соединенное.* На этомъ основаніи признаются окрытыми моря: Балтійское, Адріатическое, Мраморное, Черное. По мнѣнію проф. Мартенса, Азовское море „скорѣе“ закрытое, въ виду отдаленной связи его съ океаномъ, его размѣровъ и принадлежности его береговъ и входа въ него—Россіи. Карское море открытое, такъ какъ непосредственно связано съ Сѣвернымъ океаномъ.

Въ противоположность этимъ открытымъ морямъ считаются *закрытыми* или *внутренними* тѣ, которыя *не имѣютъ*

сообщенія съ океаномъ, но по своему составу представляютъ собою моря, а не озера. Таковы Мертвое море въ Азіи, принадлежащее Турціи, Аральское море, принадлежащее Россіи и Каспійское море. Хотя послѣднее омываетъ и русскія, и персидскія владѣнія, но пользованіе этимъ моремъ принадлежитъ обоюднымъ подданнымъ только для торговаго судоходства. Что же касается военнаго, то по *Туркменчайскому договору* 1828 г. постановлено, что „какъ издревле одни военныя суда подъ россійск. военнымъ флагомъ могли имѣть плаваніе на этомъ морѣ, то по сей причинѣ предоставляется и подтверждается имъ и нынѣ сіе прежнее исключительное право, съ тѣмъ, что кромѣ Россіи никакая другая держава не можетъ имѣть на Каспійскомъ морѣ судовъ военныхъ.

Главнымъ юридическимъ основаніемъ признанія свободы открытаго моря служитъ сознанная цивилизованными государствами необходимость ея для развитія международныхъ оборотовъ: принципъ свободы моря вытекаетъ изъ общности и солидарности интересовъ всѣхъ народовъ. Въ силу современнаго международнаго права, открытое море не можетъ состоять ни въ собственности, ни во владѣніи, ни подъ продолжительнымъ государственнымъ господствомъ какой-либо державы и потому пользованіе имъ никакому государству, въ лицѣ его подданныхъ, не можетъ быть въ мирное время никѣмъ запрещаемо или затрудняемо.

Изъ принципа свободы открытаго моря вытекаютъ слѣдующія юридическія послѣдствія:

1) Открытыя моря *свободны для судоходства и эксплоатаціи* (рыбная ловля) всѣхъ народовъ на основаніи полнаго равенства между ними; въ открытомъ морѣ всѣ флаги равны.

2) Въ открытомъ морѣ *нѣтъ мѣста государственному управленію*, государственной *судебной власти*, государственной *полиціи* отдѣльнаго государства относительно пользованія моремъ подданныхъ другаго государства. Поэтому ни одна держава не имѣетъ права остановки, *обыска* (т. е. освидѣтельствованія груза или *осмотра* (т. е. освидѣтельствованія корабельныхъ бумагъ) въ открытомъ морѣ иностранныхъ судовъ и права взимать *сборы или пошлины* на судоходство въ открытомъ морѣ. Государство не въ правѣ требовать платежей (если это не было условлено договоромъ) даже за сооруженія, сдѣланныя имъ для пользы судоходства.

3) Поэтому суда, плавающія въ открытомъ морѣ, подлежатъ лишь юрисдикціи государственной и судебной власти и законамъ той, страны, къ которой принадлежатъ, — они считаются какъ бы отторгнутыми *частями своего отечества*.

Поэтому юридическія сдѣлки и преступныя дѣянія совершенныя на кораблѣ (военномъ или коммерческомъ — безразлично) въ открытомъ морѣ, подчиняются исключительно законамъ государства, которому принадлежитъ судно.

4) Отсюда дальнѣйшіе два принципа: а) всякое государство *отвѣтственно за дѣйствія своихъ подданныхъ* въ открытомъ морѣ, и b) государства *обязаны заботиться*, чтобы морскія сношенія, рыболовство и другіе промыслы, производимые ихъ подданными въ открытомъ морѣ, совершались правильно и безобидно для другихъ народовъ.

Въ виду всего этого особое значеніе имѣетъ вопросъ объ опредѣленіи *національности корабля*. Она опредѣляется законами государства, которому принадлежитъ судно, причемъ законодательства придаютъ обыкновенно главное значеніе національному составу экипажа. По законамъ Франціи и Англіи требуется, чтобы судно принадлежало подданному и чтобы $^3/_4$ экипажа судна были подданные: по нашимъ законамъ — чтобы судохозяинъ, капитанъ и $^1/_4$ экипажа были русскіе. Внѣшнимъ образомъ національность судна выражается *національнымъ флагомъ*,—военнымъ или торговымъ,—и подтверждается *корабельными бумагами*, въ которыхъ значится національность и размѣръ судна, составъ его экипажа, время и мѣсто его отправленія и назначенія, характеръ груза. Пользованіе чужимъ національнымъ флагомъ допускается только съ особаго разрѣшенія чужаго государства (у насъ—съ разрѣшенія Императора).

Свобода моря не означаетъ однако, что открытое море находится внѣ права и юридической охраны. Такъ какъ свобода и безопасность морскихъ сношеній представляетъ интересъ всѣхъ государствъ, то морское судоходство *подчиняется общему надзору международнаго союза*, выражающемуся въ международныхъ соглашеніяхъ касательно порядка пользованія моремъ и охраны свободы и безопасности судоходства въ немъ. Такъ, по взаимному соглашенію государствъ установлены правила о предупрежденіи столкновеній между рыболовами въ открытомъ морѣ, о взаимной помощи при кораблекрушеніяхъ и въ случаѣ опасности, о предупрежденіи столкновеній судовъ въ морѣ и т. п. Эти правила устанавливаются частью обычаемъ, частью національными законодательствами государствъ, частью, наконецъ, международными трактатами (напр. конвенція 1882 г. въ Гагѣ между Англіею, Германіею, Франціею, Даніею, Голландіею и Бельгіею о рыболовствѣ въ Сѣверномъ морѣ и добавочная 1887 г. о запрещеніи плавучихъ кабаковъ въ этомъ морѣ). Ради интересовъ морской полиціи, въ силу международныхъ

соглашеній допускаются и отступленія отъ принципа неприкосновенности судовъ въ открытомъ морѣ т. е. запрещенія осмотра или обыска кораблей чужого государства, а именно относительно судовъ, подозрѣваемыхъ въ морскомъ разбоѣ или въ торговлѣ невольниками.

Еще съ начала этого столѣтія Европейскія державы выступили въ защиту *правъ негровъ*. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Англійскому правительству. Оно заявило на Вѣнскомъ конгрессѣ, что державы обязаны принять общія мѣры „для полной и окончательной отмѣны зла, которое такъ долго опустошало Африку, унижало Европу и печалило человѣчество"; по его настояніямъ на конгрессѣ подписана была декларація державъ о неотложной необходимости скорѣйшаго прекращенія торга неграми, а *договоръ* 1841 г., заключенный Англіей, Австріей, Пруссіей, Россіей и Франціей (которая потомъ отказалась) опредѣлилъ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для дѣйствительнаго прекращенія негроторговли. Онѣ сводятся къ слѣдующему: 1) военнымъ крейсерамъ, плавающимъ около Африканскихъ береговъ, дозволяется останавливать и подвергать осмотру подозрительныя суда; 2) судно, задержанное съ неграми, должно быть отведено въ портъ того государства, подъ флагомъ котораго оно плавало и здѣсь негроторговецъ подвергается опредѣленному судомъ наказанію черезъ повѣшеніе, а судно конфискуется и изъ стоимости его выплачивается опредѣленное вознагражденіе крейсеру, 3) торгъ невольниками приравнивается къ морскому разбою. Притязаніе Англіи, которая не удовлетворялась правомъ осмотра, а требовала себѣ права обыска, вызвало протестъ Франціи и С. Штатовъ и всѣ послѣдующіе договоры о противодѣйствіи негроторговлѣ устанавливаютъ лишь право осмотра бумагъ, признавая неправильность ихъ основаніемъ для обыска и захвата судна.

Несмотря, однако, на противодѣйствіе негроторговлѣ вышеупомянутыми договорами, она продолжаетъ существовать въ Африкѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Азіи. Поэтому на *Берлинской конференціи* 1885 г. уполномоченные четырнадцати государствъ снова обсуждали вопросъ о болѣе дѣйствительныхъ способахъ борьбы съ негроторговлею; тогда было указано на необходимость сосредоточить усилія на уничтоженіе самаго *источника зла рабовладѣнія*. Поэтому съ 1885 г. усилія Англійскаго, Германскаго и другихъ правительствъ направлены къ тому, чтобы трактатами и военными мѣрами пресѣчь эту торговлю и побудить туземныхъ владѣтелей къ отказу отъ рабовладѣнія. Вскорѣ однако выяснилась потребность въ новомъ международномъ собраніи

съ цѣлью обсужденія дальнѣйшихъ общихъ мѣръ къ борьбѣ съ рабовладѣніемъ. Въ 1890 г. состоялась *Брюссельская конференція*, постановленія которой, надо полагать, будутъ болѣе дѣйствительны въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ. Актъ, принятый державами, участвовавшими на этой конференціи, запрещаетъ безусловно ввозъ оружія во всѣ области Африки, гдѣ производится охота на невольниковъ. Кромѣ того, государства должны принять въ своихъ колоніяхъ слѣдующія мѣры: увеличеніе войска, укрѣпленій, сооруженіе шоссейныхъ дорогъ, рельсовыхъ путей, учрежденіе пароходства на рѣкахъ, устройство телеграфныхъ линій, запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ, т. е. совокупность мѣръ, помогающихъ фактическому завладѣнію и правильному управленію колоніальными владѣніями Африки. *Для надзора же за берегами Африки* установлено право осмотра кораблей.

Въ видѣ исключенія дозволяется также кораблямъ воюющихъ державъ останавливать нейтральныя суда въ открытомъ морѣ для удостовѣренія въ ихъ національности и соблюденіи ими обязанностей нейтралитета.

Мы замѣтили выше, что негроторговля приравнивается въ силу международныхъ соглашеній морскому разбою. *Морскимъ разбойникомъ* или пиратомъ называется тотъ, кто, *не имѣя на то полномочія отъ государства*, насильно захватываетъ въ открытомъ морѣ суда, съ намѣреніемъ завладѣть находящимся на нихъ чужимъ имуществомъ. Каждое военное судно всякаго государства уполномочивается задерживать виновныя въ разбоѣ въ открытомъ морѣ или подозрѣваемыя въ этомъ суда, обыскивать ихъ и, въ случаѣ справедливости подозрѣнія, приводить въ портъ своего отечества. Такое судно конфискуется, а экипажъ предается суду. По нашимъ законамъ виновные въ морскомъ разбоѣ подвергаются каторжной работѣ до 15 лѣтъ.

Особое юридическое положеніе занимаютъ въ международной сферѣ береговыя моря и территоріальныя.

Береговое море. *Подъ береговымъ моремъ разумѣется та часть моря, которая омываетъ владѣнія прибрежнаго государства.* Она признается собственностью этого государства, считается продолженіемъ прибрежной территоріи и подлежитъ его власти: 1) вслѣдствіе требованій безопасности государства отъ внезапныхъ нападеній извнѣ; и 2) требованій необходимаго для него таможеннаго, полицейскаго и санитарнаго надзора надъ судами, пребывающими въ береговыхъ водахъ; наконецъ, 3) для жителей морскаго берега исключительная власть прибрежнаго государства обезпечиваетъ возможность существованія рыболовствомъ, т. к. рыболовство

въ предѣлахъ берегового моря признается привиллегіею подданныхъ прибрежнаго государства.

Въ силу господства прибрежнаго государства надъ береговымъ моремъ, его законамъ, суду и распоряженіямъ подчиняется все, что находится и что совершается въ предѣлахъ этого моря. Всѣ таможенныя, административныя и полицейскія мѣры *), имъ установленныя, обязательны для иностранныхъ кораблей и ихъ экипажа, прибывающихъ въ этой чертѣ. Преступленія, совершенныя иностранцами въ портахъ государства, преслѣдуются и наказуются по его законамъ **). Сдѣлки, въ которыя они вступаютъ (между собою или) съ туземными подданными во время пребыванія въ водахъ государства, вѣдаются мѣстнымъ судомъ. Словомъ, для этихъ лицъ и для ихъ юридическихъ отношеній законъ прибрежнаго государства столь же обязателенъ, какъ обязателенъ вообще территоріальный законъ для всѣхъ иностранцевъ на чужой территоріи.

На основаніи консульскихъ конвенцій и трактатовъ о торговлѣ и мореплаваніи обыкновенно дисциплинарная власть надъ экипажемъ судна предоставляется капитанамъ и шкиперамъ и ихъ національнымъ консуламъ относительно проступковъ, совершенныхъ на самомъ суднѣ. Проф. Мартенсъ справедливо замѣчаетъ однако, что такія постановленія должны быть толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ. Такія дѣйствія, которыми нарушается безопасность и порядокъ порта всегда могутъ быть преслѣдуемы со стороны мѣстныхъ властей. Исключеніе изъ подсудности мѣстной территоріальной власти составляютъ *военные корабли*. На основаніи обычая, коренящагося какъ въ уваженіи къ представляемой ими независимости ихъ государствъ, такъ и въ соображеніи, что военная дисциплина даетъ достаточныя гарантіи уваженія ими мѣстныхъ законовъ и соблюденія ими порядка, они освобождаются отъ мѣстной полицейской и судебной власти осносительно порядка на самомъ кораблѣ (въ случаѣ же противозаконныхъ дѣйствій экипажа противъ другихъ кораблей или населенія можно принять соотвѣтствующія мѣры). Такое же исключеніе дѣлается для кораблей монарховъ и пословъ и, на основаніи спеціальныхъ трактатовъ, для почтовыхъ пароходовъ (пакетботы) и для судовъ, исполняющихъ правительственныя порученія (напр. транспортъ ссыльныхъ на корабляхъ нашего добровольнаго флота). Для военныхъ кораблей существуетъ пра-

*) Напр. о стоянкѣ, о соблюденіи сигналовъ, о бросаніи якоря, о вывѣшиваніи страженныхъ фонарей, о карантинѣ и т. п.

**) Впрочемъ при исполненіи своихъ судебныхъ или административныхъ обязанностей относительно иностраннаго судна мѣстныя власти обязаны по общепринятому обычаю увѣдомить объ этомъ консула того государства, флагъ котораго носитъ судно.

вило, что они могутъ входить въ иностранный портъ только съ разрѣшенія того государства, чей портъ. Въ наши порты допускается не болѣе 3-хъ военныхъ кораблей одного государства. Для входа военнаго корабля въ коммерческій портъ особаго разрѣшенія не требуется: командиръ лишь сообщаетъ мѣстному начальству о предположенномъ срокѣ пребыванія въ портѣ и о числѣ команды. Для предупрежденія возможности столкновеній между экипажемъ корабля и мѣстными жителями принято за правило, чтобы лица команды отпускались на берегъ безъ оружія, или чтобы за исключеніемъ офицеровъ никто на берегъ не отпускался. Относительно преступленій, совершенныхъ внѣ военнаго корабля, на берегу, принято различать, *находится ли лицо на берегу по служебной надобности*,—тогда дѣйствуютъ тѣ правила, которыя основываются на принципѣ экстерриторіальности (въ силу дипломатическихъ соглашеній); *если же лицо отправилось на берегъ по своимъ частнымъ дѣламъ*, то оно подвергается отвѣтственности передъ мѣстнымъ судомъ. Это признаніе за военными кораблями территоріальнаго характера простирается до такой степени, что имъ предоставляется право покровительства, убѣжища для преступниковъ. Но въ виду того, что уголовныя преступленія имѣютъ общій интересъ, въ международной практикѣ принято, что уголовные преступники не должны имѣть убѣжища на кораблѣ.

Необходимо замѣтить, что власть прибрежнаго государства надъ береговымъ моремъ не должна быть понимаема въ смыслѣ полнаго исключенія этихъ водъ изъ числа естественныхъ артерій межд. оборотовъ. Только англійское законодательство ставитъ безусловнымъ принципомъ, что всѣ суда, находящіяся въ предѣлахъ территоріальныхъ водъ Англіи 3) мили отъ берега) подчиняются суду и законамъ Англіи. Что же касается другихъ государствъ, то они признаютъ, что если какое-либо купеческое судно только проходитъ черезъ линіи ихъ берегового или территоріальнаго морей, то не становится еще черезъ это подсуднымъ прибрежнымъ властямъ; для такой подсудности необходимо, чтобы судно продлило здѣсь свое пребываніе, бросило якорь или приступило къ разгрузкѣ товаровъ.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, власть прибрежнаго государства надъ береговымъ и территоріальнымъ морями должна разсматриваться не какъ право собственности, частнаго владѣнія, но какъ право владычества, государства, оправдываемаго интересами государственными и международными.

Въ виду широкихъ правъ, которыми пользуется государство въ отношеніи берегового моря, чрезвычайно важно опре-

дѣлить *предѣлы* его: гдѣ оканчивается власть прибрежнаго государства и начинается открытое море? Понятно само собою, что насколько свобода открытаго моря составляетъ общій интересъ всѣхъ государствъ, на столько же отдѣльныя государства бываютъ заинтересованы въ возможно большемъ расширеніи своего берегового моря. Поэтому и до настоящаго времени нѣкоторыя государства объявляютъ береговыми такія пространства, которыя въ дѣйствительности переходятъ уже въ открытое море, и тѣмъ стѣсняютъ его свободу. При опредѣленіи границъ берегового моря теорія межд. права со времени Бинкергука (XVIII в) исходитъ изъ того положенія, что власть прибрежнаго государства кончается тамъ, гдѣ она фактически не можетъ быть поддержана: Terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis". Отсюда на практикѣ установилось общее правило: граница береговыхъ водъ должна опредѣляться пушечнымъ выстрѣломъ съ берега. А такъ какъ такой масштабъ представляетъ величину весьма измѣнчивую, то въ настоящее время большинство трактатовъ, заключенныхъ государствами, принимаютъ *за крайнюю черту берегового моря линію, простирающуюся на 3 англ. морскихъ мили (1 геогр. миля) отъ максимальнаго предѣла отлива.* Это опредѣленіе принято и внутренними законодательствами разныхъ западноевропейскихъ государствъ. Такъ англійскій законъ 1878 г. Territorial Waters Jurisdiction Act. ограничиваетъ пространство береговой юрисдикціи королевства на 3 англійскихъ мили. „*Правила о призахъ и репризахъ*" 1869 г. опредѣляютъ, что „подъ именемъ свободнаго моря разумѣть должно воды, находящіяся подъ пушечными выстрѣлами береговыхъ батарей или отстоящія отъ берега на разстояніи трехъ морскихъ миль".

Территоріальное море: Территоріальнымъ моремъ называютъ *заливы, рейды, бухты и вообще морскія воды, окруженныя территоріей какого-либо государства.* Такія воды должны считаться подъ властью прибрежнаго государства на тѣхъ же основаніяхъ и въ виду тѣхъ же соображеній, на какихъ береговое море признается подлежащимъ юрисдикціи прибрежнаго государства. Но необходимо, чтобы заливы, бухты, рейды были дѣйствительно окружены владѣніями одной державы. Поэтому, если даже входъ въ заливъ находится подъ властью одного государства (т. е. оба берега его принадлежатъ одному государству и онъ не шире двухъ пушечныхъ выстрѣловъ или 6 миль), а надъ остальнымъ побѣрежьемъ господствуетъ другая держава, то господствующее надъ входомъ государство не имѣетъ права собственности надъ всѣмъ заливомъ.

На этомъ основаніи къ территоріальнымъ морямъ можно причислить: *Рижскій заливъ* (Россія). Зюдерзее (Голландія), море между Англіей и островомъ Уайтомъ. Во время владычества Швеціи надъ Финляндіей Ботническій заливъ былъ территоріальнымъ моремъ этой державы. Проф. Мартенсъ причисляетъ къ территоріальнымъ морямъ и Финскій заливъ, хотя нѣкоторые писатели не безъ основанія не признаютъ его территоріальнымъ въ виду, главнымъ образомъ, его размѣровъ.

Проливы. Въ видахъ безпрепятственнаго пользованія проливами, государства издавна и много разъ вступали между собою въ соглашенія, въ особенности относительно проливовъ, соединяющихъ открытыя моря, для опредѣленія надъ ними власти пребрежныхъ государствъ. Въ современной теоріи и практикѣ установились слѣдующія начала, опредѣляющія власть прибрежнаго государства надъ проливами. Если проливъ находится подъ пушечными выстрѣлами одного и того же государства, то считается подъ властью послѣдняго и разсматривается, какъ его территоріальное владѣніе. Если же проливъ раздѣляетъ два государства и имѣетъ не болѣе 6-ти англ. миль, то граница между ними опредѣляется линіей, проводимой черезъ средину пролива. На этомъ основаніи Мессинскій проливъ принадлежитъ Италіи, а проливъ Керченскій считается принадлежащимъ Россіи. Но надо различать проливы, соединяющіе открытыя моря и открытыя съ закрытымъ. Проливъ, которымъ *соединяются открытыя моря*, долженъ быть свободенъ для коммерческихъ судовъ всѣхъ государствъ, независимо отъ того, окружаютъ ли его владѣнія одного государства или нѣсколькихъ. Только военнымъ судамъ можетъ быть запрещенъ проходъ, если того требуетъ безопасность государства, владѣющаго проливомъ. Напротивъ проливъ, *ведущій въ закрытое море*, подчиняется неограниченной власти пребрежнаго государства. Такъ, Англія считаетъ проливы св. Георгія и Сѣверный каналъ и Ирландское море своими территоріальными водами. Это различіе является естественнымъ послѣдствіемъ свободы открытыхъ морей. Въ теченіи долгаго времени Данія заявляла притязанія на *Зундскій проливъ* и взимала высокія пошлины со всѣхъ проходящихъ черезъ него кораблей; такъ какъ эти пошлины стѣсняли свободу судоходства между открытыми морями, то по почину Вашингтонскаго правительства европейскія державы по Копенгагенскому трактату 1857 г. выкупили Зундскую пошлину за 30 милл. датск. марокъ, а Данія обязалась за это содержать маяки и другія учрежденія, необходимыя для безопасности прохода черезъ проливъ.

Относительно *Босфора и Дарданелл* (тоже окруженныхъ сполна турецкими территоріями) надо замѣтить, что еще съ XVIII вѣка Европейскія государства стараются добиться права свободнаго плаванія по этимъ проливамъ. Особенно важно было добиться разрѣшенія судоходства черезъ проливы для Россіи, послѣ того какъ въ концѣ XVIII в. ей удалось утвердиться на Черномъ морѣ. Россія и не замедлила достигнуть свободы торговаго судоходства черезъ проливы, какъ для себя, такъ и для другихъ державъ. Но въ виду принадлежности обоихъ проливовъ Турціи и въ виду того, что на Босфорѣ стоитъ самая столица турецкой имперіи, Порта рѣшительно отказывала въ разрѣшеніи военнаго иностраннаго судоходства черезъ нихъ. Противъ этого запрещенія западныя державы никогда не возражали и между прочимъ, это право Порты закрывать проливы для военныхъ кораблей признано было въ договорѣ Турціи съ Англіею 1809 г. Однако въ 30-хъ годахъ вопросъ о проливахъ былъ вновь поднятъ. По поводу возмущенія египетскаго паши Мегмета-Али противъ Турціи, Порта заключила съ Россіею союзъ (Ункіаръ-Скелесскій договоръ 1833 г.), въ силу котораго Россія обязывалась къ военной помощи Турціи, а Турція открывала проливы для русскихъ военныхъ судовъ, оставляя въ силѣ запрещеніе доступа въ нихъ для судовъ другихъ державъ. Это возбудило опасенія и недовольство западныхъ державъ и въ силу *Лондонской конвенціи* 1841 г. державы, въ томъ числѣ и Россія, обязались соблюдать издавна установленное султаномъ правило, что Босфоръ и Дарданеллы должны быть въ мирное время закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ государствъ безъ различія; султанъ удерживалъ за собою право лишь разрѣшать проходъ черезъ проливы легкимъ военнымъ судамъ. Это постановленіе 41 года повторяется затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Россіи и европейскихъ государствъ съ Портою. За послѣднее время возникъ вопросъ о свободномъ пропускѣ черезъ Дарданеллы и Босфоръ пароходовъ „Добровольнаго флота“. Дѣло въ томъ, что цѣль этого флота смѣшанная: въ военное время—онъ военный, въ мирное же—торговый. Правительственныя порученія суда добровольнаго флота исполняютъ при перевозкѣ преступниковъ на Сахалинъ, при чемъ въ такихъ случаяхъ на пароходѣ бываетъ небольшой военный отрядъ; это то послѣднее обстоятельство и смущало Турцію и другія державы. Однако теперь Турція согласилась признавать такіе пароходы въ мирное время частными и слѣдовательно имъ дается безпрепятственный проходъ, какъ пароходамъ торговымъ.

Международные каналы, Панама и Суэцъ. Вторая половина нашего столѣтія была свидѣтельницей предпріятія

двухъ большихъ искусственныхъ соединеній морей, изъ которыхъ одно—Суэцкій каналъ—было счастливо доведено до конца, другое же, болѣе важное, прорытіе Панамскаго перешейка, которое Бентамъ хотѣлъ поручить всемірной компаніи, въ настоящее время пріостановилось вслѣдствіе злоупотребленій администраціи и дурного управленія работами, но безъ сомнѣнія въ будущемъ достигнетъ какимъ нибудь образомъ окончанія. 17 (29) октября 1888 г. *въ Константинополѣ* былъ подписанъ державами и Турціею договоръ, которымъ опредѣляется юридическое положеніе Суэцкаго канала, какъ міроваго, для всѣхъ открытаго пути сообщенія.

Въ этомъ договорѣ, съ общаго согласія, приняты слѣдующія начала: морской Суэцкій каналъ, *въ военное и мирное время*, долженъ быть *всегда свободнымъ* и открытымъ для всѣхъ торговыхъ и военныхъ судовъ, безъ различія флаговъ. Договаривающіяся державы обязуются, ни въ военное, ни въ мирное время, не вредить свободному пользованію каналомъ. Каналъ никогда не будетъ подвергаться блокадѣ. Державы обязуются охранять и не наносить вреда матеріальной части канала, учрежденіямъ, постройкамъ, работамъ на каналахъ морской и прѣсной воды. Такъ какъ морской каналъ долженъ оставаться открытымъ въ военное время, какъ свободный проходъ также и для судовъ воюющихъ сторонъ, то въ немъ и входныхъ къ нему портахъ, равно какъ и на пространствѣ трехъ миль (морскихъ) отъ этихъ гаваней *не должно дѣйствовать военное право*, не должны производиться никакія непріязненныя дѣйствія, особенно же не должны имѣть мѣста никакія дѣйствія, могущія нанести вредъ свободному судоходству. Никакія военныя суда державъ не должны *останавливаться* въ каналѣ; это дозволяется имъ только въ гаваняхъ Портъ-Саидъ и Суэцъ, но не больше, какъ по два отъ каждой державы и не долѣе 24 часовъ. Наблюденіе за приведеніемъ договора въ исполненіе возлагается на аккредитованныхъ въ Египтѣ дипломатическихъ агентовъ договаривающихся сторонъ, которые должны, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, собираться для этого въ правильныя конференціи. Предложеніе Франціи учредить особую наблюдательную коммиссію въ качествѣ постояннаго между народнаго органа, не было принято.

То же, вѣроятно, произойдетъ въ будущемъ и относительно Панамскаго канала, имѣющаго соединить Атлантику съ Тихимъ океаномъ и получить громадное всемірное значеніе для торговли и мореплаванія. Но пока о немъ не имѣется еще международнаго соглашенія и коллективной его гарантіи; впрочемъ, Соединенные Штаты и Англія (наи-

болѣе заинтересованные) заключили въ 1850 году конвенцію (Бульверъ-Клэйтонскую), въ которой обѣ державы заранѣе отказываются отъ всякихъ „особенныхъ правъ“ на Панамскій каналъ и отъ попытокъ создать себѣ на немъ „привиллегированное положеніе“, объявляютъ каналъ путемъ морскихъ сообщеній „для блага всего человѣчества“, и на „правахъ полнаго равенства для всѣхъ“, а потому нейтральнымъ на случай войны между ними; оба государства обязуются „сообща защищать его безопастность и нейтралитетъ“.